
150 стр. ордена
Кутузова II ст.
идрицк. див.
79 с.к. 3 у.а. 1 б.ф
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 9 ФЕВРАЛЬ 1978

Во время вручения награды.

ВРУЧЕНИЕ ТОВАРИЩУ Л. И.

Указ Президиума Верховного Совета СССР

О награждении Генерального секретаря Центрального Комитета КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР, Председателя Совета обороны СССР Маршала Советского Союза Брежнева Л. И. орденом «Победа»

За большой вклад в победу советского народа и его Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне, выдающиеся заслуги в укреплении обороноспособности страны, за разработку и последовательное осуществление внешней политики мира Советского государства, надежно обеспечивающей развитие страны в мирных условиях, наградить Генерального секретаря Центрального Комитета КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР, Председателя Совета обороны СССР Маршала Советского Союза **Брежнева** Леонида Ильича орденом **«Победа»**.

Первый заместитель Председателя
Президиума Верховного Совета СССР
В. КУЗНЕЦОВ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

Москва, Кремль. 20 февраля 1978 г.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 9 (2642)

25 ФЕВРАЛЯ 1978

Фото М. Скурихиной

БРЕЖНЕВУ ОРДЕНА «ПОБЕДА»

20 февраля в Кремле в торжественной обстановке состоялось вручение ордена «Победа» Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР, Председателю Совета обороны СССР Маршалу Советского Союза Л. И. Брежневу. Этого высшего военного ордена товарищ Л. И. Брежнев удостоен за большой вклад в победу советского народа и его Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне, выдающиеся заслуги в укреплении обороноспособности страны, за разработку и последовательное осуществление внешней политики мира Советского государства, надежно обеспечивающей развитие страны в мирных условиях.

При вручении награды были члены Политбюро ЦК КПСС Ю. В. Андропов, В. В. Гришин, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Ф. Д. Кулаков, Д. А. Кунаев, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, М. А. Суслов, Д. Ф. Устинов, кандидаты в члены Политбюро ЦК КПСС Г. А. Алиев, П. Н. Демичев, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев, К. У. Черненко, секретари ЦК КПСС В. И. Долгих, М. В. Зимянин, Я. П. Рябов, К. В. Русаков, а также заместители Председателей Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР, члены коллегии Министерства обороны СССР, видные военачальники, ветераны войны, ответственные работники ЦК КПСС, Верховного Совета СССР.

При вручении ордена «Победа» товарищу Л. И. Брежневу выступил член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов.

В своей речи товарищ М. А. Суслов, в частности, сказал:

— Вы, Леонид Ильич, хорошо знаете дорогую цену завоеванной победы, высочайшую ценность мира для нашего народа и всех народов земли. В упорной, бескомпромиссной борьбе за прочный мир на нашей планете, которую ведет на международной арене Советский Союз вместе с братскими странами социализма и другими миролюбивыми силами, с особой силой и страстью звучит Ваш голос, голос человека, прошедшего через горнило войны.

Под бурные, продолжительные аплодисменты присутствующих товарищ М. А. Суслов вручил товарищу Л. И. Брежневу высшую военную награду — орден «Победа».

С ответной речью выступил товарищ Л. И. Брежнев.

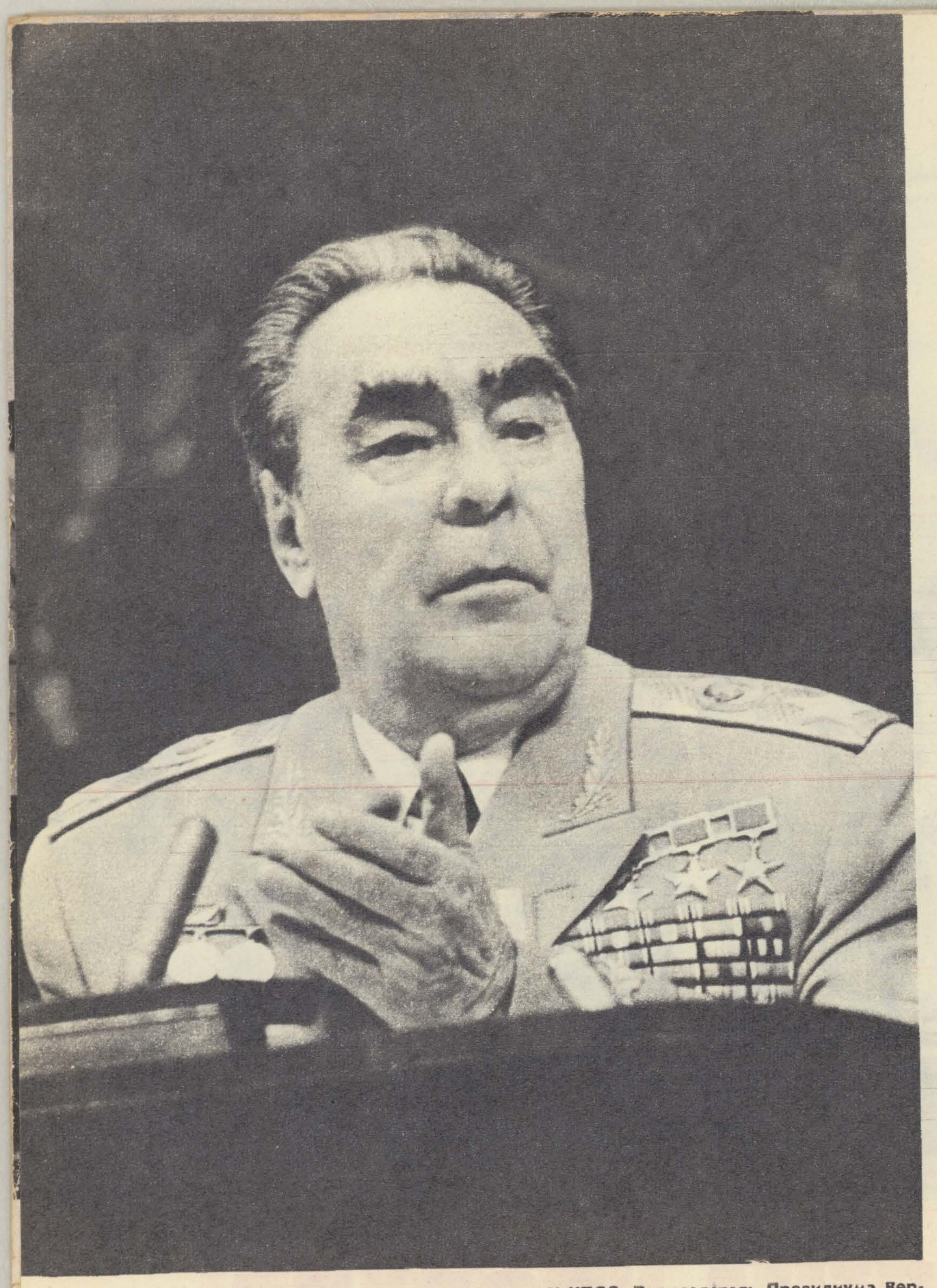
— Защищая Родину, сражаясь против фашизма,— сказал товарищ Л. И. Брежнев,— наши солдаты, наши советские люди думали о мире. Мы воевали за то, чтобы не было больше военных пожарищ. Мы воевали за то, чтобы не рыдали матери, оплакивая своих сыновей. Мы воевали за то, чтобы отстоять свободу своего народа и народов других стран, отстоять их право на жизнь, на мирный труд, на счастье.

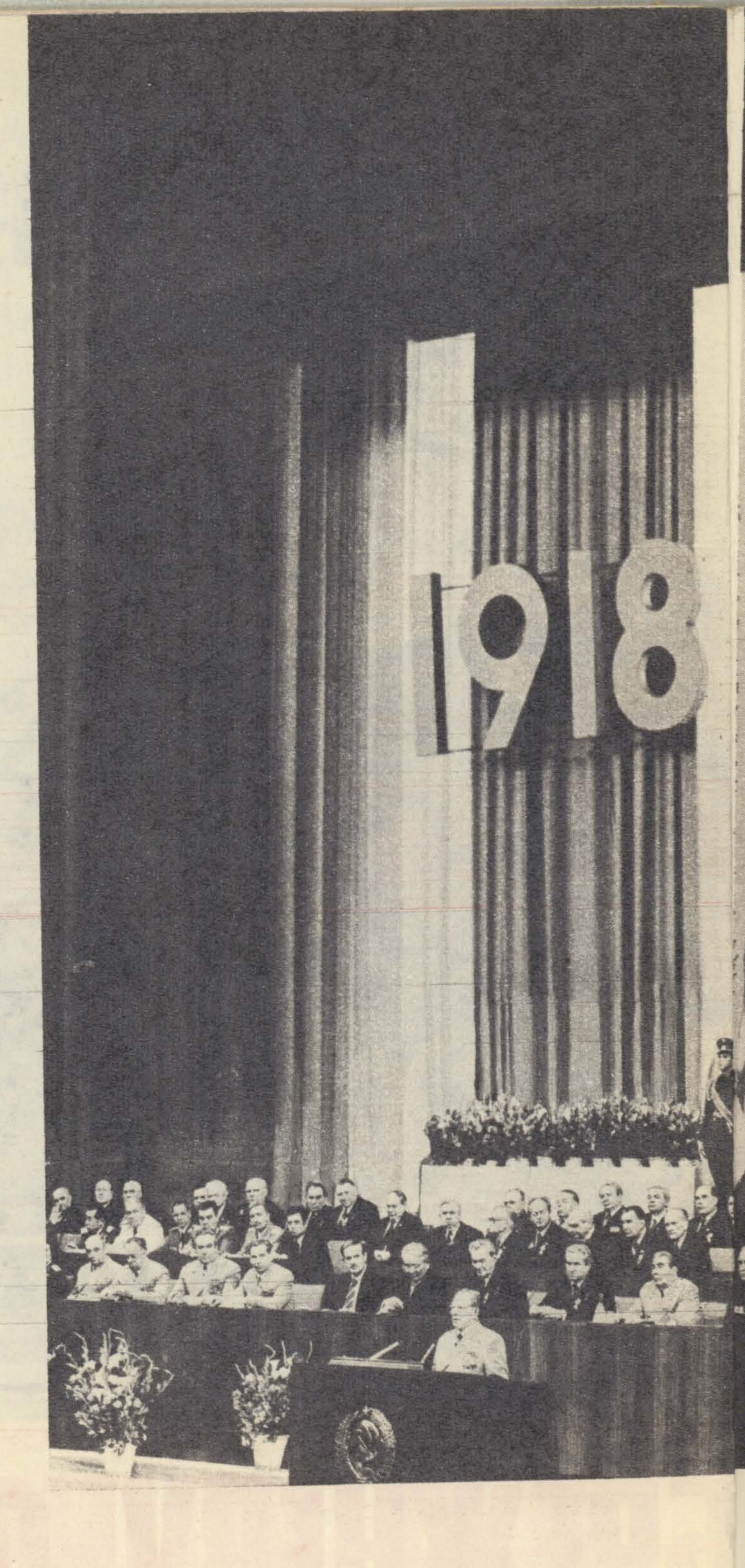
Товарищ Л. И. Брежнев заключил свою речь словами:

— Дорогие товарищи! Друзья! Принимая эту награду, хочу заверить вас и в вашем лице всех коммунистов, всех советских людей, что и впредь, как на протяжении всей моей сознательной жизни, путеводной звездой для меня будут великие идеи Ленина, идеи коммунизма. У меня, как у каждого члена нашей партии, нет более высокого интереса, чем благо народа, благо Родины.

Речь товарища Л. И. Брежнева была встречена горячими, продолжительными аплодисментами.

С высшей военной наградой товарища Л. И. Брежнева горячо поздравили руководители Коммунистической партии и Советского государства, видные военачальники, ветераны Великой Отечественной войны, они пожелали Леониду Ильичу крепкого здоровья, плодотворной деятельности на благо советского народа, во имя мира и торжества светлых идеалов коммунизма.

На трибуне — Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР, Председатель Совета обороны СССР Маршал Советского Союза Л. И. Брежнев.

НАДЕЖНЫЕ ЗАЩИТНИКИ

Вся героическая история Советской Армии и Военно-Морского Флота свидетельствует о том, что неиссякаемыми источниками их силы и непобедимости были и остаются мудрое руководство ленинской партии, их неразрывное единство с народом, неоспоримые преимущества социалистического общественного и государственного строя, пламенный советский патриотизм и пролетарский интернационализм.

Из приветствия Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР воинам доблестных Вооруженных Сил Советского Союза.

Москва, Кремлевский Дворец съездов. 22 февраля 1978 года. Торжественное заседание, посвященное 60-летию Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Фото А. ГОСТЕВА

СОЦИАЛИЗМА И МИРА

В Кремлевском Дворце съездов 22 февраля состоялось торжественное собрание представителей трудящихся Москвы и воинов столичного гарнизона, посвященное 60-летию Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Бурными, продолжительными аплодисментами встретили собравшиеся товарищей **Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, В. В. Гришина, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгина, Ф. Д. Кулакова, Д. А. Кунаева, К. Т. Мазурова, А. Я. Пельше, М. А. Суслова, Д. Ф. Устинова, Г. А. Алиева, П. Н Демичева, В. В. Кузнецова, Б. Н. Пономарева, Ш. Р. Рашидова, М. С. Соломенцева, К. У. Черненко, В. И. Долгих, М. В. Зимянина, Я. П. Рябова, К. В. Русакова.** В президиуме собрания — заместители Председателя Совета Министров СССР, видные советские военачальники, ветераны войны, ученые, представители партийных, советских и общественных организаций.

В президиуме собрания находящийся по приглашению ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР Генеральный секретарь Партии арабского социалистического возрождения, Президент Сирийской Арабской Республики Х. Асад.

В президиуме — Первый секретарь ЦК МНРП, Председатель Президиума Великого Народного хурала МНР Ю. Цеденбал.

На собрании присутствуют прибывшие на празднование 60-летия Советской Армии и Военно-Морского Флота военные делегации социалистических государств и дружественной Финляндии.

Торжественное собрание открыл член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь Московского городского комитета КПСС **В. В. Гришин.**

Звучит Государственный гимн Советского Союза.

Товарищ В. В. Гришин предоставляет слово Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР, Председателю Совета обороны СССР Маршалу Советского Союза **Л. И. Брежневу.** Участники собрания приветствуют Леонида Ильича Брежнева бурными, продолжительными аплодисментами.

Товарищ Л. И. Брежнев огласил приветствие Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР воинам доблестных Вооруженных Сил Советского Союза.

С докладом «Шестьдесят лет на страже завоеваний Великого Октября» выступил член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР Маршал Советского Союза **Д. Ф. Устинов.**

ВЕЛИКИЙ ПОДВИГ

Л. И. Брежнев и генерал А. А. Гречкин на Малой земле.

Фото Е. Халдея

Люди живут идеями, мыслями, чувствами и памятью. Особым талантом обладают люди, умеющие объединить все это и, несмотря на быстротекущее время, памятью и чувствами, трезвой и вместе с тем эмоциональной оценкой давно прошедших событий возвращать эти события в современность. Возвращать уже во всей их исторической значимости будущим поколениям не просто как рассказ или своеобразный урок прошлого, а как незабываемую летопись, являющуюся достоянием не только прошлого и настоящего, но и будущего.

«Дневников на войне я не вел. Но 1418 огненных дней и ночей не забыты. И были эпизоды, встречи, сражения, были такие минуты, которые, как и у всех фронтовиков, никогда не изгладятся из моей памяти.

Сегодня мне хочется рассказать о сравнительно небольшом участке войны, который солдаты и моряки назвали Малой землей. Она действительно «малая» — меньше тридцати квадратных километров. И она великая, как может стать великой даже пядь земли, когда она полита кровью беззаветных героев. Чтобы читатель оценил обстановку, скажу, что в дни десанта каждый, кто пересек бухту и прошел на Малую землю, получал орден. Я не помню переправы, когда бы фашисты не убивали, не топили сотни наших людей. И все равно на вырванном у врага плацдарме постоянно находилось 12—15 тысяч советских воинов».

...В начале сентября 1974 года город Новороссийск ожидал дорогого гостя — Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева. Ожидал с горячим нетерпением приезда бывшего начальника политотдела 18-й десантной армии, полюбившегося во все время Великой Отечественной войны советским солдатам и офицерам за многие свои человеческие качества, и прежде всего за доблесть и воинское мужество. Те, кто ожидал Леонида Ильича в Анапе, а затем уже в Новороссийске и на Малой земле, встречали дорогого человека, который всей своей жизнью беззаветно служит делу Коммунистической партии и Советской Родины. Что-то такое было в глазах Леонида Ильича с самого момента приземления на новороссийском аэродроме, что показывало его внутреннее волнение, волнение человека, вновь посетившего места, где осталась частица его сердца, никакими годами и десятилетиями не затемненная память. Вместе с теми, кто был с ним тогда, в 1943 году, в этих местах, он направился к берегу Черного моря. Помнится, только прошел дождь, из-за туч выглянуло солнце. Леонид Ильич шел, устремив взгляд к месту того самого памятного причала, откуда он на катере впервые направлялся в сторону Малой земли.

«То далеко от нас, то ближе падали бомбы, поднимая огромные массы воды, и она, подсвеченная прожекторами и разноцветными огнями трассирующих пуль, сверкала всеми цветами радуги. В любую минуту мы ожидали удара, и тем не менее удар оказался неожиданным. Я даже не сразу понял, что произошло. Впереди громыхнуло, поднялся столб пламени, впечатление было, что разорвалось судно. Так оно в сущности и было: наш сейнер напоролся на мину. Мы с лоцманом стояли рядом, вместе нас взрывом швырнуло вверх.

...Упал, к счастью, в воду, довольно далеко от сейнера. Вынырнув, увидел, что он уже погружается. Часть людей выбросило, как и меня, взрывом, другие прыгали за борт сами. Плавал я с мальчишеских лет хорошо, все-таки рос на Днепре, и в воде держался уверенно. Отдышался, огляделся и увидел, что оба мотобота, отдав буксиры, медленно подрабатывают к нам винтами».

Да, прошло с того дня уже более трех десятилетий. В сентябрьский полдень 1974 года Леонид Ильич Брежнев молча стоял возле старого причала, а потом сказал:

— Многое изменилось, но память осталась. Конечно, тридцать лет внесли большие изменения... Не было этих молов,— показал он на прибрежные молы...

— Станичка...— вспоминал Брежнев и молча смотрел на виднеющиеся совсем близко вершины невысоких гор.— А ведь все эти высоты были у фашистов... Вместе с командармом Леселидзе разрабатывали мы план высадки десанта в Станичку... Рискнули высадить десант. А на чем? Тюлькин флот только и был у нас в распоряжении... Командиром десанта назначили человека гуманитарной профессии Цезаря Львовича Куникова. До войны он был редактором газеты... И высадились... И двести двадцать пять суток днем и ночью здесь все плавилось...

Тогда, в сентябре 1974 года, еще не было записок Леонида Ильича «Малая земля», ныне опубликованных журналом «Новый мир», но уже в этих взволнованных, коротких воспоминаниях, которые товарищ Брежнев поверял своим товарищам, как бы вырывались строки и мысли, которые сейчас стали литературно-историческим трудом, предельно открывшим не только то, что происходило здесь, на Малой земле, но также раскрывшим предельно цельный и вместе с тем целеустремленный характер человека, безраздельно отдавшего себя достижению победы над фашизмом.

«Я благодарен Центральному Комитету нашей партии за то, что одобрено было мое стремление быть в действующей армии с первых дней войны. Благодарен за то, что в 1943 году, когда часть нашей территории была освобождена, посчитались с просьбой — не отзывать меня в числе партийных работников-фронтовиков, направляемых на руководящую работу в тыл. Благодарен и за то, что в 1944 году была удовлетворена просьба не назначать на более высокий пост, который отдалил бы меня от непосредственных боевых действий, а оставить до конца войны в 18-й десантной армии. Мной руководило одно чувство — защитить нашу землю, бить врага везде и повсюду, дойти до конца, до полной победы. Только так можно было вернуть мир на земле».

«Дневников на войне я не вел» — этими словами начинает Л. И. Брежнев свои записки. Да, записки «Малая земля» действительно не дневники, но сколько в них подробностей — сжатых, предельно драматичных, надолго запоминающихся. Подробностей больших и малых. Какое истинное уважение к каждому человеку, с которым судьба свела Леонида Ильича на военной дороге! Вот уж действительно никто не забыт, ничто не забыто! Золотые крупицы памяти. Эти крупицы и создают историческую истину.

«Рядом с нами воевала армия А. А. Гречко, он первым ощутил ярость фашистского сопротивления. Возьмет одну сопку — остановка, возьмет еще одну — опять остановка. Помню, Леселидзе, Колонин, я и полковник Зарелуа лежали на бурке. Был момент отдыха, мы обсуждали сложившуюся обстановку, и Леселидзе сказал:

МАЛОЙ ЗЕМЛИ

— Знаете что? Ключ ко взятию Тамани и Крыма не на этих сопках, а во взятии Новороссийска. Давайте мы попросим Ставку дать нам 17—20 тысяч человек пополнения. Подготовимся и начнем штурм.

Так мы и сделали. Леселидзе позвонил в Москву, нашу инициативу одобрила Ставка, и дали нам дивизию Гладкова. Вот с этого и началось».

Вот так все просто кажется на первый взгляд, а какая грандиозная, боевая, стратегическая задача была поставлена и решена после ее осуществления. Ведь после взятия Новороссийска и Тамани завершилась битва за Кавказ.

Но основой всего, сердцевиной битвы за Новороссийск была Малая земля. И ее подвигу, ее героям в основном посвящает свои записки Л. И. Брежнев. Прежде всего люди. Сколько их названо в этих точных записях! Не только военачальники, но и те, кто в тех или иных случаях был рядом с начальником политотдела, кто запомнился геройством и какой-то своей особой неповторимостью. Лоцман Соколов, старшина второй статьи Зимода, лектор Сахно, который еще в 1940 году спросил секретаря Днепропетровского обкома Л. И. Брежнева:

«— Товарищ Брежнев, мы должны разъяснять о ненападении, что это всерьез, а кто не верит, тот ведет провокационные разговоры. Но народ-то мало верит. Как же нам быть? Разъяснять или не разъяснять?

Время было достаточно сложное, в зале сидело четыре сотни человек, все ждали моего ответа, а раздумывать долго возможности не было.

— Обязательно разъяснять,— сказал я.— До тех пор, товарищи, будем разъяснять, пока от фашистской Германии не останется камня на камне!»

Вот так и было тогда сказано: «Пока от фашистской Германии не останется камня на камне!»

Так появится фамилия секретаря Днепропетровского обкома К. С. Грушевого. Так возникнет имя легендарного Ц. Л. Куникова — командира десанта на Малую землю. Старшего лейтенанта Н. В. Старшинова, майора Ф. Е. Котанова, старшего лейтенанта В. А. Ботылева, сообщавшего в ночь высадки в рапорте:

«Доношу, что в первой штурмовой группе убитых — 1 человек, раненых — 7 человек. Из них кандидатов ВКП(б) убитых — 1 человек, кандидатов ВКП(б) раненых — 4 человека, комсомольцев раненых — 2 человека, беспартийных раненых — 1 человек. Первая боевая задача, поставленная командованием, выполнена. Политико-моральное состояние группы высокое»...

Имена, имена... Писатели и поэты, художники и журналисты. Сколько их, знакомых и незнакомых. Не скрою, как током пронзили меня следующие строки, относящиеся уже ко времени боев вдоль шоссе Житомир — Киев: «Около часа ночи с 11 на 12 декабря мне позвонил заместитель начальника оперативного отдела штаба армии подполковник Н. А. Соловейкин: враг прорвался в районе деревни Ставище. Это всего в нескольких километрах от нас...

После звонка Соловейкина я сразу приказал поднять по тревоге офицеров политотдела». Так вот где уже был мой бывший пионервожатый Николай Соловейкин, который помогал нам, военным корреспондентам, под Новороссийском ориентироваться в обстановке на фронте.

И невольно вчитываешься и перечитываешь не один раз замечательные слова, сказанные Леонидом Ильичом Брежневым в этих на первый взгляд сугубо военных записках:

«Если даже человек ошибся, никто не вправе оскорбить его окриком. Мне глубоко отвратительна пусть не распространенная, но еще кое у кого сохранившаяся привычка повышать голос на людей. Ни хозяйственный, ни партийный руководитель не должен забывать, что его подчиненные — это подчиненные только по службе, что служат они не директору или заведующему, а делу партии и государства. И в этом отношении все равны. Те, кто позволяет себе отступать от этой незыблемой для нашего строя истины, безнадежно компрометируют себя, роняют свой авторитет. Да, совершивший проступок должен нести ответственность: партийную, административную, наконец, судебную — любую. Но ни в коей мере нельзя ущемлять самолюбие людей, унижать их достоинство.

Так я считаю сегодня, этому правилу следовал и в годы войны, в этом духе старался воспитать аппарат политотдела, которым мне довелось руководить».

После того как в 1974 году журнал «Огонек» поведал читателям о вручении товарищем Брежневым городу-герою Новороссийску ордена Ленина и медали «Золотая Звезда», мы получили много писем с просьбой о том, чтобы полнее было рассказано о битве на Малой земле.

Думается, что люди, писавшие эти письма да и не писавшие их, получили теперь замечательное литературно-историческое произведение, документ о героизме советского народа, созданный человеком, прошедшим великолепный путь советской жизни, истоки которой идут из днепродзержинской рабочей семьи,— путь от рабочего и инженера, путь коммуниста, ставшего выдающимся партийным, государственным и военным деятелем, увенчанным ныне славным орденом «Победа».

«Счастлив политик, счастлив государственный деятель, когда может всегда говорить то, что он действительно думает, делать то, что он действительно считает необходимым, добиваться того, во что он действительно верит. Когда мы выдвигали Программу мира, выступали на многих международных встречах с инициативами, направленными на устранение угрозы войны, то я делал то, добивался того, говорил о том, во что как коммунист глубоко и до конца верю.

Это, пожалуй, и есть главный вывод, который вынес я из опыта великой войны».

...Мерно бьют волны Черного моря в крутой, казалось бы, обычный берег. Совсем неподалеку от берега воздвигнут мемориал в память тех, кто сражался и побеждал на этом, кажется, обычном берегу, ставшем Берегом Бессмертия и Славы, Маяком Геройства и Мужества.

Анатолий СОФРОНОВ

Фото А. Награльяна

На площади Героев.

В ОБСТАНОВКЕ ДРУЖБЫ И ВЗАИМОПОНИМАНИЯ

ВЫСОКАЯ ОЦЕНКА УДАРНОГО ТРУДА

В Москве, в кинотеатре «Октябрь», состоялось торжественное собрание партийного, советского, профсоюзного и комсомольского актива совместно с представителями коллективов трудящихся, посвященное вручению Москве переходящего Красного знамени ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ, присужденного по итогам Всесоюзного социалистического соревнования за 1977 год.

Слово предоставляется заместителю Председе-

ПРИЕМ Л. И. БРЕЖНЕВЫМ А. С. ДЖЕЛЛУДА

15 февраля Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев принял в Кремле находившегося в Советском Союзе с официальным визитом члена Генерального секретариата Всеобщего народного конгресса Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии майора Абдель Салама Джеллуда.

В ходе беседы состоялся обмен мнениями по вопросам дальнейшего развития и укрепления дружественных отношений между Советским Союзом и Ливией, а также по некоторым актуальным международным проблемам.

Л. И. Брежнев и А. С. Джеллуд выразили удовлетворение крепнущим сотрудничеством между СССР и Ливией и подчеркнули решимость обеих стран углублять и расширять советско-ливийские отношения во всех областях.

Беседа прошла в теплой, сердечной обстановке.

На беседе был референт Генерального секретаря ЦК КПСС Е. М. Самотейкин.

Во время беседы.

Фото В. Мусаэльяна (ТАСС).

По приглашению ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР 20 февраля в Москву с официальным дружественным визитом прибыл Генеральный секретарь Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ), Президент Сирийской Арабской Республики Хафез Асад во главе партийно-правительственной делегации САР.

21 февраля в Кремле начались советско-сирийские переговоры.

С советской стороны переговоры вели Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР Д. Ф. Устинов, первый заместитель министра иностранных дел СССР Г. М. Корниенко, председатель ГКЭС С. А. Скачков;

с сирийской стороны — Генеральный секретарь Партии арабского социалистического возрождения, Президент Сирийской Арабской Республики Хафез Асад, член Руководства ПАСВ, заместитель председателя совета министров, министр иностранных дел САР А. Х. Хаддам, член Регионального руководства ПАСВ Ю. Асаад, член Регионального руководства ПАСВ Н. Хассун.

Во время переговоров, проходивших в атмосфере дружбы и взаимопонимания, имел место обстоятельный и конструктивный обмен мнениями по вопросам состояния и дальнейшего развития советско-сирийских отношений. Было отмечено, что традиционно дружественные отношения между СССР и САР успешно развиваются на основе принципов, закрепленных в совместном советско-сирийском заявлении, принятом в Москве 13 апреля 1974 года.

При обмене мнениями по важнейшим международным проблемам особое внимание было уделено развитию обстановки в ближневосточном районе, где в результате действий империалистических сил и местной реакции обстановка серьезно осложнилась. Политика сепаратных сделок Египта с Израилем, выявившая свою полную бесплодность и несостоятельность и причинившая серьезный ущерб интересам арабских народов, со всей убедительностью подтверждает необходимость поисков всеобъемлющего урегулирования ближневосточного кризиса на справедливой основе.

Во время переговоров.

Фото А. Гостева

дателя Совета Министров СССР Л. В. Смирнову. От имени ЦК КПСС, Советского правительства и лично товарища Л. И. Брежнева он горячо поздравил собравшихся и в их лице всех трудящихся Москвы с большой трудовой победой и почетной наградой.

Под бурные аплодисменты Л. В. Смирнов вручил представителям Москвы переходящее Красное знамя.

Выступая с ответным словом, член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь Московского городского комитета партии В. В. Гришин от имени горкома КПСС и трудящихся Москвы выразил сердечную благодарность Центральному Комитету КПСС, Совету Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ, товарищу Л. И. Брежневу за награждение Москвы переходящим Красным знаменем, за высокую оценку труда москвичей, их вклада в выполнение плана 1977 года.

Участники собрания с большим подъемом приняли приветственное письмо ЦК КПСС, Совету Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ.

Во время вручения высокой награды.

Фото В. Соболева (ТАСС).

ОПАСНОЕ НАПРЯЖЕНИЕ

Михаил ДОМОГАЦКИХ

«Бог Марс снова неожиданно опустился на землю Индокитая». Так комментировали некоторые зарубежные публицисты военный конфликт на границе Социалистической Республики Вьетнам и Демократической Кампучии.

Но если говорить строго, то события, о которых открыто было сообщено миру в заявлении правительства СРВ накануне Нового года, имеют довольно длительную историю. В мае 1975 года вооруженные силы Кампучии впервые вторглись во Вьетнам. В конце 1975-го и в начале 1976 года они проникли в глубь вьетнамской территории более чем на 10 километров в бассейне реки Шатхай и в провинции Зялай-Контум, захватили 113 жителей селения Соп, атаковали пограничный пост вьетнамских народных вооруженных сил безопасности в уезде Дыкнонг. С этих неспровоцированных актов агрессии началось напряжение на границе двух стран.

1100 километров — такова протяженность границы между Вьетнамом и Кампучией. Она устанавливалась десятилетия назад еще французскими колонизаторами. «На отдельных участках,— говорилось в одном из заявлений вьетнамской стороны,— возможно, граница проходила недостаточно точно. Мы предложили Демократической Кампучии провести переговоры, чтобы раз и навсегда урегулировать пограничный вопрос. К сожалению, она не ответила на этот призыв».

Под завесой пропагандистской шумихи с начала 1977 года происходят вторжения с использованием крупных вооруженных подразделений и артиллерии. 30 апреля 1977 года, когда вьетнамский народ праздновал годовщину своей полной победы и день 1 Мая, кампучийские войска предприняли самое серьезное нападение двумя бригадами и двумя отдельными батальонами при поддержке артиллерии и минометов на 13 пограничных селений провинции Анзянг.

С этого времени практически не прекращаются военные акции кампучийских войск. Кадры вьетнамской кинохроники показывают совсем свежие следы нападения: обуглившиеся остовы домов и общественных зданий, убитые и раненые мирные жители, дети, оставшиеся сиротами, уничтоженные рисовые поля... Так действуют кампучийские войска, в которых, по сообщениям зарубежной печати, находятся иностранные военные советники.

Не раз Индокитай был ареной серьезных военных конфликтов. И тем ценнее инициатива Социалистической Республики Вьетнам решить спорные вопросы мирным путем. Несмотря на всю сложность обстановки на границе, несмотря на то, что кое-кто хотел бы превратить опасный очаг в пылающий костер войны между братскими народами, бок о бок сражавшимися в течение долгого времени против иноземного ига, правительство Вьетнама выступало и выступает с конструктивными предложениями, направленными на мирное урегулирование конфликта.

Как высокогуманный акт встретила миролюбивая общественность всех стран новые предложения СРВ, которые показывают, каким путем можно достичь желаемого результата. Правительство СРВ предлагает: немедленно прекратить все враждебные военные действия в пограничных районах, отвести вооруженные силы обеих сторон на пять километров в глубь своей территории, организовать встречу в Ханое, Пномпене или же на границе между двумя странами для переговоров. Предлагается отказаться от подрывной деятельности, установить равноправные отношения, жить в мире и дружбе, поддерживать добрососедство.

«Мы неуклонно придерживаемся курса, — пишет орган ЦК КПВ газета «Нян Зан», — на мирное урегулирование пограничных вопросов в духе братской дружбы». Позиция на обострение отношений между Вьетнамом и Кампучией отвечает тайным замыслам сторонников напряженности, кому не по нраву пришлась победа вьетнамского народа, объединение страны, ее успехи в строительстве социализма, рост ее международного авторитета. Из конфликта на границе Вьетнама и Кампучии империализм и международная реакция мечтают извлечь собственную выгоду. Но эти расчеты в конце концов будут сорваны.

Советский Союз заинтересован в том, чтобы конфликт был решен мирным путем, ибо это отвечает интересам народов не только Вьетнама и Кампучии, но и всего мира.

Бог войны Марс не должен собирать свои кровавые плоды на земле Индокитая. Народы этого многострадального района понесли тяжкие жертвы в борьбе за свободу и независимость, против внутренней и внешней реакции не для того, чтобы из этого извлекали выгоду враги мира и социализма.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

в гостях у первооткрывателей

Л. КОКИН
Фото Н. АНАНЬЕВА

УВИДЕТЬ НЕВИДАЛЬ

Не так давно весьма известный научно-популярный журнал придумал публиковать необычные кроссворды, где слова, которые надо разгадать, не объясняются, как принято, словами же, а предъявляются зашифрованным способом — фотографией, схемой или логической цепочкой. Вот в эдакой головоломке и встретилась мне фамилия человека, к которому я ехал по поручению «Огонька»: номер пятый по горизонтали, семь букв, автор...— и изображена некая оптическая схема, достаточно общеизвестная, чтобы, поглядев на нее, заполнить эти семь клеток кроссворда.

Лауреат Ленинской премии, член-корреспондент Академии наук СССР Юрий Николаевич Денисюк встречает меня радушно.

Смеется:

— Теперь-то, после того, как в кроссворд попал, мне, ей-богу, уж ничего не страшно!..

В Большой Советской Энциклопедии этот средних лет человек с круглым, добрым, мягко очерченным лицом и раскатистым, заразительным смехом охарактеризован полнее, чем в головоломном кроссворде. Он автор метода голографии с записью в трехмерных средах. Слава — громкая слава — пришла в семидесятом году к тогдашнему кандидату наук вместе с Ленинской премией и дипломом на открытие.

* * *

Перед тем как начать рассказывать, что такое голография, я извлек из старых блокнотов записанный несколько лет назад рассказ Юрия Николаевича Денисюка о том, как пришел он к своему открытию.

Молодой инженер после окончания института трудился по своей прямой специальности над разработкой новых оптических приборов. Конструкторская жилка не давала покоя сызмальства, школьных приятелей в свое время не удивило, что Юрий пошел в техникум — учиться на конструктора. Однако после техникума был инженерно-физический факультет. И деятельность разработчика приборов казалась не вполне отвечающей назначению инженера-физика. Хотелось задач фундаментальнее, что ли. Стал искать их — читая, разговаривая, слушая разговоры. Словом, такую задачу нашел. Не на ученом симпозиуме, не в научном журнале, а у писателя-фантаста,— вот что оригинально (впрочем, в истории Денисюка необычного много). Нашел в повести Ивана Ефремова «Звездные корабли» — там участники экспедиции откапывают некий, наподобие зеркальца, предмет с невиданным изображением лица космического пришельца... Неизвестно, как изображение было сделано рельефным и абсолютно живым...

Экспедиция, в какую отправился после этого инженер Денисюк, не требовала дорожных расходов и экипировки. Направление этой «экспедиции» было не в даль, а в глубь. Там, в глубине тогда еще неведомых оптических явлений, надеялся отыскать Денисюк разгадку фантастического «запомнившего» чье-то живое лицо зеркальца. Интуиция подсказывала исследователю, что это возможно.

Интуиция не обманула исследователя. Доказательства продемонстрировал мне в свое время ученик и сотрудник Денисюка кандидат наук Дмитрий Стаселько. Стаселько держал в руках похожую на диапозитив стеклянную пластинку. Когда он рассматривал эту пластинку «по солнцу» — как обычно снимают фотографы,— пластинка оказывалась зеркалом, в котором отражалось лицо Стаселько, рельефное и абсолютно живое. Согласитесь, в этом не было еще ничего удивительного. Необычное началось лишь тогда, когда, взяв пластинку из рук Стаселько и посмотрев на нее таким же образом, как смотрел он, я увидел в «зеркальце» не свое лицо, а его, Стаселько,— рельефное и абсолютно живое. «Зеркальце» обладало памятью! Оно не отражало, а изображало! Я тогда записал в блокнот об этом — голографическом — изображении, что голографическому портрету человека посвящен один из разделов кандидатской работы Стаселько, выполненной под руководством Денисюка, и что автору на первых порах приходилось вести эксперимент на себе самом, потому как делать это надо было при вспышке лазера, и других добровольцев запечатлеться для истории (ибо это были первые в истории голографические портреты) не находилось... И еще я тогда записал, что, в сущности, Дима Стаселько продемонстрировал мне то самое, на что натолкнулись герои ефремовских «Звездных кораблей» и что заставило в свое время молодого инженера Денисюка сделать выбор.

Чтобы осуществить замысел (хотя бы в первом приближении, вчерне), ему понадобилось лет десять.

* * *

Попытки получить объемное изображение предпринимали еще едва ли не сами родоначальники фотографии. В основе этих попыток, каким бы способом они ни осуществлялись, лежало свойство человеческого зрения воспринимать объем. Как известно, это удается нам благодаря зрению двумя глазами. Зажмурьте один— для другого мир почти лишается глубины. Принцип стереофотографии заключается в том, чтобы заснять два чуть сдвинутых изображения предмета—каким он представляется каждому глазу, а затем «подать» каждое из изображений соответственно в «свой» глаз. Окончательно решить задачу — «собрать» из двух условных изображений одно, создающее иллюзию действительности,—остается на долю мозга.

Денисюк со всеми этими ухищрениями изобретательных фотографов, разумеется, был знаком. Но к цели своей выбрал другую дорогу.

Вместо того, чтобы подделываться под человеческий способ— кстати, всего лишь один из возможных способов — восприятия объема с помощью «двуглазого» зрения, как это делали его изобретательные предшественники, молодой инженер не над техническими ухищрениями стал ломать голову, а над самим явлением. Он задумал осуществить куда более фундаментальный замысел — подразумевая, что в нашем трехмерном мире объем есть поистине фундаментальное его свойство.

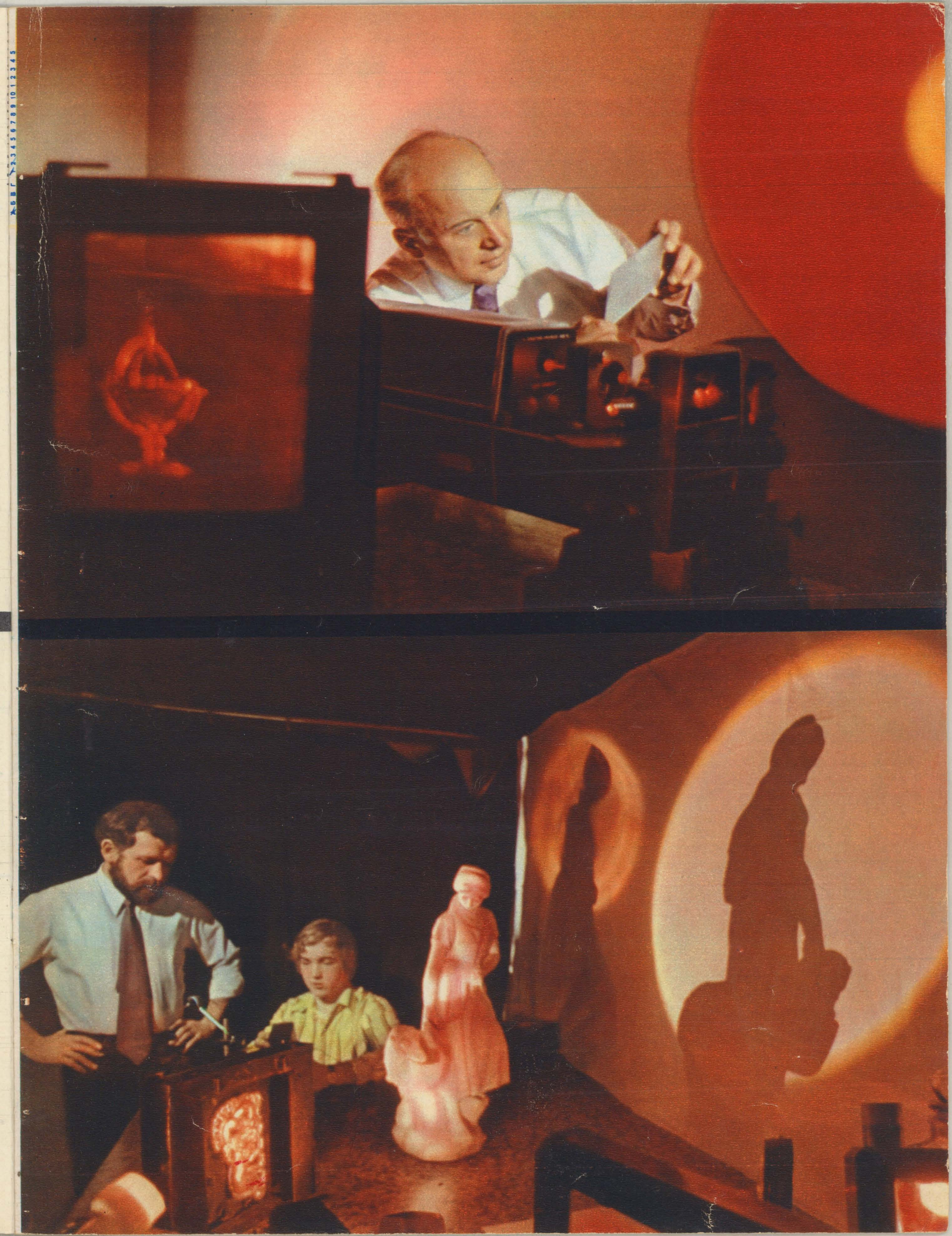
Трехмерный наш мир буквально пронизан электромагнитными волнами, в том числе волнами световыми. А всякий освещенный предмет рассеивает, отражает лучи — эти потоки световых волн, что падают на него, отражает вне зависимости от того, воспринимается ли чем-нибудь (к примеру, глазами) это отражение. Рассеянные предметом волны взаимодействуют — интерферируют — с освещающими и как бы возмущают волновое поле, изменяют его. Скопировать такое волновое поле — поле световых волн, «возмущенное» предметом, и тем самым создать в копии полную иллюзию оригинала — вот что задумал Денисюк.

— Удержать картину интерференционных полос, вызываемых наложением волн друг на друга,— вспоминает Юрий Николаевич,— записать эту картину не удавалось долго. Мы искали для этого сверхтонкий светочувствительный слой. Казалось, что только в таком слое картина может получиться четкой. Перепробовав массу вариантов, мы готовы были опустить руки. Поиски «запоминающего» светочувствительного материала — основы вожделенного «зеркальца» — зашли в тупик. И тогда нам на помощь пришел Габриель Липман, французский физик. Еще в юности я сильно увлекался фотографией, особенно в студенческие годы... Снимал на цвет, освоил довольно сложную кухню цветной фотографии. Впоследствии знакомство с ней мне весьма пригодилось! Так вот, я вспомнил о липмановском способе, хоть и не получившем распространения из-за сложности, однако удостоенном Нобелевской премии 1908 года. Этот способ был основан на регистрации интерференционных волн...

Денисюку пришло тогда в голову, что прихотливые изгибы этих волн, запечатленные в толстом слое эмульсии, могут «запомнить» не только цвета (как показал Липман), но и полную картину волнового поля.

Чтобы убедиться, что это именно так, следовало сфотографировать предмет на «липмановскую» фотопластинку, а затем осветить ее в точности так же, как был освещен при съемке предмет.

Лауреат Ленинской премии Юрий Николаевич Денисюк ● Все готово к съемке.

Что получится? Позади пластинки возникнет копия волнового поля, «возмущенного» при съемке предметом. Иначе говоря, появится его объемное изображение.

Объектом своей первой съемки Денисюк выбрал вогнутое, собирающее лучи в фокус, зеркало. Рассматривая восстановленное его изображение — первую свою голограмму, он не заметил, как повредил себе роговицу. Голографическая копия зеркала обладала оптическими свойствами самого зеркала — она обжигала.

Пришлось лечить глаза, капли капать...

Потом были долгие годы, неизбежные в жизни каждого первооткрывателя, когда существование открытого инженером Денисюком явления кое-кем начисто отвергалось, кое у кого вызывало сомнения, а кем-то и горячо признавалось. Свои первые голограммы Денисюк снимал в свете ртутной лампы. Как ни исхитрялся исследователь, изображения выходили тускловатыми. Важнейшим, вероятно, решающим, сдвигом в судьбе голографии оказалось применение нового, необычайно яркого источника излучения — лазера.

Годы поисков, свершений, разочарований, побед...

Все эти годы рядом с Юрием Николаевичем Денисюком была Галина Васильевна Денисюк — сокурсница, коллега, жена. И хотя имя кандидата технических наук Галины Васильевны (она специалист по фотоаппаратуре) ни разу не упомянуто в работах Юрия Николаевича (так же, как и его имя в ее работах), первыми читателями, критиками, оппонентами друг у друга они были всегда. И в том, что в свое время молодой инженер не отступился от идеи, чего греха таить, многим авторитетам казавшейся завиральной, бесспорная заслуга ее, Галины Васильевны. Тут нет преувеличения. Она не дала мужу потерять веру в себя, и когда в пору трудной борьбы он, бывало, от волнения почти уж и дар речи терял в недружелюбно настроенной ученой аудитории, она, Галина Васильевна, своим четким и ясным голосом зачитывала его доклады.

* * *

Вся жизнь Денисюка прошла в Ленинграде. Мальчишкой его вывезли из блокадного города, с Петроградской стороны. Теперь он живет в новом квартале Василеостровской гавани. Сквозь открытую настежь балконную дверь задувает влажный ветер с залива.

На лакированном паркете — листки с набросанными от руки чертежиками-эскизами и... тяжелая двухрядная цепь. Над всем этим колдует младший Денисюк — студент Игорь.

Научные сотрудники Э. Земцова и Л. Ляховская выбирают композицию будущего кадра ● Тонкой настройки требует установка для экспериментов по объемному кино. Ее проводит техник В. Васильев ● Лазеры — непременные участники голографических экспериментов.

Хозяйка дома просит прощения за беспорядок.

— Впрочем,— поясняет она,— мы называем это рабочим беспорядком. Собираемся в отпуск, как всегда на машине. Так вот, мужчины мои мастерят собственной конструкции цепи. Для бездорожья. По магистралям мы не любители ездить.... И вообще, если честно, рабочий беспорядок у нас переводится редко.

В школе сын Игорь увлекся биологией. Квартиру то заполоняла коллекция бабочек, то на смену бабочкам вдруг появлялись стрекозы, а то на балконе налаживалось выведение из икры лягушек. По воскресеньям сын с отцом вывозили новорожденных — выпускали в болото, благо в ленинградских окрестностях найти подходящее место нетрудно.

— Когда дети вырастают,— говорит Галина Васильевна,— нередко какой-то холодок возникает в их отношениях с родителями. Отчуждение, что ли. Мы Игорю никогда не мешали в его увлечениях и, может быть, отчасти поэтому пока что дружим...

И как бы за подтверждением оборачивается к сыну.

Парень учится на электрофизическом факультете.

— Что же, к прежнему-то остыл? — спрашиваю у него, имея в виду биологию.

— Нет, нельзя сказать, что остыл. Но отец убедил, что образование физика наиболее фундаментально. Понимание физики и ее законов можно почти в любой области применить...

Знание и понимание основ и плюс к этому воображение, образное мышление — вот что считает Денисюк-старший необходимым и главным в научной работе.

— Я не эрудит,— говорит он.— И стараюсь не пропускать лишь фундаментальных работ. И потом, если в голову пришло что-то путное, его важно представить себе в первом приближении, грубо, не тратя сил и времени на ненужную на первых порах точность. Если хотите, чем более нова вещь, тем меньше она обоснованна! И это вполне естественно. Голография — пример тому, что путный эффект проявляется с большой силой. Я называю это грубым эффектом. А примером фундаментальных работ для меня служат работы Липмана.

* * *

Голография, важнейший метод, который предложил Денисюк в поисках нового способа светового изображения, оказалась весьма многогранным средством отображения и познания окружающего мира.

Гидролокация, радиолокация, структурный анализ; анализ таких мгновенно протекающих явлений, как взрыв, как полет космической частицы или процессы в термоядерной плазме; весьма точный контроль изделий; запоминающие устройства ЭВМ огромной емкости и надежности... Таков далеко не полный перечень применения голограмм, делающих видимым невидимое, а подчас и невиданное.

Но Денисюк, отдавая должное всем многочисленным научно-техническим возможностям своего детища, сам сохранил верность избранному вначале пути. Разгадав в принципе фантастическую задачку, заданную ефремовскими героями, на том не остановился. Двинулся по той же дороге дальше: от голографического портрета — к голографическому кино.

Не нужно особых усилий, чтобы представить себе, что неотличимые от людей оптические создания — фантомы, живущие и действующие перед зрителями — а быть может, и среди них,— смогут вызывать полную, без каких бы то ни было условностей, иллюзию изображаемых событий, станут производить столь сильное впечатление, что, кажется, уже можно, как это делает Денисюк, говорить о совершенно новом будущем виде искусства с принципиально новыми выразительными средствами. Создать техническую основу этого небывалого будущего искусства — вот дорога, которую наметил себе в продолжение пройденного Денисюк.

Казалось бы, естественный переход от голографического «фото» к голографическому кино подсказывала история обычного кинематографа. Голографическая съемка последовательных положений движущихся объектов давала, казалось бы, верный способ решить задачу... когда бы в кинематографе не приходилось воспроизводить натурные сцены, исключающие всякую возможность лазерной подсветки. Впрочем, часть исследователей приняла именно такую схему в надежде как-то скомбинировать снятый обычными кinoсредствами фон с прямой, как бы театрализованной съемкой в лазерном свете. Денисюк, однако же, счел этот прием мало обнадеживающим.

Что еще оставалось?

К существующему стереокино он относится без симпатии:

— Голова от него болит, сами специалисты стереокино признаются. Даже в лучшем, так называемом безочковом стереокино глаз и мозг попадают в неестественный режим. Для нас привычно при рассматривании предметов изменять и угол зрения (так называемая конвергенция глаз) и одновременно кривизну хрусталиков (аккомодация). В стереокино второе, увы, не воспроизводится, что наверняка нарушает веками отлаженный психофизический механизм. Можно ли этим пренебречь? Едва ли. Недавно мне рассказали такой случай. У девушек, работающих на монтаже микросхем, появились нервные расстройства. Эти девушки что-то там подпаивают в схемах, разглядывая их под микроскопом, так что детали кажутся расположенными гораздо ближе, чем на самом деле. Это-то несоответствие эволюционно закрепленным навыкам и вызывало неприятные последствия. Стоило вывести изображение на экран, как бы отодвинуть его на привычную дистанцию от глаз до рук, как заболевания прекратились. К чему я заговорил об этом? Ведь понятно: кинозритель не профессия, за киносеанс расстройства не получишь. Но все же, все же...

А на выручку мне поспешил тот же Габриель Липман!

Дело в том, что этот французский физик, помимо цветной фотографии, для которой предложил методику регистрации интерференционных волн, работал и над получением объемных изображений и даже придумал способ такого получения — под названием «интегральная фотография». Это была тоже очень сложная система. Предмет снимался через целый набор (р а с т р) линз в разных ракурсах, с различных точек, а затем при рассматривании это множество изображений «собиралось» в одно. Пластинку надо было просветить рассеянным светом. При таком просвечивании в пространстве позади пластинки возникало объемное изображение предмета, которое даже можно было оглядывать с разных сторон, наблюдая игру светотени!

В развитие липмановской схемы — с заменой фотокамер на кинокамеры — у нас в стране в шестидесятых годах был предложен способ «интегрального стереокино» (здесь зритель уже не должен застывать на весь сеанс в найденной позиции, чтобы не потерять стереоэффекта). Денисюк тоже заменил в липмановской схеме набор фотокамер на набор кинокамер, но на общую пленку предложил впечатывать не самые снимки, а их голограммы. Однако, чтобы конечная — к о м п о з и ц и о н н а я — голограмма позволила получить хорошие объемные изображения, на нее необходимо было бы впечатать в голографическом виде ряды из десятков тысяч снимков под разными ракурсами... Подобное объединение голографии с липмановской схемой из-за сложности аппаратуры и огромных размеров пленки оказалось бы большей фантастикой, нежели ефремовское «зеркальце», если бы Денисюку не удалось настолько упростить схему голографического кино, что оно из явления фантастического превратилось во вполне осуществимую реальность.

— Сейчас еще не время вдаваться в детали предполагаемой схемы,— считает член-корреспондент Академии наук СССР лауреат Ленинской премии Юрий Николаевич Денисюк.— Можно лишь с уверенностью утверждать, что изготовление линзовых растров потребует технологии пока недостижимой точности. Понадобится создать специальные фотоматериалы, лазеры, аппаратуру. Но главное — трудности не представляются непреодолимыми, схема в принципе осуществима. Разумеется, технически это сложная проблема. Работы в этой области наверняка облегчит то, что по пути к такой дальней цели будут более просто осуществляться многие насущные задачи, которые потребуют применения техники, нужной в будущем для кинематографа. Я имею в виду и уже осуществляемые вещи—скажем, синтез объемных рентгеновских изображений или синтез оптических макетов проектируемых машин и сооружений. Весьма перспективна уже действующая голографическая система видеозаписи — простой и дешевый способ размножения копий фильмов, вполне пригодный для голографического кино... Композиционная голограмма может стать основой великолепного дальномерного инструмента. И так далее. Разумеется, говоря о голографическом кино, надо отдавать себе отчет, что речь идет о довольно изощренной технической схеме, а не о каком-либо вновь открытом явлении, подобном голографии. Однако думаю, что такая новая схема послужит людям не хуже хорошей старой проверенной схемы братьев Люмьеров...

ФУЧИК ВСЕГДА С НАМИ

23 февраля ему исполнилось бы 75 лет. Но представить его состарившимся невозможно. Для всех нас Фучик остается молодым. Несгибаемым борцом с фашизмом, настоящим коммунистом, человеком, влюбленным в Советский Союз. Его «Репортаж с петлей на шее» издавался 265 раз на восьмидесяти восьми языках.

Живым, красивым, одухотворенным смотрит он со снимков, ставших реликвиями. Они вошли в книгу «Юлиус Фучик в фотографиях», которая недавно издана в Праге. Эти снимки по просьбе корреспондента «Огонька» Н. КРЫЛОВОЙ комментирует Густа ФУЧИКОВА.

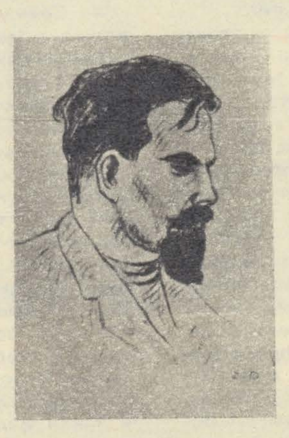
1.

2.

4.

5.

3.

1.

Мы с Юлеком в Праге, в 1932 году. Снимок сделан около Национального театра. Вообще театр занимал большое место в его жизни. Еще мальчиком он участвовал в спектаклях и свою журналистскую деятельность начинал как театральный критик. Тогда мы с ним и познакомились. Это было в 1923 году. Летом на Виноградах меня окликнула подруга. С ней рядом стоял какой-то парень. Она познакомила нас, и я предложила куда-нибудь пойти. Но молодой человек — это был Юлек — взглянул на часы на башне и сказал, что не может: ему нужно в театр, он должен написать рецензию на спектакль. Я не поверила: думала, он шутит. Неужели театральный критик — этот молодой улыбчивый парень в рубашке с открытым воротом?

Примерно через месяц один товарищ позвал меня пойти вместе с ним навестить больного приятеля. Им оказался Юлек, он сильно разбился, упав с велосипеда. Мы разговорились. Юла спрашивал, что я читаю, какие книги люблю. Когда он выздоровел, стали встречаться. А потом я узнала, что у него есть девушка, и я тогда была влюблена в одного студента... Прошло несколько лет. Я ехала в трамвае, и вдруг в вагон вошел Юлиус. Мы не произнесли ни слова. Но между нами словно какая-то искра пробежала. Когда я вернулась в общежитие, соседка сказала, что меня искал Фучик. И я думала о нем. А когда утром пошла на лекцию, в парке меня ждал Юлек. С тех пор мы не разлучались.

2.

1930 год для Фучика — год открытия Советского Союза. Страну эту он полюбил на всю жизнь. Обращаясь к советским друзьям, он писал: «Хотя и не без трудностей, но мы тоже добьемся того, что будем жить в социалистической республике».

3.

Три недели Фучик провел в Киргизии. Здесь, в летних лагерях кавалерийской дивизии, его удостоили звания почетного кавалериста и подарили красноармейскую форму. Возвращаясь на родину, он спрятал на груди фуражку с пятиконечной звездой. Он проехал по Советской стране 16 тысяч километров и был переполнен впечатлениями. На четвертый день после возвращения в Прагу появился его первый репортаж, а потом вышла книга «В стране, где завтра является уже вчерашним днем».

Из Советского Союза Юла прислал мне две открытки и несколько голубых цветков горечавки. «Здесь прекрасно,— писал он,— и то, что я вижу в СССР, намного превосходит все мои ожидания. Передай всем привет и скажи: стоит драться за ту силу, что есть здесь».

Фучик был прекрасным рассказчиком. Не зная устали, он выступал на митингах и собраниях с рассказами об СССР. Говорить правду о первой стране победившего социализма считалось преступлением в буржуазной республике. За это его двенадцать раз арестовывали, приговаривали к разным срокам заключения, которые он отсидел в Панкрацкой тюрьме и в полиции. Но его нельзя было заставить замолчать.

4.

В 1941 году Юлек нелегально жил у наших друзей Высушилов. Не раз ему приходилось ночевать и работать у их соседей Елинеков. Товарищ Елинек, страстный фотолюбитель, как-то сфотографировал Юлу, отрастившего для конспирации длинные волосы, бороду.

Когда Гитлер напал на Советский Союз, Юлек уже был членом подпольного ЦК КПЧ, но я тогда еще этого не знала. Ему было поручено руководить подпольной печатью. Он писал листовки, статьи для «Руде право». Просматривая их сегодня, чувствуешь, что каждая строка Юлека дышит верой в победу. Это и не могло быть иначе. «Если хотя бы на один миг представить себе мир без Советского Союза, — писал Фучик, — сразу становится понятным его огромное значение даже в самый обыденный день. Это мысленное представление помогает уяснить себе, что судьба каждого человека в отдельности тесно связана с положением Советского Союза».

5.

Таким он был в «четырехсотке» — комнате, где ожидали вызова на допрос узники, которых привозили в гестапо, во дворец Печека. Там и сделал этот портрет Зденек Дворжак, наш товарищ по заключению. Впервые я очутилась здесь сразу после ареста и еще не знала, что с Юлеком. Я сидела на лавке, как вдруг дверь распахнулась и эсэсовец втолкнул в комнату Фучика. Он был весь в крови. Но не встал лицом к стене, а повернулся к нам. Истерзанный палачами, но не побежденный. Потом меня отправили в тюрьму Панкрац и оттуда полгода возили на допросы во дворец Печека, где в «четырехсотке» я видела Юлека. Он и там вел работу, оставался не узником, а борцом. Старался шепнуть товарищам, что говорить на допросе, поддерживал их советами, старался ободрить.

Букетик цветов и над ними желтой краской дата: 28. VIII 1942 — мой день рождения. Этот рисунок сделал Зденек Дворжак. Когда охранник не смотрел в нашу сторону, Юла приблизился на миг, коснулся моих волос и сунул в руки листок с рисунком и кусочек сахара. И еще он успел шепнуть: «Густина! Желаю встретить следующий день рождения на свободе!» Этот рисунок висит у меня дома.

М. Ф. Ткач и его сын Валерий.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ

Важнейшая общепартийная, общенародная задача — дальнейшее развитие сельскохозяйственного производства, повышение его эффективности.

Из Письма ЦК КПСС, Совета Министров ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ

Г. ПИСКАРЕВ

Фото И. ГАВРИЛОВА

Куда бы ни вели меня дороги по Черниговщине, всегда я стараюсь хоть ненадолго заехать в Носовку, встретиться с председателем колхоза имени Кирова Михаилом Федоровичем Ткачом. Каждый раз я нахожу в его хозяйстве что-нибудь новое. То внедряют еще один сорт зерновых, ведут опыты на собственном экспериментальном участке, то расширяют производство и строят, строят... А в прошлом году — новость особая: председатель был удостоен звания Героя. Но когда мы встретились, Михаил Федорович сразу перевел разговор с поздравлений на деловую тему, похвастался: в колхозе начали разводить уток.

— У вас же есть птицефабрика,— удивился я, — зачем новые хлопоты с утками?

— Давно ты у нас не бывал,— улыбнулся Ткач, — птицефабрику мы передали районному птицеобъединению. А планы по продаже мяса государству, сам понимаешь, не уменьшаются. К тому же мы на недавнем отчетном собрании в ответ на Письмо ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ приняли решение: за четыре года выполнить пятилетку. По всем показателям, в том числе и по мясу. Подсчитали — нынче для этого надо его продать около пятисот тонн. Утка тут нам здорово поможет. Слушай-ка, какую мясную стратегию мы тут разработали...

Я слушал и вновь дивился хозяйской сметке этого человека. Как-то летом Ткач увидел на дворе колхозника шалаш не шалаш, коробку не коробку, а нечто закрытое сверху полиэтиленом. «Парник?» — поинтересовался председатель. «Да нет,— ответил хозяин,— утят решил завести. Два месяца — и на стол! И ни хлопот, ни забот!»

Утки под пленкой! Ткача даже в жар бросило от внезапной идеи. Никаких, можно сказать, затрат на строительство. Два месяца — и готовый продукт.

В хозяйство завезли утиные яйца. А прошлым летом уже продали государству четыре тонны утиного мяса.

Нынче кировцы планируют продать его 160 тонн. «А что такое 160 тонн птичьего мяса?— рассуждает Ткач.— Это значит, что четыре сотни бычков, которых надо было сдавать на мясо, теперь можно попридержать в хозяйстве и довести до более высокой весовой категории. В итоге государство получит больше хорошего мяса, а колхоз, не увеличивая поголовья крупного рогатого скота, — дополнительную прибыль».

— Вот вам и эффективность, вот вам и качество!— Михаил Федорович довольно потирает руки.

Да, характер у этого человека с годами не изменился. Сын Михаила Федоровича — колхозный бригадир Валерий — рассказывал мне:

— В детстве по утрам я просыпался от звонка телефона. Гремел этот телефон, что ведро подойное. Так и осталось самым ярким воспоминанием детства, как отец еще до завтрака начинал работать. Собираюсь в школу, а батька коня седлает — в отдаленную бригаду. А ведь машина есть. Спрашиваю отца, где автомобиль-то, а он улыбается: «Да надо передовиков на слет отвезти, в область. Пусть шиканут ребята, а уж мы на лихом скакуне!»

Непонятно все это было Валерке. Отец в хозяйственных делах считался предельно расчетливым, даже скупым. И безудержно щедр на внимание, ласку к другим.

То, что батька у него особенный, Валерий чувствовал с детства. Не зря же столько наград на праздничном пиджаке отца! Был среди них и орден Отечественной войны I степени. Сын как-то спросил: «За что его дали?» И услышал ответ: «За хлеб». Удивился тогда Валерий: «Это военный-то орден?»

А однажды приехал к Ткачам старый знакомый, Федор Косенко из Одесской области, механик колхоза имени Котовского. Здороваясь с батькой, спросил:

— Так ли ты крепок, как раньше, двадцатипятитысячник?

Валерка счел нужным вмешаться:

— Двадцатипятитысячники были в тридцатые годы. Это я в «Поднятой целине» читал про Семена Давыдова. А мы в колхоз уже в пятидесятых переехали...

— Эх, ты!— усмехнулся гость.— Литературу знаешь, а батьку, наверно, и не думал расспросить. А он и тридцатитысячник и двадцатипятитысячник. Да-да. В одно время с Семеном Давыдовым колхозы организовывал. У нас на Одесщине. И стреляли в него и под трактор, на котором твой батька запахивал кулацкие межи, детишек бросали.

Батрацкий сын, знавший холод, и голод, и панскую нагайку, Михаил Ткач был вскормлен Великим Октябрем. В слово «вскормлен» Михаил Федорович вкладывает, кроме прочего, прямой смысл. Он впервые поел досыта только в Одессе, куда после революции приехал из-под Винницы устраиваться на завод. В особой столовой, где кормили не обеспеченных еще работой, оборванный, изнуренный парнишка получил полновесную порцию борща и гречневой каши.

Потом Советская власть дала подростку работу — слесарем на заводе имени Октябрьской революции, дала возможность учиться на рабфаке и многое другое. Но все начиналось с тарелки обычной гречки. Ее и поныне дважды в неделю ставит на стол жена Михаила Федоровича Нина Николаевна. Гречневая каша для семьи Ткача — символ изобилия.

В двадцать девятом году Михаил стал членом партии. Тогда же ему наряду с лучшими представителями рабочего класса доверили строить новую жизнь на селе.

...Гасли от нехватки воздуха лампы в хатах, где проходили крестьянские сходки. Гремели из ночной тьмы выстрелы кулацких обрезов. Но все же к весне тридцатого года село Карнагорово, Березовского района, Одесской области, уже было центральной усадьбой коллективного хозяйства «Червона праця».

Он учился в сельскохозяйственном техникуме, когда началась война. Горела под бомбами красавица Одесса, а они, студенты, изучали агрономию. Их не взяли на фронт, пока не сдали последнего экзамена.

Как пригодились ему знания, Михаил Ткач понял лишь после госпиталя. Израненного комиссара полка, совершавшего бесстрашные рейды по тылам противника, партия направила начальником политотдела МТС, а затем секретарем райкома в Братский район Николаевской области. Подвиг на войне и в тылу ценился одной мерой.

И когда с обожженной, изуродованной земли Братского района пошел в закрома Родины хлеб, пошел сверх плана, секретарь райкома Ткач получил орден Отечественной войны I степени.

Бывая в Носовке, я всякий раз пытался выяснить: откуда берутся здесь дополнительные центнеры зерна, картофеля, кукурузы, молока, мяса? И неизменно приходил к выводу, что хозяйство во многом обязано успехами эффективности работы руководителя. Она проявляется у Михаила Федоровича и в глубокой вере в эксперимент и в неуемной жажде выявлять возможности человека и земли. Он умеет создать вокруг себя климат высокого самосознания, умеет просто и убедительно внушить людям: это сделать можно, это сделать надо!

...Огонь загорается от огня. Агроном колхоза Феодосий Леонтьевич Шикун работает с Ткачом с того дня, когда Михаил Федорович как тридцатитысячник, оставив пост председателя райисполкома, приехал в начале пятидесятых годов в колхоз имени Кирова. Я говорил с агрономом — он все помнит.

— В первый год туго пришлось. Спрашивает Федорыч кассира, много ли денег на счету. Ни копейки, отвечает тот. Так быть не должно, говорит председатель и вынимает пачку ассигнаций. Оказалось, собственные деньги в колхозную кассу внес. Внес и я, что имелось. Так начинали хозяйствовать. Приобрели упряжь для коней, отремонтировали инвентарь... Да и сейчас, случается, он сам на трактор садится, за штурвал комбайна. Лишь бы простоя не было. Конечно, в райкоме не хвалят за подобные методы. Но что есть, то есть.

Агроном подумал, добавил:

— Я считаю, мне повезло. Интересно с таким человеком. Бывают руководители, которые за новое дело берутся, так сказать, с гримасой. А он — с азартом. Как-то при мне Михаил Федорович сказал молодому человеку, приехавшему в колхоз после учебы: «Если хочешь быть толковым специалистом, научись сначала выполнять распоряжения». Мне почудилось: председатель увлекся. Где же место инициативе? Михаил Федорович растолковал:

— Я предостерегаю молодых не от инициативы, а от самочинности, самоволия. Нельзя позволять — пусть, мол, человек наломает дров, а потом исправится. Если нет пока своего опыта — займи чужого. И вообще считаю: строгое соблюдение правил, организация порядка — это уже половина успеха в любом деле.

Многие из тех, кто работал под началом Ткача, прошел его школу, стали умелыми руководителями. Иван Воловник — председатель колхоза в том же районе. Алексей Чернецкий — тоже председатель. Иван Мотля — председатель районного птицеобъединения. Леонид Сухомлинов — главный агроном областного управления. А в первый год работы с Ткачом пять раз заявление об уходе подавал.

Понял отцовские принципы и Валерий. Окончив сельскохозяйственную академию, он всю зиму занимался с будущими кукурузоводами. Колхоз тогда расширял посевы этой культуры, и Валерий старался использовать для подготовки людей каждый удобный день. Лето выдалось не из легких. С жарой и градобоем. Валерий почернел от солнца, от постоянных забот. Отец пристально следил за сыном. Нравилось ему не только то, что парень хорошо трудится,— радовало, что сын сумел увлечь людей. Каким бы сильным и умным ты ни был, в одиночку с землей не совладать.

В тот год урожайность кукурузы в колхозе приблизилась к ста центнерам. Поговаривали в районе, что, пожалуй, молодого Ткача можно рекомендовать председателем в какое-нибудь хозяйство. Отец возражал: рано. Пусть в бригадирах походит. Ткач не о том думал, чтобы попридержать возле себя родного человека, нет. Он хотел выпестовать из сына настоящего специалиста.

Я не спрашивал, доволен ли сейчас председатель сыном. Но запомнился такой эпизод. В последний свой приезд в совхоз я встретил бригадира комплексной бригады Валерия Ткача на животноводческой ферме.

— Вот ломаю голову, как с молоком быть,— сетовал парень.— Только по семь килограммов в день получаем от коровы.

— Немало для зимнего времени,— пытался я подбодрить.

— Нужно восемь надаивать. Рацион-то посмотри какой.

На другой день снова встречаю бригадира. Веселый!

— Знаешь, нашли причину! Марфа Федоровна Зла, героиня наша, помогла. Оказывается, доярки недодаивали последние капли молока. Сегодня сам проследил за работой, и вот результат — восемь и три десятых килограмма от каждой коровы!

Мне показалось, что в глазах у него были те же искорки азарта, что и у его отца.

— Главное, чего мы добились за последнее время,— это получение запланированных урожаев. Не стихия управляет теперь полем, а наш опыт, умение, знания. Мы предвидим успех свой на поле и потому смело планируем увеличение поголовья скота. О кормах, фураже не болит душа,— говорит старший Ткач.

Они сидят после обеда в комнате — отец и сын. Им есть чему порадоваться. Общий доход хозяйства составил в прошлом году более двух миллионов рублей. Выросла производительность труда, улучшилось благосостояние колхозников. На 159 процентов выполнен план продажи зерна государству; молока — на 130, а мяса — на 163 процента. И нынче удачно все складывается: у людей настроение хорошее, зимовка идет благополучно. Вчера привезли монолиты с поля: вымерзания всходов не обнаружено.

— И комплекс быта наконец-то открыли,— говорит сын.— Может, в кино все вместе под настроение сходим?

Раздается телефонный звонок.

— Что, что не ладится? Еду!— Отец надевает куртку, спешит к выходу.— Эх, хорошо верхом...

— Опять, что ли, кому машину свою отдал?— привычно удивляется Валерий.

— Да попросили...

— Осторожней, председатель!— кричит сын, придерживая дверь вслед за выбежавшим отцом.

А конь уже пошел крупной рысью. Упругий ветер развевает волосы у председателя. Еще помолодому густые, только седые...

Черниговская область.

НЕ СТРЕЛ ЗДЕСЬ

Петер Штилиха — чехословацкий поэт, родился в 1947 году. Окончил философский факультет Братиславского университета, автор двух поэтических сборников. В конце сентября этого года он впервые приехал в Москву на встречу молодых литераторов социалистических стран. Темы его стихов — любовная и гражданская лирика.

Петер ШТИЛИХА

ЧИЛИ

Слышу грозные взрывы,
слышу, сбежались на гон
кровожадные, озверевшие банды.
Слышу сердца стук — похоронный звон,
слышу, объяты ужасом, искалечены Анды.
Слышу предсмертные вопли, слышу
последний крик погибающего певца
перед правом
стали,
напалма,
свинца.
САЛЬВАДОР, ПАБЛО, ПАОЛО, ДИАС...
КРОВАВЫЕ СОНЕТЫ.
О боже, прошу вас в сотый раз —
Не стреляйте! Здесь дети!
Слышу грозные взрывы опять
в этом паноптикуме земли,
это стремление убивать,
сплошь страну кровью залить.
Это нового мира драма.
Варварское буйство смерти.
КОРЕЯ, ЧИЛИ, ЛИВАН.
Бескровное небо, земля — рана
за кровавым меридианом...
БЫКА УБЕЙТЕ!
БЫКА УБЕЙТЕ!
УБЕЙТЕ!
Свист на аренах! Сволочь, сброд...
Кровь на черных блузах.

В КЛУБЕ «НА ОГОНЕК» ОГОНЕК В КЛУБЕ «НА ОГОНЕК»

РАССКАЗЫВАЕТ ИРИНА РОДНИНА

Читателям «Огонька» хорошо известна Ирина Роднина не только как замечательная спортсменка. В содружестве с журналистом Станиславом Токаревым она написала воспоминания о своем спортивном пути, и ее записки «Негладкий лед» (см. «Огонек» №№ 10, 11, 12, 13, 14 за 1977 год) вызвали большой интерес. Но время идет. Спортивный путь Родниной и ее партнера Александра Зайцева продолжается. Недавно советские фигуристы прекрасно выступили на чемпионате Европы во французском городе Страсбурге. Ирина Роднина и Александр Зайцев снова вернулись домой победителями. Причем Роднина добилась своеобразного рекорда: число ее высших титулов — мировых, европейских и олимпийских — достигло двадцати одного. Прежний рекорд подобного рода принадлежал знаменитой норвежке Соне Хени — девятнадцать и был установлен 42 года назад. Теперь надо готовиться к первенству мира, которое состоится в начале марта в Канаде.

Ирина Роднина побывала на заседании творческого клуба «На «Огонек» и рассказала о последних событиях в фигурном катании.

ЯЙТЕ, ДЕТИ!

И бомб визжащих полет.
Шипение,
вой,
топот,
рев,
ужас...
УБЕЙТЕ БЫКА!
УБЕЙТЕ БЫКА!
УБЕЙТЕ!
Заставьте эти взрывы молчать!
Да как же может существовать —
это стремление убивать,
это стремление заливать
землю цементом смерти!
САЛЬВАДОР, ПАБЛО, ПАОЛО, ДИАС...
КРОВАВЫЕ СОНЕТЫ!
О боже, прошу вас в сотый раз!
Не стреляйте! Здесь дети!
И СТРАШНО ПОЭТУ. Снова вдруг
удар обрушат на голову
и вырвут перо из рук.
И СТРАШНО ПОЭТУ, что любовь
превратится в колодец заплеванный.
И СТРАШНО ПОЭТУ, что силам конец,
что голос опять перервут
мечи иль свинец.
И СТРАШНО ПОЭТУ
пред разъяренным оком быка
у кровью сочащегося родника
на узкой полоске планеты.
САЛЬВАДОР, ПАБЛО, ПАОЛО, ДИАС...
КРОВАВЫЕ СОНЕТЫ!
О боже, прошу уже в сотый раз!
Не стреляйте, здесь дети!

●

Нежная песня родной Верховины,
Вьешься ты ленточкой звонкой и чистой,
Ухо ласкает напев твой милый,
И словно солнце в стихах лучится.

От давней поры той лишь бантик остался,
Красная ленточка с платья мамы,
Он где-то на дне сундука затерялся,
Как чистый родник, что укрыт горами.

Уже отшумели мутные ливни,
Счастьем смех матерей искрился,
А красный бант, что к сердцу пришпилен,
Новою алою кровью налился.

Распашешь борозду под горою,
Камнем придавишь горести старые...
Возок тарахтит в полуденном зное,
Тащат его лошаденки усталые.

Плыл над землею плач протяжный
Народа карпатского из-под Дуклы.
Тот, кто не сеял, тот жал — неважно,
Что остальные от голода пухли.

О да! Стреляли в Долине смерти!
Крестами вбитыми драма отмечена.
Да! Стреляли в Долине смерти,
И падали парни под градом картечи.

Струйка крови спускалась за ухо,
Свет дневной угасал в глазах...
Над их могилами сердце бухает
Точно маятник в часах.

Время сжилось, срослось с этой болью...
Ворчунья-вода бежит, резвится,
Падает солнце за желтое поле,
За горизонт кровавый садится.

Нежная песня родной Верховины,
Отзвук знакомый далекого счастья!
Ты — словно лента с волос любимой,
Алый бантик с забытого платья!

ОДА ПРОСТОМУ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМУ ГОЛОСУ

Это небольшая ода радиовещанию,
стихи о голосе человеческом, зазвеневшем
в тот миг, когда в эфирном молчании
о слово споткнулось время закосневшее.

И слух человек вонзил, как меч,
словно очнувшись от гипнотического
небытия,
и вслушивается в ясную людскую речь.
И это как возглас несогласия
с вековым онемением,
с молчанием туманных далей,
это как посольство светлого гения,
которого терпеливо и долго ждали!

Этот голос, сбросивший сталь оков,
распахнул лабиринт заколдованный...
Человек упивался красотою слов,
по-детски на мир смотрел очарованно...

А в дни, когда марш-парады гремели
и ощетинивались кресты,
у диктора губы вдруг немели...
Будто срывался валун с высоты,
тряслись, захлебывались мембраны,
эфир наполняя медным звоном.
Дрожащие, бледные руки мамы
спешили закрыть все окна дома.

А после — сияющий вздох облегченья:
все! Позади навсегда
годы стыда, дни униженья!

Слава тем, что восстали!
Слава голосу человека,
звавшему к этой славе!

В зеленом глазке приемника
зазывно пела гармоника
и струны гитар звенели,
о майских победах пели.

И вновь человек эфира коснулся,
посеял он слово в свежие раны,
от всходов зеленых земля очнулась,
как раненый воин на поле бранном.
И слово уже не могло молчать,
сорвало оно немоты печать!

Я жду каждый день в предвечерний час
знакомого чудного действа,
когда загорится зеленый глаз,
милый мне с самого детства.
Он к сердцу давно уже путь нашел
песней простой и нежной
о тех, кто руки кладет на стол
и хлеб в них ломает бережно,
о тех, кто выращивал этот хлеб,
о тех, кто его берег.
И голос от этого хлеба креп,
без устали звал вперед!

Я жду этот час, этот миг прозренья —
зеленый глазок открывает миры,—
я словно подкладываю поленья
из слов в костер — пускай погорит!
Пусть, извергая звуков каскады,
бьется, шумит, сверкает эфир
и словом своим, как разящим градом,
пусть на дыбы поднимает мир!

Это небольшая ода радиовещанию,
стихи о голосе человеческом, зазвеневшем
в тот миг, когда в эфирном молчании
о слово споткнулось время закосневшее.

Перевела со словацкого
Т. БОЛЬШАКОВА.

* * *

На чемпионат Европы в Страсбург все мы ехали с тревогой. Мы знали, что наши соперники в очень хорошей форме. В Страсбурге мы сразу поняли: борьба будет действительно очень напряженной. Как известно, первыми на лед выходят пары. И вот у наших молодых спортсменов Черкасовой и Шахрая случилась беда: они допустили серьезную ошибку в обязательной программе, не выполнили одного элемента и оказались на четвертом месте, позади двух пар из ГДР — М. Магер и У. Беверсдорф и С. Бэсс и Т. Тирбах. Пары эти очень интересные, спортсмены катаются в своей манере, и то, что они показали на второй день, заслуживает внимания.

Таким образом, Марине и Сереже в борьбе за второе место пришлось выдержать серьезную конкуренцию, которой в прошлом году они не испытали. Я очень рада, что наши молодые фигуристы сумели взять себя в руки и в конце концов завоевали серебряные медали.

Многие считают, что пара Черкасова — Шахрай слишком контрастна, но тут уж ничего не поделаешь. Это результат стремительного помолодения нашего спорта. Но эта контрастность имеет и свои положительные стороны: благодаря ей наша пара выполняет очень удачно многие сложные элементы.

Меня поражают трудолюбие и волевая направленность Марины Черкасовой. В прошлом году на чемпионате Европы она на тренировке перед соревнованиями очень сильно ушиблась, повредила ногу, было много детских слез, обид. А вечером она замечательно откатала свою программу, хотя выступала с распухшей ногой. И теперь на чемпионате Европы в Страсбурге после ошибки, которую Марина допустила в обязательной программе, она сумела, выступая с произвольной программой, собраться. Она даже помогала своему рослому партнеру поддерживать скорость в конце композиции.

Прекрасно выступила и другая наша юная фигуристка — Леночка Водорезова, ведь до нее ни одной советской спортсменке не удавалось подняться на пьедестал почета, а она в Страсбурге завоевала бронзовую медаль, да еще в борьбе с очень сильной швейцарской фигуристкой Д. Бильман, которая выполняет прыжок, пока освоенный лишь одним Хоффманом.

Я считаю, что серебряная медаль Владимира Ковалева достаточно весома,— у мужчин борьба была исключительно напряженной. Конечно, все мы надеялись, что Ковалев победит, но если на недавних соревнованиях в Одессе он выступал просто замечательно, то в Страсбурге ему не хватило сил, а может быть, не только сил, но и нервов, воли. Среди мужчин явно выделялся молодой англичанин Казинс, и если бы не его ошибки в обязательной программе, то, вероятно, он мог бы стать серьезным соперником Ковалева. Во всяком случае, этот фигурист становится явным лидером. Ему симпатизируют многие судьи, и один из них даже не скрыл того, что надеется в следующем году видеть Казинса чемпионом Европы.

О выступлении танцевальных пар мне говорить трудно, потому что в танцах я не очень-то разбираюсь. Мне ясно одно, что Ирина Моисеева и Андрей Миненков по праву получили золотые медали. Хочу остановиться на очень любопытном эпизоде, пожалуй, единственном за всю историю фигурного катания. Когда венгерская пара, К. Регоци и А. Салаи, выполняла обязательный танец, они упали и с трудом смогли дотянуть до конца свою серию. И тогда Регоци подъехала к старшему судье, повела его на лед и стала доказывать, что они упали потому, что лед очень плохой. Были вызваны работники стадиона, которые долго выравнивали лед, а затем венгерская пара получила право еще раз прокатать свою программу. Вот как иногда бывает полезно самообладание спортсменов. Они после падения могли получить оценки порядка четырех баллов, а получили 5,5—5,6 и в конце концов заняли третье призовое место.

После соревнований состоялась пресс-конференция, и к нашему тренеру Татьяне Анатольевне Тарасовой было обращено много вопросов, связанных с выполнением мной и Зайцевым произвольной программы. Журналисты говорили, что в прошлом сезоне им наша программа нравилась, но в этом году она на них произвела значительно большее впечатление. Журналисты спрашивали, много ли мы работали, чтобы дать ей какое-то новое направление, и мы им сказали, что музыка и художественное решение нашей программы остались без изменений, просто появились три новые поддержки. Это вызвало большое удивление: как же так — уже известная программа зазвучала по-новому? А мы не знали, что им ответить, как это объяснить. Ведь со стороны на себя трудно смотреть, и видеомагнитофон тут мало помогает. Вообще телевизионный экран очень сужает впечатление, исчезает атмосфера зала, настроение, масштабность, да и скорости выполнения программы по телевизору не ощутишь.

Сейчас мы готовимся к выступлению на чемпионате мира и, естественно, отбираем свою программу для показательных выступлений. Нас многие спрашивают, будем ли мы еще исполнять «Калинку». В прошлом сезоне мы намеренно не показывали ее: от частого исполнения теряется свежесть восприятия и у нас и у зрителей. Наверное, «Калинке» надо дать отдохнуть, и тогда она зазвучит по-новому. Ну, а к выступлению на чемпионате мира в Оттаве мы готовы и предполагаем, что там главными соперниками советских пар и дуэтов ГДР станет прекрасная американская пара — Тай Бабилония и Рэнди Гарднер,— которая с таким успехом выступала еще на Белой Олимпиаде в Инсбруке.

Революция продолжается

Юрий ЗУБКОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Закономерно, что многие талантливые произведения, написанные десятилетия назад, получили на сценических подмостках к 60-летию Великого Октября новую сценическую жизнь. Посвященные событиям революции и гражданской войны, они обладают силой немеркнущего примера. Революция продолжается и сегодня — в трудовых делах и подвигах современников, созидающих новый мир. И каждый раз, встречаясь с образами тех, кто был в одной боевой шеренге с Лениным в дни октябрьского штурма, кто с оружием в руках защищал завоевания революции, мы как бы сверяем с ними свои сегодняшние дела, свой образ мыслей и чувств, свой образ жизни. Сегодняшнее обращение театров к событиям шестидесятилетней давности не просто благодарная дань истории — это образные раздумья о главнейших проблемах современности: человек и революция, место человека в революции, личная ответственность человека за судьбы революции.

Одно из самых сильных впечатлений нынешнего сезона — спектакль «Мятеж» на сцене филиала Московского художественного театра имени М. Горького, драматическая хроника в двух частях И. Менджерицкого и В. Шиловского. Думаю, что подзаголовок этот не точен. Рожден он скорее всего скромностью создателей спектакля, может быть, даже известной неуверенностью в том, что получится из обращения к знаменитому роману Д. Фурманова. Хроника — это как-то спокойнее, надежнее... А получилась драма, в кульминационных моментах даже трагедия. Девять человек, беспредельно преданных революции и партии, без единого выстрела войдя в крепость, занятую белогвардейско-кулацкими мятежниками, страстным, проникновенным большевистским словом убеждают массу, обманутую и спровоцированную главарями заговора. И мятежные солдаты возвращаются под знамена революции.

В спектакле ничего не происходит «понарошку», зрительный зал замирает, узнавая о переходе все новых и новых красноармейских частей на сторону мятежников. Услышав о решении Фурманова, особого уполномоченного Реввоенсовета Туркфронта, идти вместе со своими товарищами в крепость для переговоров с мятежниками. А когда в самом начале переговоров обе стороны бросают оружие на землю — нет, вероятно, среди зрителей человека, который не волновался бы, не всматривался бы в происходящее с огромным напряжением.

На сцене властвует правда. Правда революционного подвига. Правда бесстрашных солдат партии. Царит и заставляет каждого вглядеться в этих людей и самого себя — проверить и свою готовность к испытаниям...

Естественно, что, обращаясь к крупному прозаическому полотну, театр не был в состоянии сохранить все сюжетные линии фурмановского романа. Спектакль развивается по главным коллизиям и при этом вовсе не стремится как-то модернизировать историю. Спектакль мхатовцев верен автору романа, историчен в самом высоком смысле слова и в силу этого по-настоящему эмоционален, непосредственно обращен к каждому из тех, кто сидит в зрительном зале. На примере подвига отцов и дедов театр воспитывает в новых поколениях чувство патриотизма, преданности партии, личную ответственность за революцию.

Спектакль населен живыми, конкретными людьми, колоритными характерами. Надолго врезаются в память резковатый, категоричный начальник дивизии Белов (Л. Золотухин), порывистая Ная (С. Коркошко), основательный — такой не подведет в любых обстоятельствах — Мамелюк (Н. Засухин), волевой облвоенком Шегабутдинов (Г. Епифанцев)... И, конечно же, Дмитрий Фурманов (Ю. Богатырев), бесстрашный, дерзкий, обаятельный; живая, ищущая мысль героя, бьющая через край молодая энергия покоряют всех, кто с ним соприкасается...

Образы мятежников решены в спектакле не упрощенно; мы видим людей, одержимых жаждой власти, достаточно умных, ловких, изворотливых и в силу этого по-настоящему опасных.

Наряду с актерским ансамблем есть в спектакле, поставленном В. Шиловским, еще одно очень высокое достоинство: блестяще (нет в этом слове и тени преувеличения) поставленные и разработанные массовые, народные сцены. Это сцены митинга в мятежной крепости, на котором выступает Фурманов. Митинг длится несколько часов... Сцены, с одной стороны, необычайно монолитные, динамичные — масса митингующих солдат живет единым дыханием, едиными помыслами, и вся она словно море в предгрозовые, предштормовые минуты. А с другой — каждая фигура в этой массе индивидуализирована, у каждого своя биография и свой характер. Народные сцены в «Мятеже» заставляют нас вспомнить о высших достижениях Художественного театра, таких, как «Пугачевщина», «Бронепоезд 14-69», связанных с именами К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко.

Не могу не упомянуть и еще один новый спектакль Художественного театра, показанный, правда, за несколько месяцев до 60-летия Великого Октября и посвященный современности, семье, быту, я имею в виду «Последний срок» В. Распутина в постановке В. Богомолова. В центре этого спектакля поистине выдающаяся актерская работа Н. Гуляевой, играющей Старуху.

Сопоставление двух последних работ Художественного театра показывает, какими мощными творческими силами, способными решать сложнейшие и разнообразнейшие творческие задачи, располагает Художественный театр и сегодня. Надо только, чтобы усилия коллектива всегда направлялись на решение подобных крупных задач.

Малый театр снова обратился к пьесе К. Тренева «Любовь Яровая», полвека назад принесшей ему всеобщее признание и славу. Режиссер П. Фоменко, художник Е. Куманьков предложили точное, образное решение спектакля. Большую часть сцены занимает мост, тот самый Жегловский мост, взорвать который должны красногвардейцы Кошкина, чтобы прикрыть белым дорогу в город. Мост, словно символ, разделяет между собой белых и красных. Его переходит главная героиня пьесы, ставшая «настоящим товарищем» Кошкину, большевикам; никогда не перейти моста Яровому, заплутавшемуся на перекрестках истории.

Сложный внутренний путь проходит в спектакле Любовь Яровая Р. Нифонтовой. Есть в этой женщине, особенно поначалу, хрупкость и незащищенность. И есть огромная, безоглядная любовь к мужу. Преодоление этой любви на почве, как говорил Вл. И. Немирович-Данченко, классовой розни составляет главное содержание сценического образа.

В. Коршунов — в отличие от П. Садовского, первого исполнителя роли комиссара Кошкина в Малом театре,— подчеркивает в своем герое черты профессионального революционера. Перед нами — человек огромного жизненного опыта, живой, ранимый, верящий в людей, остро переживающий боль разочарований и утрат. Сцена расстрела Грозного, которого Кошкин считал «кровью спаянным» братом, оказавшегося, на поверку, мародером,— яркое тому подтверждение.

Швандю В. Соломин играет совсем мальчишечкой: только такой паренек и мог принять профессора Макса Горностаева за Карла Маркса. Только такой паренек мог, не думая ни секунды об опасности, выдать себя за подпоручика князя Курносовского и, что называется, с налету освободить из-под стражи Любовь Яровую... Образ, созданный В. Соломиным, вполне самостоятелен, это плод совместных поисков актера и режиссера. И все же думаю, что во многом он восходит к традиции первого исполнителя этой роли — знаменитого Степана Кузнецова. И в этом я не вижу ничего плохого. Покоряющая, белозубая улыбка, свет, излучаемый ею, ясность и целостность образа отважного моряка — все эти черты находят в сегодняшнем спектакле Малого театра свое развитие и углубление.

Как и для «Мятежа», для «Любови Яровой» характерен яркий актерский ансамбль. Нельзя хотя бы просто не упомянуть работы О. Хорьковой (крестьянка Марья), Э. Быстрицкой (Панова), В. Коняева (Семен), Ю. Соломина (Михаил Яровой), Н. Рыжова (протоиерей Закатов), И. Любезнова (сторож Чир)...

Вместе с тем, отмечая сильные стороны спектакля, необходимо сказать и о некоторых моментах, представляющихся мне по меньшей мере спорными.

Классика потому и является классикой, что дает возможность все новым и новым поколениям мастеров сцены открывать для себя новые глубины, наиболее полно отвечающие духовным, нравственным потребностям сегодняшнего зрителя. С открытием этих глубин и связан более всего успех сегодняшней «Любови Яровой». И не о силе режиссера, а о слабости его говорят попытки по-своему «перекраивать» классическую пьесу. Чем иным, к примеру, можно объяснить исключение из спектакля образа электротехника Колосова, который несет важную для спектакля о революции тему толстовского «непротивления злу», «всепрощенчества», или сцены знаменитого разговора профессора Горностаева с «охраняющим» его солдатом Пикаловым о добре и зле, о смысле жизни?..

Особо следует сказать о введении в спектакль роли поручика Дремина, самим К. Треневым исключенной из пьесы. Заплутавшийся в революции, образ поручика ничего не добавляет к теме, развиваемой в пьесе образами Пановой, которая ненавидит красных и в то же время видит обреченность белых, и Ярового — злобного врага революционного народа, дерущегося с отчаянием, присущим лишь смертникам... Не связано ли это восстановление роли поручика Дремина с тем излишним вниманием, которое уделяет режис-

сер исследованию «душевных изломов» тех русских интеллигентов, которые так и не нашли своего места в революции?

Несколько в ином плане, но, в общем, подобный же упрек следует сделать и спектаклю Театра имени Евг. Вахтангова «Гибель эскадры» А. Корнейчука. Здесь особо ярко освещаются образы контрреволюционного адмирала Гранатова, мичмана Кнориса, преданных адмиралу офицеров... Театр не только подчеркивает безукоризненную флотскую выправку этих людей, их тщательно отутюженные костюмы, белоснежные воротнички (в отличие от довольно небрежно одетых революционных матросов), но и чрезвычайно пристально исследует их тончайшую душевную организацию. Я не имею в виду актерское исполнение. Ю. Яковлев (Гранатов) и В. Лановой (Кнорис) играют с присущими им талантом и мастерством. Имеется в виду самый подход театра к пьесе, выбор образов, которые оказываются освещенными наиболее сильным прожектором рампы.

В целом же и этот спектакль, поставленный Е. Симоновым, вновь напоминает сегодняшнему зрителю о проблеме нравственного выбора. Исторические обстоятельства в пьесе А. Корнейчука по-особому сложны, и театр по ходу действия включает выдержки из исторических документов, подчеркивающие эту сложность, чрезвычайность обстоятельств, в которые были поставлены революционные моряки Черноморской эскадры: либо сдать корабли кайзеру или украинской раде (что, по сути дела, одно и то же), либо топить их. Третьего не было дано...

Мастерами вахтанговской сцены созданы великолепные по силе и глубине художественной выразительности портреты: Оксана — Ю. Борисовой, Артем Максимович — Н. Тимофеева, боцман Бухта — Н. Гриценко, лейтенант Корн — А. Кацынского, Фрегат — Ю. Волынцева, Паллада — С. Жданько, Балтиец — А. Павлова, Стрыжень — В. Шалевича. Правда, трудно понять мотивы, по которым Стрыжень из моряков превращен театром в штатского...

Интересен образ Гайдая, созданный М. Ульяновым,— очень колоритен, своеобразен, но, на мой взгляд, спорен. Совершенно очевидно, что в ряде своих последних работ (Друянов, Горлов, Ричард, а теперь Гайдай) талантливый мастер сцены ведет поиски в области внутренней и внешней характерности. Сами по себе, особенно в перспективе, эти поиски, видимо, плодотворны. Ими, как известно, с увлечением занимался еще К. С. Станиславский, притом также не всегда одерживая успех в той или иной конкретной роли. Вот и в Горлова (в спектакле «Фронт») трудно до конца поверить. Поверить, что именно такой человек мог, хотя бы на короткое время, быть на посту командующего фронтом,— столь резко актером подчеркнуты в нем косность, ограниченность, невежественность. Трудно поверить и в то, что Гайдай, наделенный актером чертами едва ли не патологическими, мог входить в состав большевистского комитета эскадры... И мне представляется естественным, что театр в связи с данной трактовкой образа актером вынужден был изменить финал пьесы: по приказу Стрыженя Гайдай в спектакле покидает эскадру, а не становится, как в пьесе, к минному аппарату, чтобы потопить свой боевой эсминец. Однако то, что становится естественным в связи с трактовкой сценического образа Гайдая, вовсе не естественно в отношении пьесы А. Корнейчука, также являющейся советской драматургической классикой.

Подчеркнув подтянутость, внешнюю безукоризненность, внутреннюю сложность белых офицеров, театр — по причинам малопонятным — допустил и еще одно изменение в финальной части пьесы. Потоплению кораблей в пьесе предшествует последний аврал. «Тихо, без шума,— следует авторская ремарка,— берут моряки швабры, шланги и начинают чистить палубу, драить медные части». В спектакле же этот финал исключен. Почему?

Среди спектаклей, посвященных теме революции и гражданской войны, показанных театрами в праздничные дни, хочется назвать и два спектакля с образом В. И. Ленина. Это «Кремлевские куранты» Н. Погодина в Киевском русском драматическом театре имени Леси Украинки и «Вечный источник» Д. Зорина в Вологодском театре драмы. Оба спектакля заслуживают доброго слова.

Роль В. И. Ленина у киевлян играет Ю. Мажуга, у вологжан — В. Сафонов. Первый — в соответствии с образом драматургическим — наиболее глубоко раскрывает образ Ленина. как мыслителя и философа, подчеркивает неистребимый оптимизм Ильича, влюбленность в жизнь, в людей... Второй — также в соответствии с драматургией — заостряет в ленинском образе черты борца, полемиста, человека, который не только «к товарищу милел людскою лаской», но и был непримирим к врагу, беспощадно срывал маски с богатеев, прикидывавшихся радетелями о народных нуждах.

Киевляне (режиссер В. Ненашев) тщательно исследуют духовный мир людей, населяющих пьесу. Пленяют своей молодостью, чистотой матрос Рыбаков Л. Бакштаева и Маша Л. Яремчук. Много человеческого обаяния, душевной глубины обнаруживает в Забелиной Н. Подовалова. Театр создает галерею разнообразнейших человеческих портретов, через которые перед нами предстает эпоха во всей своей сложности и многоликости. Как и вахтанговцы, театр, стремясь подчеркнуть подлинность всего происходящего на сцене, густо насыщает спектакль выдержками из исторических документов, звучащих по радио.

Вологодский театр (режиссер А. Карпов) дал новую сценическую жизнь пьесе, решающей коренную тему драматургической Ленинианы — Ленин и народ — по-своему: Ленин в народе. Вслед за автором театр показывает Ленина в самой гуще деревенской жизни, в момент зарождения одной из первых в стране сельскохозяйственных коммун. Сильная сторона спектакля связана с такими образами, как вчерашний красноармеец, бедняк Мартын Крутояров — А. Сережкин и его жена Василиса — Г. Еремина,— личности незаурядные, поэтичные, одержимые мечтой о новой жизни.

К сожалению, несколько приглушено поэтическое начало в образе бедняка Сеньки Решки (А. Наумов), которого одухотворенно играл в свое время в Малом театре Э. Сергеев. Недостает степенности, основательности «хозяйственному мужику»-середняку Гарасычу В. Лазарева. А Гарасыч ведь из тех людей, что и словечка-то лишнего не скажут — всему свою цену знают. И новую жизнь, что несет с собой коммуна, он хочет, можно сказать, на ощупь попробовать. В спектакле же Гарасыч излишне суетится, мельтешит.

Хотелось бы видеть крупнее и фигуру кулака Плакуна (А. Семенов). Это тоже характер цельный, упрямо идущий наперекор жизни, ленинским идеям. Обрисовка его требует, вероятно, более жестких, резких красок. Невольно хочется сравнить эту работу театра с тем, как играли в свое время Плакуна выдающиеся актеры: Н. Анненков в Малом театре, Г. Белов в Ярославском театре имени Ф. Г. Волкова, точно соотносившие конкретный человеческий характер с реальными масштабами такой исторической, классовой категории, как кулачество...

Когда-то Вл. Маяковский характеризовал свои стихи как старое, но грозное оружие. Таким грозным оружием, раскрывающим и утверждающим величие революции, притягательность революционного идеала, перекидывающим мостки между днями революции и днями нашими, являются пьесы, написанные десятилетия назад.

Театры обращаются к этим пьесам по велению сердца, по голосу художнической совести. Однако то, что драматургией нашей в последние годы не создано о революции и гражданской войне ничего, что по праву встало бы в один ряд с советской драматургической классикой, не может не вызывать тревогу.

Осмыслить события революции с высоты сегодняшнего исторического опыта, внутренне соотнести их с событиями нашей социалистической современности, подчеркнув мысль о том, что революция продолжается в наши дни в трудовых делах современников,— одна из насущнейших, благородных и главных задач советской драматургии, призванной решать ее в тесном содружестве с театрами.

Киев. «Кремлевские куранты».

Сцена из спектакля «Гибель эскадры».

«Мятеж».

Р. Нифонтова и В. Коршунов в спектакле «Любовь Яровая».

Фото И. Александрова, И. Ефимова, Н. Козловского, М. Чернова

«Огонек» на КамАЗе

С ответным словом выступает Николай Соловьев.

Фото Дм. Бальтерманца

ДРУЖБЕ КРЕПНУТЬ!

Сколько раз так было: к ярко освещенному Дворцу культуры «Энергетик» шли и шли празднично одетые люди, подъезжали, подвозя строителей с дальних объектов, автобусы. Сегодня здесь праздник: в седьмой раз произойдет чествование победителей соревнования коллективов, работающих на подряде.

На сцену поднимаются вожаки бригад и потоков, уже завоевывавшие этот приз «Огонька», прославленные люди стройки орденоносцы Александр Зотов, Раис Салахов, Умат Наурбиев, Константин Альчиков, Зенон Галак... Сегодня они пришли поздравить с победой своих товарищей.

Торжественный вечер открыл Ю. И. Петрушин — секретарь парткома производственного объединения «Камгэсэнергострой». Во вступительном слове он напомнил о том, как в 1974 году, когда город был более чем наполовину меньше, а из заводов только РИЗ — первенец КамАЗа — готовился к пуску, родилось это плодотворное социалистическое соревнование строителей.

О том, с какими успехами вступил многотысячный коллектив в третий год пятилетки, подробно рассказал в своей речи первый заместитель начальника производственного объединения «Камгэсэнергострой» Е. Н. Батенчук.

— Претворяя в жизнь исторические решения XXV съезда КПСС, строители решили главную тематическую задачу 1977 года, года принятия новой Конституции и юбилея Великого Октября — выполнили необходимый объем строительно-монтажных работ по сооружению второй очереди КамАЗа, ввели новые агрегаты на ТЭЦ, сдали в эксплуатацию вторую очередь птицефабрики, построили 450 тысяч квадратных метров жилья, три школы, больничные корпуса... Все объекты промышленного и гражданского строительства сданы с оценкой «хорошо» и «отлично».

— Мне особенно приятно отметить, — подчеркнул Е. Н. Батенчук,— что в решении этих задач весомее вклад подразделений, работающих по бригадному подряду. Достаточно назвать только две цифры: в 1973 году по новой системе хозрасчета работали всего двадцать бригад, в 77-м — 256 бригад, потоков и механизированных комплексов,— 5660 человек. Ими было заключено 330 подрядных договоров почти на 50 миллионов рублей. Таким образом, обязательства, которые мы брали в честь шестидесятилетия Великого Октября по распространению этого прогрессивного метода, перевыполнены. Наивысших результатов достигли бригады Николая Александровича Соловьева — ей присуждена первая премия и Александра Степановича Илькова, занявшая второе место.

Имя Николая Соловьева, кавалера орденов Октябрьской Революции и Трудового Красного Знамени, удостоенного их за участие в сооружении КамАЗа, хорошо известно в Набережных Челнах. Здесь он с марта 1971 года. Работал сначала на строительстве литейного завода, и там его бригада одной из первых перешла на бригадный подряд. Затем он перешел в «Сельстрой», возглавив новую бригаду, и сразу же заключил подрядный договор. С тех пор его бригада ведет работу только по подряду. Уже в 1976 году она добивается большого успеха: бригада занимает второе место в соревновании, и жюри присуждает ей вторую премию. Главная особенность этого коллектива и самого бригадира — стабильность высоких результатов, смелость и самоотверженность в преодолении трудностей. В настоящее время на календаре бригады уже октябрь 1978 года!

Бригада арматурщиков из СМУ-4 управления строительства «Автозаводстрой», возглавляемая кавалером ордена «Знак Почета» Александром Ильковым, отличилась на строительстве завода двигателей, и особенно на сооружении станции испытания двигателей.

* * *

Творческая бригада «Огонька», приехавшая в Набережные Челны, была принята в горкоме партии. Первый секретарь ГК КПСС Р. К. Беляев рассказал о ближайших задачах, стоящих перед строителями и коллективами Камского объединения по производству большегрузных автомобилей.

«На страницах «Огонька» — КамАЗ» — так назывался второй большой вечер в Набережных Челнах во Дворце культуры «Автозаводец». Здесь состоялась встреча с рабочими, инженерно-техническими работниками автомобильного гиганта.

Во встречах в Набережных Челнах приняли участие сотрудники «Огонька» В. Николаев, Д. Бальтерманц, Н. Алексеева, М. Жигалова, Г. Куликовская. Большую музыкальную композицию из своих новых песен в исполнении солистки Росконцерта Вероники Журавлевой представил заслуженный артист РСФСР, композитор Григорий Пономаренко. Тепло были также встречены выступления солистки Московской филармонии Татьяны Виноградовой, солиста Москонцерта Юрия Хабарова, студентов театрального училища имени М. С. Щепкина Любови Ивановой и Валерия Сторожика.

1878 — 1978

100-ЛЕТИЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ БОЛГАРИИ ОТ ОСМАНСКОГО ИГА

ОГНЕННАЯ КИСТЬ

В. ЕНИШЕРЛОВ

На Шипку мы поднимались под вечер. Начинало смеркаться, и отроги Планины стали уже подергиваться ночным туманом. Далеко внизу остался храм — памятник воинам, погибшим в боях под Шипкой,— Шейново, а серпантин дороги все стремился и стремился вверх. И неожиданно на вершине, носящей имя командира болгарского ополчения русского генерала Н. Г. Столетова, открылся перед нами самый грозный и величественный монумент освободительной войны на Балканах. Многие годы безмолвно смотрит бронзовый шипкинский лев на легендарную Долину роз, на залитые некогда солдатской кровью отроги — свидетелей беспримерных героизма и храбрости русских воинов.

Пожалуй, наиболее сильное представление о шипкинской эпопее связано у наших современников с картиной художника Верещагина «На Шипке все спокойно!».

Не случайно название триптиха — «На Шипке все спокойно!». Так гласили донесения, а солдаты гибли от мороза в землянках и траншеях на переднем крае обороны.

Василий Васильевич Верещагин прекрасно знал силу, мужество и стойкость российского солдата, пройдя вместе с ним самые ожесточенные сражения освободительной войны на Балканах. С первых дней войны вступил он добровольно в действующую армию и сразу же стремился принять участие в «деле». Он был так бесстрашен, что товарищи даже обвиняли его в пустом бравировании и безрассудном риске. На это художник спокойно отвечал, что непосредственные наблюдения за войной и составляют цель его пребывания в войсках. Несколько раз отправлялся он на небольшой шлюпке в разведку по Дунаю, подходя иногда вплотную к турецкому берегу. Во время одной из таких рекогносцировок написал художник этюд пикета на Дунае, ставший основой известной картины.

Выздоровев после ранения, которое Верещагин получил на Дунае, находясь на миноноске «Шутка», атаковавшей турецкий монитор, художник участвует в ожесточенных боях под Плевеном. Здесь погиб его брат Сергей, воин совершенно необычайного мужества. Битва под Плевеном, поездка на Шипку, героически обороняемую небольшим русским гарнизоном, дали огромный жизненный материал Верещагину. Под плевенскими редутами искал художник тело своего убитого брата и, бродя среди тысяч мертвых тел, еще более постигал страшную правду войны.

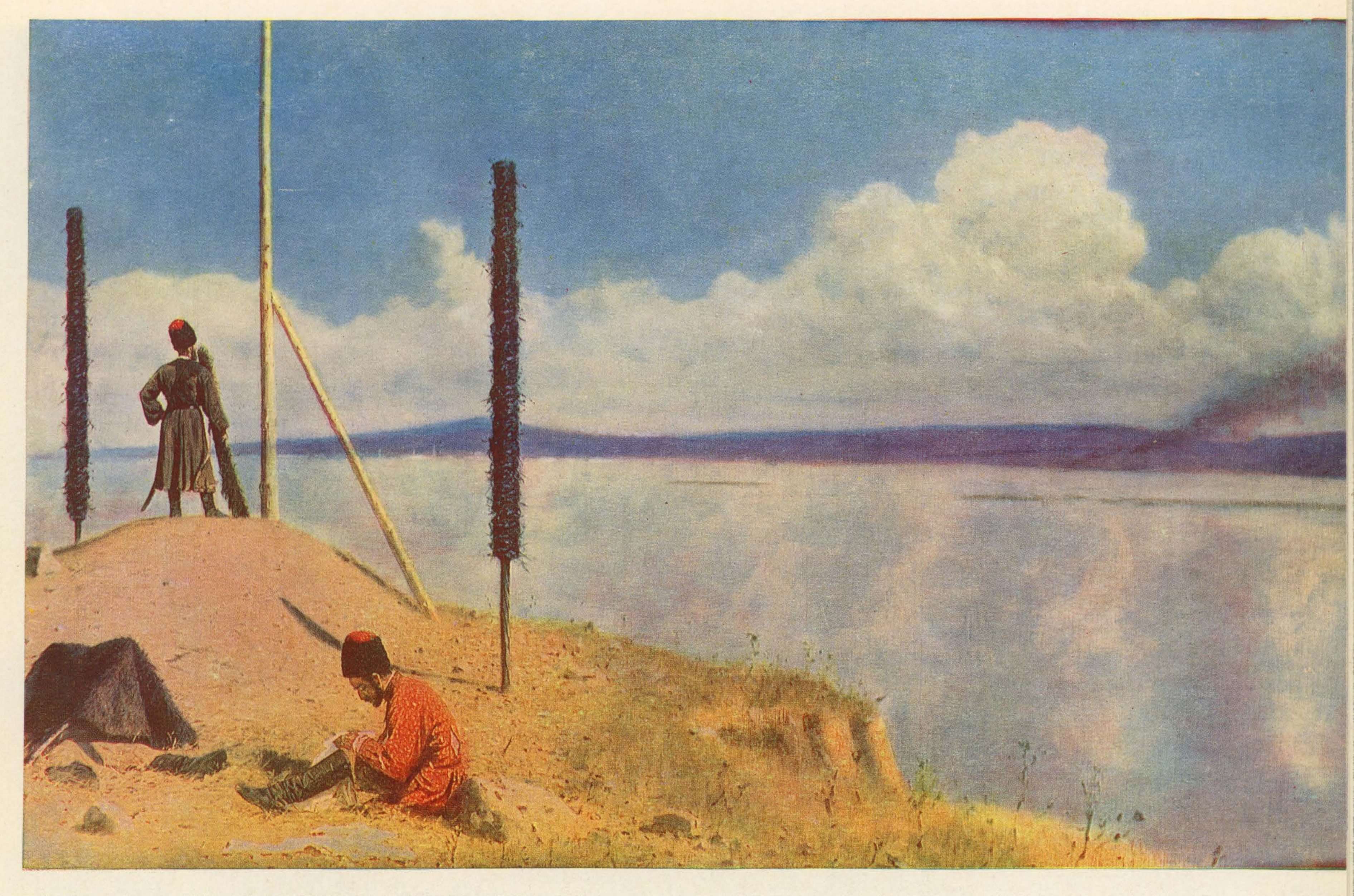
Он упорно продолжал работать над этюдами с натуры в самых угрожающих местах. Журналист В. И. Немирович-Данченко писал несколько позже, после сражения у деревни Шипка: «28-го Скобелев повел войска на штурм... Несколько редутов взяли штыками. Бой был упорный и отчаянный. Кругом люди падали... С злобным шипением пули уходили в снег Казанлыкской долины, другие, словно вихрь, проносились мимо, и посреди этого ада В. В. Верещагин на своей складной табуретке набрасывал в походный альбом общую картину атаки... Много истинного мужества и спокойствия нужно было для этого...» Вот где истоки поразительного реализма балканской серии полотен художника. Уже в Париже, осматривая военные этюды Верещагина, привезенные с Балкан, В. Д. Стасов заметил: «И при первом же взгляде на эти дощечки видишь, когда и как они были писаны, в какие минуты ходила по ним кисть. На них горит огонь пламенного одушевления, ясно видишь, что поэтическая или грозная минута была выбрана в одно мгновение ока и запечатлена навеки огненною страстною кистью».

Эти этюды были положены в основу больших батальных полотен, вызвавших горячий отклик у передовых деятелей культуры России. «Видел я картины (этюды и пр.) В. В. Верещагина,— писал Тургенев.— Замечательный, крупный, сильный... талант».

Около тридцати картин балканской серии вошло в золотой фонд отечественной живописи.

Я видел копии картин Верещагина во многих музеях Болгарии. Особенно большое впечатление производят полотна «Перед атакой. Под Плевной» и «Панихида», хранящиеся в скорбном мавзолее русских и румынских воинов в Плевене. Здесь, вблизи солдатских саркофагов, осененных боевыми знаменами, рядом с мемориальными мраморными досками с именами героев, павших под Плевеном, напоминают они, какой жестокой была битва и какой ценой досталась победа, за достижение которой храбро сражался и русский художник Василий Васильевич Верещагин...

Он вернулся ныне на плевенские холмы, вернулся своими произведениями, рассказывая о сражениях освободительной войны, гремевших сто лет назад на болгарской земле.

В. Верещагин. 1842—1904. ПИКЕТ НА ДУНАЕ. 1878—1879.

Киевский музей русского искусства.

В. Верещагин. ШИПКА — ШЕЙНОВО. СКОБЕЛЕВ ПОД ШИПКОЙ. 1878—1879.

Государственная Третьяковская галерея.

В. Верещагин. ПЕРЕД АТАКОЙ. ПОД ПЛЕВНОЙ. Фрагмент. 1881.

Государственная Третьяковская галерея.

СКУЛЬПТОР ЗЕМЛИ

Граждане СССР имеют право участвовать в управлении государственными и общественными делами, в обсуждении и принятии законов и решений общегосударственного и местного значения.

Из Конституции СССР

Владимир НИКОЛАЕВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора

Есть в Каршинской степи, на юге Узбекистана, совхоз имени Чули Бегимкулова. Чтобы затем подойти к главной теме нашего рассказа, вспомним об этом человеке.

Родился Бегимкулов в 1902 году в кишлаке Дашт (ныне колхоз «Ленинизм», Каршинского района). С малых лет Чули батрачил на бая. Пришедшая в степной край Октябрьская революция стала делом всей его жизни. Он участвовал в создании первых органов Советской власти, сражался с басмачами. В 1931 году в его кишлаке был создан колхоз. Председателем избрали Бегимкулова. В том же году он стал коммунистом.

И затем много лет, на разных постах, он строил новую жизнь на селе. Примечательно, что в 1943 году Чули Бегимкулов возглавил организационный комитет по созданию Кашкадарьинской области. За большие заслуги в развитии колхозного производства был награжден двумя орденами Ленина и двумя орденами Трудового Красного Знамени, а в 1958 году ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда. И, наконец, еще одна справка: в течение двадцати пяти лет Чули Бегимкулов был депутатом Верховного Совета Узбекской ССР.

Умер Чули Бегимкулов в 1963 году. Дело его продолжается. Колхоз «Ленинизм» — один из лучших в области. В колхозную среднюю школу имени Чули Бегимкулова дети спешат по центральной улице поселка, которая тоже носит имя самоотверженного труженика и борца.

Чули Бегимкулов был первопроходцем. И не случайно его именем был назван в 1973 году совхоз — первенец каршинской целины.

Дело жизни Чули Бегимкулова продолжается. Выступая в 1973 году в Ташкенте, Л. И. Брежнев говорил: «Именно вклад Узбекистана, главного производителя советского хлопка, позволил нам уже в 1970 году выйти по его производству на первое место в мире». Но стране нужно еще больше хлопка. И поэтому на XXV съезде КПСС было решено «создать новый крупный район по выращиванию тонковолокнистого хлопчатника в Каршинской степи». Эту задачу можно было поставить на съезде конкретно и определенно, потому что по воле партии преобразование степной целины уже было начато, уже были созданы все необходимые предпосылки для генерального наступления на пустыню, которое во всю мощь разворачивается сегодня, в 10-й пятилетке. Люди привели в степь воду Амударьи, создали здесь мощную строительную индустрию — основу новых совхозов и оросительных систем. На необъятных просторах выросли десятки новых хозяйств, они уже дают хлопок. Значение преобразования Каршинской степи велико не только для республики, но и в масштабах всей страны. Недаром «Каршистрой» назван Всесоюзной ударной комсомольской стройкой.

Но вернемся к совхозу имени Чули Бегимкулова. Именно с рождением этого хозяйства связано мое знакомство с Агзамом Азимхановым. В совхозе имени Чули Бегимкулова я узнал, что механизатор Азимханов подготовил первые земли под хлопок, первое поле на всей каршинской целине! Где когда-то прошел его бульдозер, вырос не только хлопок, но и современный сельский городок. Естественно, я не мог не заинтересоваться Азимхановым, одним из основателей этого бело-зеленого оазиса, прямым продолжателем дела первопроходца Чули Бегимкулова.

Разыскал я Азимханова в управлении механизированных работ № 13 треста «Водстрой», это одно из многих трудовых подразделений «Каршистроя». Мы познакомились. Сейчас он руководит бригадой бульдозеристов. Это виртуозная профессия, она требует не только опыта и сноровки, но и немалых знаний. Бульдозерист готовит землю к тому, чтобы она плодоносила. Нож бульдозера всегда направляет рука первопроходца. Он разравнивает будущее поле, или, как здесь говорят, планирует его. За прошедшим по целине бульдозером не должно быть ни бугорка, ни ложбинки. А чтобы добиться такого результата, надо еще до начала работы изучить рельеф поля, прикинуть, где и на сколько срезать грунт. Кропотливое, тонкое дело!.. Азимханов хорошо разбирается в мелиоративном строительстве, свободно читает чертежи, сам делает расчеты по планировке полей. Освоить все это ему помогла учеба в Каршинском политехникуме. Он закончил его семь лет назад и с тех пор не расстается все с одной и той же машиной марки С-100, наездил на ней более 12 тысяч моточасов, а она как новая. Уже один этот факт, не говоря о количестве и качестве подготовленной им земли, ставит Азимханова в ряды самых лучших бульдозеристов. Равняются на своего бригадира и члены его бригады, которая была названа лучшей по итогам соревнования в честь 60-летия Великого Октября. Бригада определила для себя новую задачу — выполнить за пять лет две пятилетки. Для этого ей нужно будет переместить более миллиона кубометров земли. Победить слежавшиеся, спрессованные веками пласты целины, победить тропическую жару, победить пыльные бури, от которых чернеет небо, победить пронизывающие человека насквозь, убийственные степные ветры, победить много других трудностей, на которые щедра Каршинская степь.

Агзам Азимханов, бульдозерист, депутат Верховного Совета СССР, лауреат Государственной премии СССР.

Я бы назвал Азимханова и его бульдозеристов скульпторами земли. Из бесформенной глыбы мастер создает художественное произведение и наполняет его жизнью, из непригодной для использования земли бульдозерист создает поле. И скульптор и механизатор не только убирают все лишнее с глыбы и с земельного массива, но и вкладывают в свой труд душу. Без этого успеха не будет. «Землю обмануть нельзя!» — сказал во время нашей беседы начальник «Каршистроя» Э. Т. Турсунов; он больше всего говорил мне о том, какой тщательной заботы, какого кропотливого ухода требует земля, от которой люди хотят получить хлопок. Так и становится нож бульдозериста сродни резцу скульптора. И потому из одного металла льют медали как для художника, так и для рабочего человека и отмечают их одной и той же наградой — Государственной премией СССР. Ее получил в 1977 году и Агзам Азимханов.

В наш век, когда люди стали жить куда дольше своих отцов и дедов, Азимханова можно причислить еще к молодым специалистам: он родился в 1941 году. Очень живые глаза и лицо, хотя оно и задублено степным ветром и зноем. Невысок, но широк в плечах, кряжист, словно дубок, прочно вросший в землю. Говорит не спеша, не торопится с ответом, внимательно слушает других, как бы взвешивая про себя произносимые ими слова. Немногословен. Часто утвердительный ответ, положительную реакцию заменяет улыбкой, теплой и чуть застенчивой. С ним очень спокойно и хорошо сидится за домашним столом, главным украшением которого здесь непременно является плов. Время от времени в щелке чуть приоткрывшейся двери загораются любопытные ребячьи глазенки: у хозяина шестеро детей.

Но мир Азимханова не ограничивается его бригадой и домом. Есть у него еще одно рабочее место: небольшая светлая комната в скромном двухэтажном здании управления. Здесь депутат Верховного Совета СССР Азимханов регулярно принимает своих избирателей.

— Да, мне очень повезло,— говорит он,— что я стал первопроходцем. Горжусь этим высоким званием. На целине я познал цену нерушимой дружбы народов, здесь я стал депутатом высшего органа государственной власти страны. Присуждение мне Государственной премии расцениваю как знак внимания не только к моей работе, но и к развитию нашего края, жизнь которого неразрывно связана с освоением целинных просторов Каршинской степи.

В прошлом году мне довелось пережить еще одно событие огромной важности. Я утверждал в числе других депутатов Верховного Совета новый Основной Закон Страны Советов. Трудно передать словами все, что чувствовал каждый из нас в Москве. Гордость за Родину, за то, что сделано сегодня, за наше великое будущее. Словно поднялся на высокую гору, увидел дальние горизонты, широкую перспективу, ощутил все величие наших дел и задач.

И, наконец, есть еще одна сторона жизни и работы Азимханова: около ста преобразователей степи называют себя его учениками. Один из них, Фархад Ирисов, недавно стал лауреатом премии комсомола Узбекистана.

Чули Бегимкулов, Агзам Азимханов, Фархад Ирисов... Эстафета первопроходцев продолжается.

В Постановлении ЦК КПСС о 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции говорится: **«Под руководством Коммунистической партии трудящиеся нашей страны успешно справились с самой главной и самой сложной задачей социалистической революции — созидательной»**. В решение этой задачи вложен и труд Бегимкулова, Азимханова, Ирисова. Их жизнь — пример того, как человек на деле осуществляет свои права на счастье и труд, человек — хозяин своей судьбы и своей страны.

Каршинская степь.

СМЕРТЬ АРТИСТА

Георгий ГУЛИА

Г-н Бейль — один из выдающихся людей нашего времени.

БАЛЬЗАК

Вы пожалели сироту, брошенного на улице.

СТЕНДАЛЬ — БАЛЬЗАКУ

РАССКАЗ

Чувствовал он себя великолепно: хорошее настроение, желание писать, писать, писать или неустанно диктовать стенографу! Словом, жить, чтобы работать, и работать, чтобы жить. Не это ли высшее благо для человека, преданного искусству? Впрочем, всякому благородному делу...

А что говорил доктор Прево в Женеве? Что требовал?

Лежать, лежать, лежать... Пить микстуры... Не доставлять себе никаких хлопот... Думать, но не волнуясь при этом. Жить, но не гореть. А если гореть, то только огнем холодным, не задевающим ни души, ни сердца.

Прекрасные советы, нечего сказать! Значит, так: слушаться Прево — и жить сто лет?

Нет, уважаемый доктор, дело обстоит несколько иначе: Анри Бейль работает по десяти часов в день, и ничего! Более того: Бейлю лучше, Бейлю просто хорошо!

Анри Бейль, французский консул в городе Чивита-Веккиа, легко сошел на тротуар с высокого порога отеля. Это недалеко от площади Карусель, в двух шагах от бульвара и почти рядом с Лувром.

На улице было прохладно. Стоял месяц март, но погода еще не весенняя. Париж не Чивита-Веккиа. Там уже молодые итальянки ходят в легких платьях, чуть прикрыв шалями крутые плечи.

У господина Бейля в глазах живые огни. Щеки пунцовые. Он грузен, но нынче ему легко, и вовсе не чувствует сердца, и голова совсем не болит. А как же страшные пророчества доктора Прево, намекавшего на некий паралич конечностей?

Нет, что ни говори, а родной воздух и привычная работа — недурное снадобье. Разумеется, в милом Гренобле было бы во сто крат лучше, однако консул не совсем принадлежит себе. Именно поэтому он и выбрал этот отель неподалеку от министерства иностранных дел...

Анри Бейль сегодня поработал на славу: с семи утра до пяти вечера. Это недурно! Многим главам «Пармской обители» возвращен их первозданный вид. А поначалу господин Бейль внял было гипнотическим словам знаменитого Бальзака. Ему с трудом верилось, что сам Бальзак написал о нем статью. И сколько написал! Да как написал! Внимательно прочитав напечатанное в «Ревю Паризьен», Бейль серьезно задумался. И немедля принялся за переделку своей книги. И, наверное, поторопился. Теперь это Бейлю совершенно ясно.

Когда говорит что-либо приятное господин Мериме — это одно. Не будет же он огорчать старшего друга и, можно сказать, наставника. Так же можно понять какого-нибудь репортера, которому вдруг понравилась твоя книга и он черкнул о тебе несколько приятных строк в своей газете. Но когда за перо берется сам Бальзак?!

И тем не менее «Пармская обитель» останется сама собою...

...Анри Бейль посмотрел вправо, потом влево. Словно выбирал: просто ли погулять или пойти в театр, где его ждали друзья? Он уже не молод — под шестьдесят. Но сил еще много. А желаний еще больше...

Правда, не так давно его немного тряхнуло. Случился, так сказать, апоплексический ударчик. Но что же с того? Что твердили врачи? Отдых, отдых, отдых! Прошло не так уж много времени — и что же? Кто работает по десяти часов в день, кто ворочает горы бумаг, кто изводит бутыли чернил? Все он: Анри Бейль, если угодно, Стендаль...

Однако было бы неверно полагать, что господин консул — всегда живой, всегда волнующийся — полностью игнорировал советы врачей. Да, он был болен. Да, из Марселя он поехал не в Париж, а в Женеву, чтобы посоветоваться с доктором Прево, которому очень доверял. Другое дело, как он выполняет указания доктора. Можно поставить вопрос так: полностью ли придерживается господин Бейль врачебных предписаний? Доктор Прево говорил: важны микстуры, необходимы и порошки... Но самое главное — работать как можно меньше, а еще лучше не работать вовсе. Подождать...

— Но сколько?.. Вот в чем вопрос, господин доктор...

Прево улыбнулся. Там. В Женеве.

— Господин Бейль, это вопрос риторический.

— А все-таки? — Бейль тоже улыбнулся, но через силу. Неведомая судорога сводила ему губы. Улыбка получалась кривой.

— Видите ли...

— Милый доктор... — Бейль повернулся к врачу всем своим торсом. — Я слишком много видел. Я видел, как умирали люди на Бородинском поле под Москвой. Я видел горящий Московский Кремль. Я знал Березину и многое другое. Это о чем-нибудь говорит?

Доктор пожал плечами:

— Разумеется... Но...

Бейль пылко перебил его:

— Я вам скажу, однако, не в укор: в худшие часы, когда, казалось, раскалывалась голова или отказывало сердце, мне помогала работа. Работа ума и работа рук. Если угодно: мысль и действие.

— И все-таки, господин консул, прислушайтесь к моим словам. — Доктор помолчал.

— Слушаю, доктор.

— Мой вам совет: уймите свой нрав, возьмите себя, как говорится, в руки.

— Как это понимать?

— Очень просто. Поезжайте в Гренобль, например. Чаще сидите в саду. Поменьше говорите о политике. Старайтесь не тревожить себя газетами и разными неприятными слухами. И это самое... — Доктор указательным пальцем начертал в воздухе некие письмена. — Это самое, меньше работайте. Как можно меньше!

— Часов семь в сутки?

— Ни в коем случае!

Бейль спрашивал:

— Пять?

— Меньше, меньше.

— Три?

— Еще меньше.

— Час?

— Не кряду. С перерывами.

Бейль вскочил:

— Вы, доктор, смеетесь надо мной! Что же мне, заживо ложиться в гроб?

Доктор сказал:

— В гроб — нет, а в постель — да. И безотлагательно. Вы меня поняли?

Бейль сел на место, опустил голову. Задумался...

Да, так было. Совсем недавно. Что же с тех пор произошло? Откуда эти силы? Ведь немощный, умирающий не может непрерывно работать по десяти часов, а потом бодро шагать в театр?

— Настоящий артист подобен льву, — сказал Бальзак при последней встрече. — А вы, господин Бейль, настоящий артист. Артист в древнегреческом, древнеримском, высоком смысле этого слова. Вы написали «Пармскую обитель» за пятьдесят два дня. Следовательно, вы и лев своим могучим сердцем. Вам ничего не должно быть страшно, особенно болезни.

Вот истинные слова! Вот подлинный врачебный подход!

И еще: если бы литератор Анри Бейль, он же Стендаль, хотя бы на минуту сомневался в своей физической мощи, разве подписал бы этот самый контракт с журналом «Ревю де Дё Монд»? И не далее как вчера. И с обязательством поставлять — причем регулярно! — рассказы, за которые будут выплачивать по пяти тысяч франков. Нет, силы вернулись полностью, здоровье восстановлено, и слова доктора Прево имеют, скорее, если можно так выразиться, исторический оттенок.

Консул зашагал в сторону бульвара, обратив при этом внимание на яркий свет ближайшей бакалейной лавки. Он решил пройти мимо нее — здесь тротуар посветлее — и неторопливо следовать дальше, вдыхая полной грудью свежий воздух.

...А еще Бальзак говорил:

— Вы — наша гордость.

И еще:

— Пусть учатся у вас все, кто считает себя литератором, кто любит язык — образный и ясный.

Боже, как щедр был Бальзак на похвалу! Впрочем, это были не только «слова, слова». Почти те же выражения употребил он в своем «Этюде»... Если это так...

Анри Бейль сделал еще несколько шагов...

Сумерки основательно опустились на город. Противоположная сторона площади Карусель проваливалась в густую темень. Собственно, в этом нет ничего особенного — ведь скоро семь часов...

А в Гренобле сейчас небо понемногу лиловеет и до сумерек еще далеко. В Гренобле и дышится совсем иначе, чем здесь. В Гренобле остались не только детские годы, но и сердце. «Ежели, — говаривал консул-холостяк своему кузену Ромену Коломбу, — господь бог дарует мне смерть внезапную, немучительную, то хотелось бы лежать в тихом и красивом уголке долины Монморанси или в самом крайнем случае на Монмартрском кладбище, чтобы «с прекрасным видом». Эту мысль о могиле в Монморанси или на Монмартре «с прекрасным видом» господин консул специально внес в несколько своих завещаний...

Нет, в Гренобле все иначе: юг все-таки есть юг!..

Вот и здание министерства иностранных дел. Консул бросает взгляд на освещенные окна верхнего этажа. Вот и бульвар Новых Капуцинов. Однако сгущающиеся сумерки не дают возможности полюбоваться его вечерним видом...

Вдруг дрогнула земля под ногами...

Вдруг весь Париж куда-то полетел...

В одно мгновение!

В секунду!

Нет, в доли секунды!

И тут прохожие увидели, как на землю упал невысокий, грузный мужчина.

Без стона.

И не пытался подняться...

Никого не позвал на помощь...

Так прошла минута... другая... третья...

Вскоре несколько человек подняли с земли господина консула. Они не знали, что с ним и что следует делать.

— Туда!— сказал один из них, кивая в сторону бакалейной лавки.

И они пошли...

— В чем дело?— спросил хозяин лавки.

— Он упал...— объяснили ему.

— Надо побрызгать лицо водой,— посоветовал кто-то.

В лавке было тесно. Прилавок в двух шагах от двери.

— Сюда, сюда!— сказал участливо лавочник.

Консула внесли в небольшое складское помещение. Здесь было много мешков, ящиков, всяких пакетов, а посередине стояли огромные весы.

Лавочник сдвинул ящики, и на них уложили консула.

— Надеюсь, он не пьян,— сказал лавочник.

— Да вы взгляните на его лицо,— сказал один из тех, кто нес консула.— Ему надо натереть виски уксусом. У вас найдется уксус?

— И воды бы,— добавил кто-то.

— Я его видел,— сказал некий бородатый мужчина.— Он проживает в отеле. Совсем рядом. На улице Пти-Шан.

Консулу брызгали лицо. Давали ему нюхать какое-то острое зелье.

— Это обморок,— сказал лавочник.

— Глубокий,— добавил бородатый.

— Надо сообщить в отель...

— Он, кажется, дышит,— сказал лавочник.— Позовите Луизу: она умеет приводить в чувство.

Вскоре появился еще один господин — бледный, испуганный. Он растолкал толпу, собравшуюся возле лавки, и вошел в складское помещение.

— Я Ромен Коломб,— сказал он.— Кузен господина... этого господина... консула...

— Какого такого консула?— спросил кто-то.

— Нашего. В Чивита-Веккии.

— Это в Италии, что ли?

— Да, в Италии.

— Так вы его кузен?— недоверчиво спросил лавочник.

— Да, кузен.

— Консула?

— Если угодно, господина Стендаля... Литератора... Может, читали?

— Нет, не читали.

— И не слыхали?

— Нет, не слыхали.

— Помогите отнести его в отель,— взмолился Коломб. Он был совершенно растерян.— Я попрошу кого-нибудь сходить за доктором. Есть поблизости врач?

В номере отеля, на широкой и мягкой постели господину консулу не стало легче.

Он молчал.

Глаза его были наглухо закрыты.

Лицо безжизненно.

Врач сказал, что больного постиг апоплексический удар. Надежда только на бога... И тем не менее он делал все возможное, чтобы вернуть сознание Анри Бейлю...

Ромен Коломб не отходил от постели. Время от времени он звал:

— Анри! Анри!

В два часа пополуночи Анри Бейля не стало. До рассвета с ним оставался лишь Ромен Коломб.

Утром о несчастье был извещен Проспер Мериме, литератор, горячий почитатель господина Бейля. На время забежал в отель Александр Тургенев, русский друг усопшего. Позже — женевский художник Авраам Константен.

Ромен Коломб чуточку пришел в себя: он понимал уже, что надо делать что-то, что больше и некому делать что-то, кроме него.

С чего же начинать?

Он не мог представить себе, что Анри вот так спокойно может лежать даже на собственных похоронах. Это непостижимо...

С чего же все-таки начинать?..

От имени более или менее близкой родни были разосланы извещения о том, что 24 марта 1842 года ровно в полдень на Монмартрском кладбище состоится погребение консула в Чивита-Веккии, кавалера ордена Почетного легиона Анри Мари Бейля. По религиозному обряду. Панихида — в церкви Успения...

Но кто же явится на похороны? Кто в Париже из друзей Бейля? Кто жив? Кто здоров? Кого можно оповестить? Кто оповестит? Найдут ли вовремя своих адресатов извещения?..

О похоронах в тихом и красивом уголке долины Монморанси не было и речи. Совершенно подавленный Коломб мог предложить лишь место на кладбище, купленное им сравнительно недорого и не для Бейля: оно было неприглядное, у самого входа, без «прекрасного вида».

До кладбища сопровождало гроб всего несколько человек.

Позже муниципалитет построил вблизи кладбища виадук, и могилу консула осыпа́ло пылью и оглушало грохотом денно и нощно.

Париж — Москва,
1967—1978

...НЕЛЬЗЯ СЕБЕ ПРЕДСТАВИТЬ ИДЕАЛА БУДУЩЕГО ОБЩЕСТВА БЕЗ СОЕДИНЕНИЯ ОБУЧЕНИЯ С ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫМ ТРУДОМ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ...

В. И. Ленин

КАК СТАТЬ РАБОЧИМ...

Б. СОПЕЛЬНЯК,
специальный корреспондент «Огонька»

На первый взгляд нет ничего проще ответа на этот вопрос: отправляйся на любой завод, благо у каждых ворот множество объявлений, начинающихся со слова «требуются», походи полгода в учениках — и, пожалуйста, становись в ряды рабочего класса. Но практика показывает, что таким путем приобретаются несложные профессии и рабочие, прошедшие этот путь, имеют низкие квалификационные разряды. НТР требует людей все более высокой квалификации: к станку с числовым программным управлением не поставишь токаря третьего разряда и не доверишь собирать, скажем, самолет или электронно-вычислительную машину парнишке или девчонке, которые едва-едва научились держать в руках инструмент.

Научно-техническая революция заставила пересмотреть всю систему подготовки рабочих кадров: ныне мало иметь золотые руки, нужна такая же голова. Потому-то и появились на свет профессионально-технические училища. Более двух миллионов выпускников этих училищ вливаются ежегодно в народное хозяйство, причем многие из них оканчивают училища, которые, кроме профессии, дают и среднее образование. Сюда поступают после восьми классов и учатся три года.

Казалось бы, такая система может считаться идеальной: выпускник ПТУ на уровне десятиклассника знает историю, химию, математику, литературу, глубоко познал теорию своей профессии и, само собой, хорошо усвоил чисто практические навыки. Но жизнь показывает, что в этой системе далеко не все идеально. Именно поэтому в сентябре прошлого года было опубликовано постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем совершенствовании процесса обучения и воспитания учащихся системы профессионально-технического образования». В постановлении отмечается, что система профтехобразования достигла высокого уровня развития, стала основной школой подготовки квалифицированных рабочих кадров для народного хозяйства. Далее говорится о том, что многие советские люди, получившие первую трудовую закалку в профессионально-технических учебных заведениях, самоотверженно трудятся на важнейших участках коммунистического строительства, достойно приумножают и продолжают славные традиции рабочего класса.

Вместе с тем в постановлении отмечено, что в системе профтехобразования еще имеются упущения и нерешенные вопросы. Этих вопросов немало. Решать их надо, разумеется, все, и чем быстрее, тем лучше: расширять сеть профтехучилищ, совершенствовать учебные планы, добиваться единства обучения и воспитания, повышать требовательность к руководителям органов профтехобразования... Но есть среди них, если так можно выразиться, вопросы вопросов. С них, видимо, надо начинать, так как это, на наш взгляд, фундамент, на котором стоит вся система профтехобразования. Решив их, укрепив фундамент, можно будет смело еще выше поднимать стены всего здания. Этих вопросов три, и они четко обозначены в постановлении. 1) Недооценивается важность своевременного и полного комплектования училищ прежде всего за счет наиболее подготовленной части молодежи. 2) Имеют место проявления формального, невнимательного отношения к деятельности системы профтехобразования, строительству училищ, укреплению их учебно-материальной базы, организации производственной практики. 3) Необходимо всемерно поощрять инициативу высококвалифицированных рабочих и специалистов, переходящих на работу в училища мастерами производственного обучения и преподавателями.

Я позвонил в Государственный комитет по профессионально-техническому образованию и спросил, в каком ПТУ эти вопросы можно изучить, так сказать, наглядно. Мне посоветовали поехать в Горький. Я так и сделал.

ОТ ФАБЗАВУЧА ДО ПТУ

Там, при заводе «Красное Сормово», работает одно из лучших и старейших профессионально-технических училищ страны. Рождалось оно, можно сказать, на голом месте в 1922 году. И все же через год завод получил 118 квалифицированных и, что очень важно, грамотных рабочих. А в мае 1923 года отмечалось, что школа фабзавуча «считается по оборудованию, а также по программе занятий второй в России». Слово кавалеру ордена Трудового Красного Знамени и ордена Октябрьской Революции Н. А. Лукину, директору училища:

— В сорок первом мне стукнуло шестнадцать. Рванул в военкомат — куда там! Подался в ремесленное училище. Но долго учиться не пришлось, вскоре я уже стоял у заводского токарного станка. Вот были времена. Семнадцатилетнего паренька назначают помощником мастера, а как только исполнилось восемнадцать, я стал мастером цеха. А какая ответственность! Делали танки Т-34 и снаряды для «катюш». Работали день и ночь. И откуда силы брались?.. А потом училище получило награду. Да такую, что не каждый завод и не каждая воинская часть имеет. В 1945 году за активное участие в создании боевой техники для нужд фронта училищу было передано на вечное хранение Знамя Государственного Комитета Обороны. Есть у нас и другой весомый вклад в дело победы над врагом: восемь воспитанников училища стали Героями Советского Союза. Имя одного из них, танкиста А. П. Семенова, три года назад присвоено нашему ПТУ.

Ну, а я после войны окончил техникум, потом институт и в 1955 году вернулся в училище. С тех пор и директорствую. Горжусь, очень горжусь тем, что за это время училище было награждено орденом Трудового Красного Знамени и стало лауреатом премии Ленинского комсомола. За эти же годы четыре наших выпускника, правда, более ранних лет, удостоены звания Героя Социалистического Труда.

Теперь, когда Н. А. Лукин познакомил нас со славной историей своего училища, попробуем применительно к этому ПТУ рассмотреть те положения постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР, о которых я уже упоминал. Итак, вопрос первый: напомню, что речь идет о важности комплектования училищ за счет наиболее подготовленной части молодежи. Для начала я изучил несколько характеристик на ребят, желающих учиться в ПТУ-5. Эти характеристики утверждались педсоветами школ и подписывались директорами.

— Как же так? — спросил я у Н. А. Лукина. — В постановлении говорится, что комплектовать училища надо за счет наиболее подготовленной части молодежи, а вы принимаете тех, от кого отказалась школа.

— В постановлении как раз и говорится, что важность этого вопроса недооценивается. И наш город и наше училище, здесь, увы, не исключение. В этом вопросе, кстати, есть какие-то странные «ножницы». С одной стороны, после восьмилетки школы производят своеобразный отсев, то есть в девятый класс плохих учеников не берут, с другой стороны, мы тоже хотим получить лучших. А кто же пойдет в девятый класс? Ведь есть закон о всеобщем среднем образовании, и школам его надо выполнять. Ситуация на первый взгляд безвыходная. Но выход есть, и он указан в постановлении. Вспомните, там есть строки о связи профтехучилищ со школами, особенно в организации профориентации среди учащихся. Спору нет, пока что к нам частенько поступают крайне запущенные ребята. Что ж, мы берем таких ребят, помогаем ликвидировать пробелы и через три года вместе со свидетельством о присвоении квалификационного разряда по профессии вручаем аттестат о среднем образовании, да такой крепкий, что кое-кто из бывших троечников без особого труда поступает в институт, — с гордостью закончил директор училища.

А потом я беседовал с преподавателями-предметниками, мастерами, учащимися различных групп. И вот к какому пришел выводу: школам-восьмилеткам надо повысить требовательность к своим выпускникам. Это одна

сторона дела. И другая: пора серьезно заняться профориентацией. Ведь далеко не все школьники рвутся в девятый класс, для многих ребят куда заманчивее вместе с аттестатом о среднем образовании получить хорошую рабочую специальность. Все учащиеся ПТУ-5, с которыми я беседовал, в один голос заявили, что в школе они были лучшими на уроках труда, что мечтали, именно мечтали стать классными судосварщиками или токарями, но как-то так сложилось, что сказать об этом вслух, даже в компании сверстников, видевших себя врачами, писателями и физиками, стеснялись. О родителях или учителях и речи не было. Вы только вдумайтесь в эти слова: ребята стеснялись признаться в том, что идут в рабочий класс!

УЧИТЬСЯ — ЗНАЧИТ РАБОТАТЬ

А теперь рассмотрим второе, не менее важное положение постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Есть в ПТУ-5 девиз, которому следуют все пятьдесят пять лет его существования: «Обучение — в производительном труде». Что это значит? А вот что: ребята овладевают профессией, не столько обтачивая никому не нужные болванки или сваривая никчемные листы железа, сколько выпуская продукцию, которую ждет «Красное Сормово», а то и другие предприятия. Назову только одну цифру: ПТУ-5 дает ежегодно продукции на восемь миллионов рублей. И какой продукции! Токарные станки. Часть их тут же поступает в заводские цеха, часть идет на предприятия и в ПТУ других городов. Станки для правки и намотки проволоки. Эти станки — составная часть сварочных полуавтоматов. Такому предприятию, как завод «Красное Сормово» имени Жданова, без них просто не обойтись. Ручные гидравлические насосы высокого давления. Они устанавливаются на всех судах «Красного Сормова». Насосы настолько хороши, что идут даже на экспорт. Центрирующие устройства и другие узлы для стапельной тележки грузоподъемностью в сто двадцать тонн. Это один из ответственнейших заводских заказов, который выполняет училище. Редукторы для автоматических линий птицефабрик, запчасти для автомобилей, пилорамы, кабелеукладчики, опоки, контейнеры для хранения и перевозки овощей, металлические гаражи и многое, многое другое.

Трудно поверить, что все это делается ребячьими руками. Но факт есть факт. Я отправился в мастерские, расположенные на территории завода. То, что я увидел, просто язык не поворачивается назвать мастерскими. Два светлых, просторных цеха, оборудованных новейшими станками и механизмами, где идет четкая, слаженная работа. Впрочем, их так и называют: учебно-производственные корпуса номер один и номер два.

Во втором корпусе я познакомился со старшим инженером Борисом Васильевичем Савельевым. Сорок пять лет назад он сам бегал в это училище, работал на заводе, воевал, а потом окончил институт и вернулся в училище.

— Почему?— спросил я.— Разве на заводе было хуже?

— Лучше! Намного лучше,— улыбнулся Борис Васильевич.— Зарабатывал больше, мороки меньше. Но там моя продукция была железная, а здесь — живая. Тот, кто не работал с детьми, может меня и не понять, но мы, учителя, испытываем ни с чем не сравнимую радость, когда видим, как из неумелого парнишки выковывается сознательный, высококвалифицированный рабочий.

Были в цехе и взрослые.

— Кто они?— поинтересовался я.

— Часть из них мастера производственного обучения, а часть — просто хорошие, опытные рабочие, которым завод доверил трудиться рядом с ребятами. Так или иначе, они тоже являются педагогами и наставниками. Но их всего двадцать человек, а ребят — триста пятьдесят.

— Какие курсы здесь работают?

— Все три. Причем процесс обучения мы построили так, что первокурсники работают на простых операциях, а рядом — старшекурсники, но они на более сложных, а то и завершающих операциях. Это очень важный нюанс: неумелый и неуверенный в себе первокурсник видит, что он сможет делать через год-другой. Если бы эту работу выполняли взрослые, эффект был бы не тот.

И еще одно пожелание услышал я: нельзя ли сделать так, чтобы три дня учиться, три дня работать? Чтобы не нарушать ни учебный, ни трудовой ритм. Но само училище решить эту проблему не может: существует программа, которую надо выполнять. Видимо, в Государственном комитете по профессионально-техническому образованию должны задуматься над этим предложением, и, быть может, несколько скоординировать программу.

ПЛАВКА...

Третья проблема. Инициатива высококвалифицированных рабочих и специалистов, переходящих на работу в училища мастерами производственного обучения и преподавателями. Полтора года назад в Горьком пять Героев Социалистического Труда перешли на работу в профессионально-технические училища. Один из них — прославленный сталевар с «Красного Сормова» Н. И. Онищенков. У меня было две встречи с Николаем Ивановичем: одна в училище, другая — в мартеновском цехе. Расскажу про обе.

Первое впечатление от встречи в училище: веселый, улыбчивый человек, несколько неловко чувствующий себя среди мальчишек на голову выше его ростом. У мартеновской печи Николай Иванович был совсем другим: хозяин, знаток своего дела, строг, скуп на слова, но уж если похвалит или похлопает по плечу, парнишка сияет всем чумазым лицом и из робы готов вылезти, чтобы еще раз заслужить похвалу.

Когда я спросил Николая Ивановича, что заставило его на пятидесятом году жизни так круто все повернуть и перейти в училище, он вздохнул и коротко бросил:

— Производственная необходимость.

А потом, заметив мое недоумение, продолжил:

— Дело прошлое, но я об этом скажу. Кто виноват, не знаю, но с кадрами металлургов на заводе скверно. Мы, старики, вот-вот на пенсию — не удивляйтесь, что называю себя стариком, рабочие нашего цеха уходят на пенсию в пятьдесят лет, а замены толковой нет. Не идут ребята к мартену, и все тут! От сварщиков отбоя нет. А не дадим мы им металл, из чего суда-то собирать станут?! Даже наше заводское ПТУ лет десять не выпускало подручных сталеваров. И вот как-то подходит ко мне секретарь парткома и начинает «сватать» в училище. Не буду врать, не сразу, далеко не сразу решился я на такой крутой поворот всей своей жизни. Но решился. В училище пришел десятого августа, как раз к приему новичков...

На следующий день я видел, как их учат. Больше всего мне понравилось, что в мартеновском цехе никто не считает учащихся ПТУ обузой, никто от них не отмахивается, не подсовывает работу какую попало, лишь бы были заняты и не вертелись под ногами. Нет и другой крайности: никто с ними не сюсюкает, не считает, что ребятам нужно создавать какую-то особую, оранжерейную обстановку. Девиз «Обучение — в производительном труде» здесь действует, как говорится, на всю катушку.

Представляете, что это за работа — загрузить мартеновскую печь, сколько раз надо подойти к огнедышащему зеву с тяжеленной лопатой! А ребята самостоятельно, но, разумеется, под присмотром Н. И. Онищенкова загружали печь. И не чью-нибудь, а печь Героя Социалистического Труда И. П. Белова. У Ивана Павловича плавка, ему надо давать высокосортную сталь, тут нужен глаз да глаз, но он доверяет ребятам интересную работу и делает их участниками плавки. Вот ведь что важно! Тут не будешь работать шаляй-валяй; тут мастер за тебя деталь не исправит, здесь цена недобросовестности — тысячи тонн металла. И ребята это понимают. Они собранны, сосредоточенны, горды и, конечно же, чуточку важничают. Да это и понятно, не каждый, придя домой, может сказать: «А сегодня мы с Иваном Павловичем дали скоростную плавку».

Да, не везде увидишь, чтобы с восемнадцатью парнишками возились два Героя Социалистического Труда, но не везде увидишь и такие результаты: очень скоро ребята получат в свое полное распоряжение мартеновскую печь. Они будут самостоятельно варить сталь, и не какую-нибудь «учебную», а ту, из которой потом сделают известные на весь мир суда с заводской маркой «Красное Сормово».

А теперь вернемся к тезису, который я уже высказывал: помощь базового предприятия в работе ПТУ. Послушаем, что говорит об этом секретарь парткома завода «Красное Сормово» Ю. А. Марченков.

— Прежде всего отмечу, что профессионально-техническое училище мы рассматриваем как очень важное подразделение, без четкой работы которого не может четко работать и завод. Судите сами, за годы своего существования училище дало нам более сорока тысяч высококвалифицированных рабочих. Многие из них учились дальше и стали докторами наук, начальниками цехов и отделов, а то и директорами предприятий.

Продукция Сормовского завода известна и в стране и за рубежом. А создаются наши знаменитые суда руками вчерашних мальчишек и девчонок, которых мы любим, пестуем и помогаем стать настоящими рабочими, которым продолжать наше дело и идти дальше. К сожалению, не все и не всегда это понимают.

В инструментальном цехе, например, где и начальник, и партийная организация, и рабочие с любовью и пониманием относятся к молодым, выпускники ПТУ не увольняются и не переводятся в другие цеха. Больше того, через несколько лет они получают ордена и медали... Зато в соседнем цехе, судосборочном, картина совсем иная. Начальник строчит жалобы, ребята огрызаются, волынят. Пришлось парткому заняться этим цехом. Выяснилось, что начальник давал выпускникам училища самую скверную работу, всячески их унижал, делал обидные замечания, да еще при девушках. Нетрудно представить, как его «любили»! Всыпали мы этому начальнику по первое число и вынесли строжайшее партийное взыскание. А вот на начальника судомеханического цеха такая мера не подействовала. Пришлось снять с работы. И специалист вроде приличный, а работать с людьми не умеет, молодежь не любит. Таких горе-руководителей мы, конечно, держать не будем.

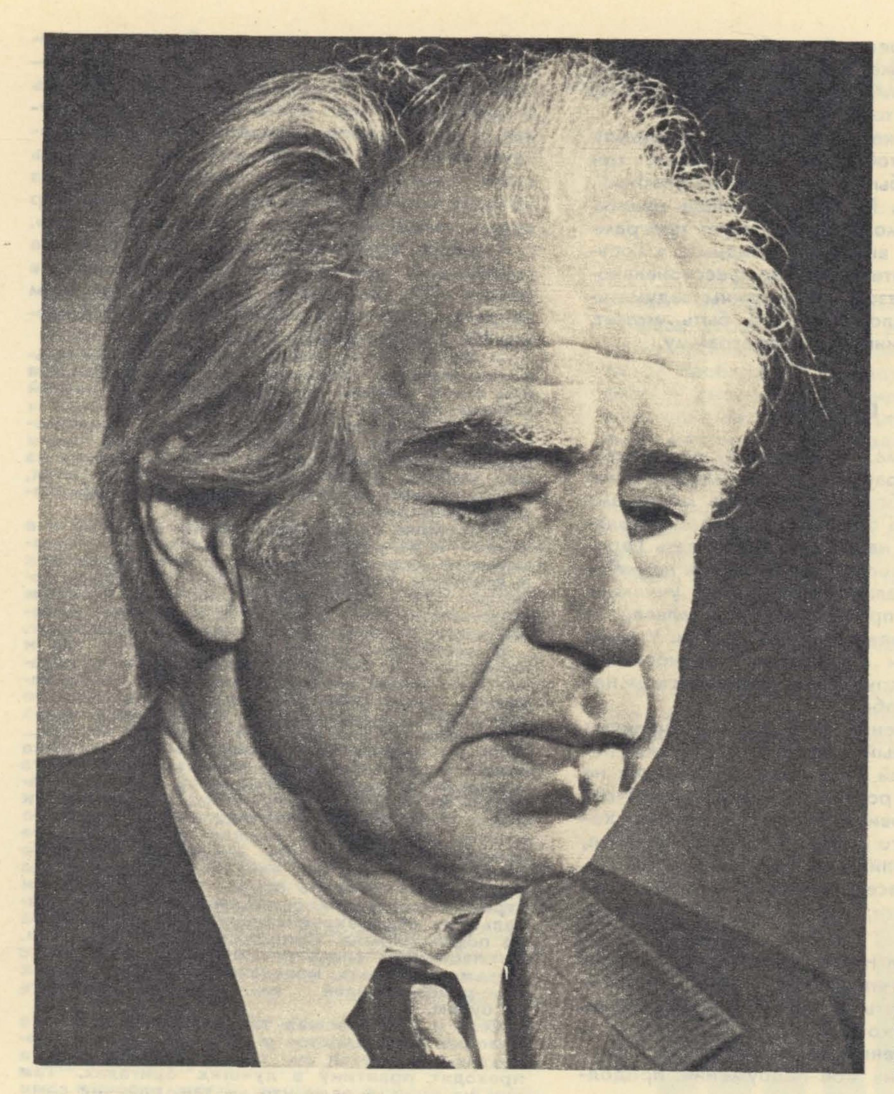
Есть у нас хорошая традиция: в подготовке молодых специалистов участвуют рабочие коллективы. Делается это так. Во-первых, ребята проходят практику в лучших бригадах. Там они на виду, и если что не так, рабочие сами поправят парнишку. Больше того, оценка за практику выставляется мастером участка, групкомсоргом, советом молодых рабочих и шефом-наставником. Причем учитываются трудовая активность, дисциплина и общественная активность. Если парень пришелся по душе, рабочие просят по окончании училища направить его именно в их бригаду. И мы это часто делаем. Во-вторых, более двадцати передовых бригад заключили договоры о социалистическом соревновании с учебными группами. Главная цель соревнования — коллективное наставничество. За многие годы мы убедились, что результаты это дает отличные.

Существует еще одна форма работы с молодежью, которой мы особенно гордимся. Несколько лет назад создан народный университет с десятью факультетами. Есть, например, факультет педагогических знаний — он предназначен для родителей. А есть факультеты будущего судостроителя, будущего станочника, сварщика, факультет правовых знаний и так далее. Так вот, факультет сварщика ведет выпускник этого же училища Герой Социалистического Труда В. В. Пайщиков, факультет станочников — тоже питомец нашего училища кавалер ордена Трудового Красного Знамени А. М. Годяев, факультет судостроителей — опять же воспитанник училища Герой Социалистического Труда А. П. Удалов. Занятия проходят раз в месяц, причем прямо на рабочих местах руководителей факультетов или в заводских лабораториях. И знаете, что любопытно: посещение этих факультетов — дело добровольное, но ходят все до единого.

И последнее. Кроме ПТУ, у нас есть и учебный комбинат, где тоже учатся молодые ребята, но учатся всего полгода. А в цехах и те и другие работают рядом. И, знаете, разница огромная! Я глубоко убежден, что рабочих надо готовить только в профессионально-технических училищах. Во всяком случае, опыт нашего ПТУ — живое тому доказательство. Думаю, что со временем эти учебные комбинаты вообще исчезнут. Недаром в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР подчеркивается, что надо добиваться, чтобы в ближайшие годы основная часть молодежи, оканчивающая среднюю общеобразовательную школу и направляемая в сферу материального производства, получала рабочую профессию в технических училищах.

* * *

Итак, мы рассмотрели три вопроса вопросов системы профессионально-технического образования. Этим очерком мы не заканчиваем, а начинаем разговор о проблемах профессионально-технического образования и надеемся, что на страницах журнала выскажутся все, кого волнует вопрос, как стать рабочим.

К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. Д. ФЕДОРОВА

ВЫСОКОЕ ЗВАНИЕ

Валентин СОРОКИН

Василий Федоров — поэт устремленный, не боящийся высоты вдохновения и высоты страсти, он постоянно в рабочем ритме. За многие годы моей любви к его прекрасному творчеству я не заметил ни разу, чтобы талант Василия Федорова где-то «затормозился», «впал в кризис», как часто говорят.

Василий Федоров — мастер. Мастер большой и своеобычный, сильный и резкий.

Я ночь люблю
За темноту ее,
Когда ни звезд
И ни луны при этом;
Люблю ее за то,
Что в жажде света
Сильней горит
Сознание мое.

Стихотворение сразу же делит мир контрастно: свет и тьма. Василий Федоров — поэт контраста. Слово его мгновенно переходит от философии к поступку, от размышления к действию. Иные критики бесконечно уверяют читателя, мол, Василий Федоров — борец за доброту и красоту... Хочется мне спросить их: а кто, какой поэт против доброты, против красоты? Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Кольцов, Никитин?.. А Брюсов, Маяковский, Блок, Есенин?.. Великие поэты — великие борцы за доброту, за красоту человека. И только так!.. Все, кто иначе видит наш мир, не борцы за счастье, а, наоборот, мешающие ему.

Сама по себе доброта — вещь довольно безликая. На беспринципной доброте нередко всходят злые растения... Доброта должна подчиняться разумной гражданской воле. А доброта в творчестве, мне кажется, должна быть наиболее ответственной частью дела; доброту надо завоевать поэту нелегкой судьбой, рыцарским правом слова.

Поэзия —
Не строчка ловкая,
Что Музой томною
Подарена,
Поэзия —
Железо ковкое,
Когда с нее
Слетит окалина.

Слово, как сам характер творца, обязано пройти через холод, жару, кипение, дабы закалиться и приобрести все элементы прочности и стойкости...

* * *

Вместе с тем, о чем я уже говорил выше, Василий Федоров действительно добрый и красивый поэт. Доброта его мужественна и весьма требовательна, а красота — горьковата и возвышающа.

Мужество пришло к поэту длинными и тяжелыми дорогами. Огромная семья. Глухие житейские нерадости. Отец — в скитаниях по заработкам. Мать — в заботах о детях. Сибирь. Суровый край. Суровое время. Суровые судьбы близких. Василий Федоров родился в 1918 году. И много невзгод выпало на долю его поколения.

Какое же имеет право поэт быть безотчетно добрым?.. Поэт не батюшка-проповедник. Поэт — мыслитель и воин...

Велик твой путь,
И ноша нелегка,
Дробится камень
Под твоей стопою.
Мне кажется,
Что прожил я века,
И все живу,
И все иду
С тобою.

Так он говорит в стихотворении «С тобой, Россия»...

Высшее мерило доброты, нравственности, чистоты душевной поэта — Родина, народ. Как бы ни изощрялись современные любители космополитических западных аудиторий, как бы они ни декларировали о едином земном шаре, о едином земном человеке, безродинная их душа никому не нужна. Безродинная их доброта не что иное, как идейная размытость, муть, инертность и бесформенность представления о жизни. Слепота и бесклассовость их духа. Поэт всегда принадлежал и принадлежит народу, он обязан стоять в первом ряду лучших представителей народа.

Пожалуй, сейчас в русской советской поэзии рядом с Василием Федоровым мало кого можно близко поставить, немного поэтов, которые с таким упорством и отвагой пронесли слово к гражданской вершине, где рождается независимость мысли, где созревает в полной мере ответственность перед собой и народом, перед временем и Родиной...

Сибиряк, поэт внес чисто сибирские черты в нашу родную поэзию.

Сибирь как бы укрепила и проверила на выносливость своего сына, прежде чем отправить его в большой путь за призванием. Долгие годы Василий Федоров проработал на заводе, в рабочей атмосфере складывался внутренний взгляд поэта на сегодняшний мир.

Заводской мир ныне вошел в наш быт, в наше сознание. Рабочего человека воспели Шишков, Бажов, Каменский. Эта традиция не умирает. Вместе с Борисом Ручьевым и Василий Федоров осваивал рабочую тему, тему благороднейшую.

Его сделали поэтом прекрасный талант, упорный и честный труд, рабочая закалка, подкрепленная опытом жизни, опытом великой литературы.

Недаром в его стихах и поэмах — широкое дыхание не только пейзажа, природы, но железа, огня, машины, человека, пытающегося подчинить себе мотор и атом. На грани — между человеком и огнем — часто живет и действует поэт...

* * *

Василий Федоров — мастер стиха. Василий Федоров — мастер поэмы. Василий Федоров в этом жанре чувствует себя свободно, крепко и привычно. Им написаны целые циклы, книги поэм. От первой своей книги он прошел огромный путь, усложняясь тематически, обогащаясь словом, вырастая гражданским.

Талант Василия Федорова настолько ярок,

что без федоровской «летописи» ныне нельзя иметь полное представление о русской поэзии.

Буйные, колоритные, сильные поэмы подарил Василий Федоров людям, литературе. Очень русский по характеру, он привел в нашу поэзию очень русских своих героев и тем весьма пополнил чудесный мир литературы. Герои поэм Василия Федорова остромыслящие, романтичные, стойкие. Через большие изломы судеб, через невероятные, порой, душевные травмы, они приходят к мужественной доброте, высокой нравственной красоте. Так герои поэмы Федорова «Седьмое небо» сами над собой вершат «неземной» суд ради чистоты и движения вперед — к совести, к верности, к человечеству.

Василий Федоров помог многим, идущим за ним следом. Он живо поддерживает творческие связи с молодежью Сибири, Урала, Кубани и других краев нашей Родины.

Сегодня мы с полным основанием можем сказать, что лицо, характер, язык федоровской музы нам хорошо знакомы, пришлись по душе.

По строфам федоровских поэм тяжело прошагал кремневый страстнодум и бунтарь протопоп Аввакум, грозой пророкотал Бетховен, звездой просверкала над горизонтом богиня любви Венера... Приподнятость, крылатость, тревожность — кровь поэта, которой наполнены звуки и ритмы федоровских стихов и поэм.

Большому и дано много!.. Василий Федоров очень объемно творит. Сотни стихов, сотни. Десятки поэм, десятки. Очерки, повести, статьи. И это радостно видеть. Поэт живет многомерно, одушевленно, жадно!.. Книга за книгой, поэма за поэмой движутся к читателю. Всем известно, что свет молнии стремителен и ярок...

Павел Васильев прожил двадцать семь лет, а оставил столько стихов и поэм, что иному и за длинную жизнь не создать... Сергей Есенин, Борис Корнилов... Я не говорю уже о Лермонтове или Пушкине. И приятно, что Василий Федоров демонстрирует нам высокий класс работы: так прекрасно и так много им сделано!..

Последняя его поэма «Женитьба Дон-Жуана» — это роман в стихах. В этой поэме я вижу как бы итог, порог опыта и пути поэта. Дон-Жуан, а по-русски просто Жуан проходит вроде бы по срезу жизни, по геологическому пласту времени, будучи сам продуктом и носителем этого времени, то есть «сыном своего века». В поэме ярко выразилось поэтическое мастерство Василия Федорова. Звучность строфы, афористичность мысли, смелость поэта в обращении к горячему нашему дню...

О, русские слова,
В них свет и тьма,
Их родила История сама,
Доверила с конями русским людям,
Чтобы во многих смыслах не блуждать:
Как, например, «судить» и «рассуждать»,
И «рассудить»...
Да мы все время судим!
Но слово «суд» при всяком разговоре
Уже томит предощущеньем горя.

* * *

Василий Федоров — поэт своего времени. Честный, доблестно упрямый, он через года несет «бремя» стихотворца, несет активно и верно. Шум листьев, трепет знамен, гул автострад и ракетный рев — все вместило в себя вдохновенное слово поэта. По стихам и поэмам Василия Федорова вижу работу многих поколений Отчизны, вижу путь, пройденный нашим народом.

Слово поэта активно в гражданском ритме стиха, не менее оно активно и в лирическом исповедальном разговоре:

Любил,
Как сон,
Прелестную,
С мечтой
И грустью в облике,
Любил полунебесную,
Стоящую на облаке.

Трудно судить, какие его стихи и поэмы лучше и ярче, те, которые посвящены деревне и городу, или те, в которых пишет он о любви и окрыленности, жизни и смерти, тоске и радости, горе и счастье.

Все для поэта — жизнь, все для поэта — страсть.

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. К. ТАРАСОВОЙ

СЛАВНОЕ ИМЯ

Летний вечер. Солнце село, ранние звезды рассыпались по небу. Теплый ветер рябит воду в Днепре, слегка подгоняет легкую лодку; в ней гребец и две молоденькие девушки... Одна из них запела протяжную народную песню, мгновение спустя подхватила мелодию другая... Сильные, чистые девичьи голоса долетали до берега, и все, кто там был, знали: это сестры Тарасовы поют, Нина и Алла... Вернуть бы то время, вернуть ту молодость, когда жизнь казалась бесконечной...

Впрочем, и в семьдесят пять лет душа великолепной актрисы А. К. Тарасовой оставалась молода; ясен был ум; но белые стены больничной палаты уже не давали надежды; сердце отсчитывало последние часы. И Алла Константиновна закрывает глаза, чтобы не видеть окружающей печальной белизны. И начинают одно за другим мелькать воспоминания...

1912 год... В Киев на гастроли приехал Московский Художественный театр. Возьмут ли Аллу на спектакль? Она мечтает о чудесной встрече... Упросила, умолила родителей, и с замиранием сердца смотрит «Вишневый сад», ловит каждое слово чистой, прекрасной Ани. Уже тогда зародилась мечта сыграть Аню.

Окончена гимназия. Алла Тарасова едет в Москву, на приемные испытания в МХТ. Она читает монолог шиллеровской Орлеанской девы: «Простите вы, холмы, поля...»; голос ее звучит сильно, страстно. И экзаменаторы единодушно принимают Тарасову в школу Массалитинова, существовавшую при Художественном театре.

...Алла Константиновна открыла глаза. В палате тускло горел ночник, а ей виделись яркие огни рампы, ее первая роль: Финочка в спектакле «Зеленое кольцо». После спектакля Алла долго не могла прийти в себя, сидела в кресле тихая, ошеломленная, пытаясь осмыслить происходящее; чьи-то шаги заставили ее встрепенуться: перед ней стоял Станиславский. Сдерживая дыхание, девушка ждала приговора.

«Дайте мне слово, что не зазнаетесь»,— сказал Константин Сергеевич...

Кажется, кому в 18 лет не вскружит голову такой быстрый успех? Но у Аллы быстро прошло счастливое возбуждение: поняла, что надо работать много и упорно... И как же она работала!

Идут последние часы, летят минуты, а в сознании проплывают картины прошлых лет... Америка с ее небоскребами, шикарными театрами. На гастролях Художественного Алла Тарасова играет Аню, Грушеньку, Настю, Ирину, княжну Мстиславскую, Офелию... Калейдоскоп ролей. Серьезный успех молодой актрисы. Ей сулят блестящую карьеру, предлагают остаться в Соединенных Штатах, приглашают в Голливуд... Остаться? И думать об этом противно. Художник без Родины — ничто. Разве заменит Россию толстый кошелек и шикарная вилла?!

Тарасова всегда была типично русской актрисой. Национальность на редкость ярко проявлялась во внутреннем мире ее героинь, передавая широту и мощь русской, именно русской натуры. Но были у нее и другие роли, где Тарасова играла саму историю. Такова была ее Елена в «Днях Турбиных», хотя роль была еще и рекордом срочности: Тарасова по необходимости готовилась к ней считанные часы...

«Таланты и поклонники», роль Сашеньки Негиной — вот то, о чем она мечтала... В дорогом для всех доме Станиславского в Леонтьевском переулке проходили репетиции «Талантов и поклонников». Множество фотографий на стенах; стол, накрытый клетчатой скатертью... Станиславский, отдаваясь работе, забывал о времени...

С репетиций Алла Константиновна шла окрыленная, вся во власти образа... Сколько душевной щедрости и чистоты в этой русской женщине, какая сила любви и самоотдачи заложена в ее характере! Только после Негиной возможна была такая вершина, как Анна Каренина. Эта роль — центральная в творчестве Тарасовой. Двадцать лет она играла Анну Каренину; 600 спектаклей!.. За эту работу Алле Константиновне было присвоено звание народной артистки СССР.

В дни войны против гитлеровских захватчиков МХАТ полностью выполнил завет своего наставника К. С. Станиславского, который всегда говорил: «Театр — сильнейшее оружие». Когда шла война, эти слова воспринимались буквально. Фронтовые бригады одна за другой направлялись на передовую, в их составе много раз была Тарасова. Выступая перед бойцами, всегда сильно волновалась,— боялась, поймут ли ее. Но притихшие воины ловили каждое слово...

Театр, кино, концерты — главное дело актрисы. Но она любила и свою депутатскую работу. Заседания сессии Верховного Совета были для нее праздниками. Восхищали женщины — труженицы, умницы, новые героини новой жизни... Вот бы сыграть такую!

...Наступило утро. Алла Константиновна открыла глаза. Еще один день жизни...

К ней пришли друзья; старались ободрить ее, вселить надежду... Нет, она сильная, ей этого не надо! И, как бы отвечая на утешения, она светло и спокойно начала читать есенинское:

Не жалею, не зову, не плачу...

Читала, как никогда. Словно вся растворилась в этих стихах. Из больничной палаты они уносили ее в голубую даль русских просторов. И строками этими она простилась с Родиной, с театром, с людьми...

А. ЗВЯГИНА

В ПРОСТРАНСТВЕ «СТЕПИ»

Н. ТОЛЧЕНОВА
Фото В. КОВАЛЬСКОГО

Завораживающая протяженность этого вроде бы не знающего границ пространства. Безмерная, исконно русская земля...

Незримая громада лет, равнодушно промчавшихся над землею. И череда таких же неухоженных, бесприютных судеб человеческих с их страданиями и надеждами, увядшими и заглохшими возможностями... Каждая отдельная боль болит сама по себе, никем не слышимая. Болит отдельно. Смутно пытается выразить, обрести себя, как-то обозначить хотя бы бессильный свой протест. Но не успевает состояться — поникает, подобно степной траве: такая прекрасная по весне, уходит в прах, исхлестанная бурями, выжженная равнодушным солнцем...

Степь, описываемая А. П. Чеховым в известной повести, начинается сразу за Таганрогом. Донщина... Родина легенд и народных свершений, степь дала миру еще одного русского гения — Михаила Шолохова. Заново открыл он жизнь земли и человека на ней. Увидел их в иные уже времена. Но сумел проникнуть в них таким же сопереживающим сыновним, всевидящим взглядом.

Оба художника, кажется, столь непохожие по творческому почерку, по таинству могущества своего (а значит, и по характеру воздействия на нас), тем не менее неуловимо, а все же с какой-то подспудной, словно бы изнутри возникающей у зрителя ощутимостью сближены, я бы сказала, породнены в новой работе С. Ф. Бондарчука — фильме «Степь».

Наверное, они сближены и породнены прежде всего вот этим именно великим, обостренным чувством родины. Подобно музыке, невыразимое словами, живет оно в этой картине, безоговорочно завладевает нашими душами, тревожит и волнует. Далекий, давно ушедший мир становится приближен, мучительно небезразличен.

Не потому ли, что пространство «Степи» — это ведь родная земля еще и Сергея Бондарчука, актера и режиссера, народного артиста СССР, мастера советского киноискусства... В Таганроге Бондарчук провел детские годы... В рабочей трудовой семье, в нелегких жизненных обстоятельствах формировались стремления и взгляды, мировоззрение, вкусы будущего художника. И уже тогда возникало чувство особой притягательной силы Чехова. Ведь вот он, рукой подать, чеховский домик в три низких оконца; и вот она — степь с ее колдовским очарованием, со всеми ее звуками, шумами, с голосами земли и бездонным, все время меняющимся небом. И вроде бы совсем близко где-то шолоховские станицы, герои Шолохова...

Потом на эту землю пришла война. В ее испытаниях крепло у молодого художника чувство чести и долга, верности Родине, способность откликаться на ее зовы...

Вот так, из той же неистощимой почвы народной, от тех же мощных токов русской и советской классики и прежде всего от чеховских и шолоховских корней рос мужественный, драматичный, но всегда устремленный в завтрашний день, лирический талант Бондарчука... И особенно убедительно сказалось, ясно почувствовалось это сегодня, когда новыми, нетореными еще путями большой мастер пришел к пространству чеховской «Степи», таящему в себе, как в том убедились многие деятели мирового (в том числе итальянского) кино, великое множество загадок, притягательных, но труднейших.

Правда, входил Бондарчук в это пространство, уже имея за плечами такие образы, как доктор Дымов и доктор Астров, такие фильмы, как «Война и мир», «Судьба человека», «Ватерлоо», «Они сражались за Родину»... И разве не сами роли, сыгранные Бондарчуком, не сам отбор произведений для экранизации определили в конечном счете и манеру работы Бондарчука в киноискусстве — его безупречно цельный и чистый, классический стиль, глубинную режиссерскую и актерскую верность первозданному оригиналу.

Всегда плотная, жизненно убедительная «среда», и вместе с тем духоподъемность, поэзия, многомерная, метафорическая, образная суть кадра и суть монтажа — таковы приметы фильмов Бондарчука. И, думается, когда он их творит, они, в свою очередь, тоже творят его... Если можно так выразиться, он пропитан ими; и это не кратковременные, конъюнктурные отношения, а постоянно действующая сложная взаимосвязь личности художника с «подвластным» ему и в то же время самодовлеющим «материалом», как и связь тех замыслов, которые воплощаются Бондарчуком сегодня, с теми, которые получат творческую реализацию, быть может, лишь через несколько лет.

Ведь именно так, начав съемку шолоховской «Судьбы человека», С. Ф. Бондарчук уже пестовал, носил в душе всесторонне осмысленный им образный мир чеховской «Степи» (автором сценария, кстати сказать, уже тогда был он сам). И очень примечательно, очень характерно для Бондарчука, что, снимая, монтируя, озвучивая «Степь», режиссер все чаще обращается мыслью к своей, опять же давней, заветной цели: многосерийной экранизации «Тихого Дона»...

Итак, Чехов, Толстой, Шолохов... И снова Чехов... А возможно, и снова Шолохов... Таковы поистине «шаги саженьи», которыми шагает Бондарчук, один из самых интересных мастеров советского кино, постоянно ищущий новое.

Какой же предстает «Степь» в кинофильме? Чем и кем заполнено ее экранное пространство, что трогает в нем нашу душу?..

Раннее утро. На выезде из города собаки хриплым лаем провожают захудалую, мерно бренчащую ведром бричку. Двое немолодых мужчин да парнишка-кучер на облучке, а рядом с ним как-то несмело, одиноко притулился заплаканный и все еще плачущий мальчик в ярко-красной рубашечке и нелепой, странно оттеняющей бледное, задумчивое личико, совсем не идущей к нему шляпе с залихватски торчащим пером.

Отправившись в коммерческую поездку (для продажи овечьей шерсти), Иван Иванович прихватил с собою, кроме своего компаньона отца Христофора, пустившегося на старости лет в денежные сделки, еще и сына сестры своей, племянника Егорушку, чтобы устроить мальчика в гимназию в учение... И вот недолгая в общем-то поездка (всего четыре дня) сперва с дядей и отцом Христофором, а потом с попутными возчиками шерсти становится для ребенка своеобразной Одиссеей. Ему дано прикоснуться в этом путешествии к огромному миру жизни с ее законами, с ее великой красотой и ее уродством, с ее непреходящей земной и преходящей человеческой сутью... Короче, со всем неумолимым вершением бытия, где Егорушка, эта крохотная частица жизни, пытается воспринять свое бытие как бытие всеобщее, осмыслить облик земли и облик людей и связать всю эту огромность воедино...

Вместе со всеми талантливыми соратниками своими режиссер воплощает высокую чеховскую идею последовательно, пользуясь очень тонко чеховским подтекстом и бережно сохраняя ту «непростую простоту», которая, не получив бы вдруг необходимого ей экранного выражения, могла обернуться всего лишь плоским иллюстративным пересказом повести. Либо же — что, быть может, было бы еще хуже, — появилась бы перед зрителем в этаком модерновом, крикливом обличье «по мотивам»...

В «Степи» живет Чехов подлинный. Его интонациями, его дыханием пропитана атмосфера кинопоэмы Бондарчука.

Мир, выстраиваемый режиссером, огромен, сложен и многолик. В фильме нет пустых, необязательных, проходных сцен. И даже длинноты осмысленны, музыкальны. Ими крепится (а не размывается) принципиально замедленный, раздумчивый ритм, заданный опять-таки Чеховым.

Впрочем, по Чехову же, этот ритм временами взрывается то острой печалью Егорушки (чаще всего), то редким чувством восторга, восхищения, испытываемого ребенком...

Следует ли нам, однако, считать Егорушку главным в картине лицом, исходя из того, что он именно предстает в ней как некое «чувствилище», некий живой нерв, скрыто, но сильно откликающийся на каждое соприкосновение с действительностью?..

Это так и не так. Однозначный ответ здесь невозможен. Егорушка, которого, конечно же, не столько «играет», сколько вместе с режиссером показывает московский школьник Олег Кузнецов, оставаясь почти все время самим собой, всецело принадлежит миру Природы, будучи ее созданием. Вот главное открытие Бондарчука в этой классически выполненной им работе. Человек приходит на землю для счастья. Для доброты. Для хороших дел... И ведь как он может быть счастлив, как прекрасны могут быть люди, даже вот эти, обездоленные, с какими сталкивается Егорушка в своей Одиссее! Мы ощущаем буквально в каждой человеческой судьбе, в каждом характере героев «Степи» эти загубленные жизнью, несбывшиеся возможности. Но чувство перспективы, чувство будущего, как ни удивительно, все же дает ростки, пробивается через равнодушие, обыденность, жестокую заброшенность людей и земли — всей Природы...

Чехов и Бондарчук понимают природу точно так, как говорит о ней Даль: «естество, все вещественное». Природа — это «вселенная, все мироздание, все зримое, подлежащее пяти чувствам; но более наш мир, земля, со всем созданным на ней».

Вот эту-то объемность и вмещает «Степь», кинопроизведение философское, не на один день созданное, как случается еще, увы, с иными экранными поделками, скроенными на скорую руку, без той отдачи сердца, всех сил ума, души, таланта, которая свойственна и самому Бондарчуку и всем его сподвижникам.

Оператор «Степи» Л. Калашников вбирает в камеру — именно по Далю и Чехову — все мироздание. Вбирает так, что, кажется, все на-

■

Герои кинофильма «Степь».

ши зрительские пять чувств оказываются затронуты, вовлечены в соучастие, сопереживание.

И абсолютно точно открывает глобальный смысл прикосновения героев (и зрителей) к мирозданию великолепная музыка Вячеслава Овчинникова. Трагическая «Песня травы», написанная на стихи Ларисы Васильевой, долго еще будет звучать где-то внутри нас, в самой глубине души... Молодые художники В. Петров и Ю. Фоменко вместе с опытным, давно работающим с Бондарчуком гримером М. Чикиревым опять же плодотворно и умно работают «на тему» мироздания, на тему земли и человека, вкупе чающих иной участи. Надо вспомнить, что ведь съемки-то происходили в степи обновленной, нынешней...

Но, конечно, фильму необходимы были еще и крупные, масштабные актерские работы — такое сочетание артистических индивидуальностей, которое не позволило бы появиться в пространстве «Степи» ни одной фигуре незначительной, ни одному образу, не несущему в себе символа, серьезного, глубинного содержания. И вот так на самом высоком уровне это и осуществлено студией «Мосфильм».

В съемочную группу «Степи» входят и актеры известнейшие, как И. Лапиков, И. Смоктуновский, И. Скобцева, И. Кваша, Г. Бурков, и совсем еще молодые дебютанты, только-только начинающие — да как успешно! — свою жизнь в кинематографе: Н. Андрейченко, В. Мамаев...

В каждом образе живет идея. Ощущается вся та многомерность сущего, которая снова и снова заставляет задумываться о необходимой человеку жизни по законам справедливости и добра.

Ведь даже и очерствевший, всецело занятый только своим торговым делом Иван Иванович — В. Седов, и вроде бы благостный, но такой далекий от жизни людей и в общем-то равнодушный к ним отец Христофор — Н. Трофимов, даже они обнаруживают порою — пусть малые — проблески человечности...

Именно о человечности вопиет — пусть тщетно — трагически безголосый, потерявший и себя и свой талант и уже ни на что больше не надеющийся Емельян — образ шекспировского звучания у С. Бондарчука.

И очень сильно, мощно воплощают идею «Степи» мудрый и серьезный, но уже ко всему приглядевшийся, смирившийся, «притупившийся» старик старовер — И. Лапиков, как и бывший фабричный рабочий, кроткий и болезненный Вася, поразительно сыгранный Г. Бурковым... Запоминается вроде бы грубый, но под личиной дерзости, вызова смутно тянущийся к чему-то, чего и сам еще не понимает, яростно бунтующий Дымов; его играет остро, зло А. Васильев — актер Театра Советской Армии.

Не на особицу стоит в этом неправедно устроенном мироздании, но органически включается в него постоялый двор Мойсей Мойсеича, где И. Смоктуновский, И. Кваша, Р. Малкина и шестеро ребятишек мал мала меньше вносят в решение основной темы «Степи» особый драматический колорит. Сцены постоялого двора полны боли, острого напряжения. И одновременно они лиричны, глубинны, одухотворены, пронизаны мыслью и неподдельной, выстраданной добротой.

Артистичность, острота этих сцен подчеркнуты появлением на постоялом дворе — с его вопиющим убожеством и нищетой — красавицы графини Драницкой... И. Скобцева открывает в своей героине тайную грусть о материнстве, о душевной теплоте, о всей несостоявшейся человеческой жизни женщины — все еще прекрасной, но уже увядающей... И знающей это...

А краткие, но запоминающиеся, яркие встречи Егорушки в степи. Крохотный Тит с тощей босоногой, не то поющей, не то плачущей матерью... А ведь когда-то и она была, наверное, хороша, как та лукавая, цветущая, полная жизни девка на возу, попавшаяся однажды навстречу путешественникам...

Егорушку привезли в чужой город. Устроили на жительство. И уехали. Мальчик хотел было догнать бричку. Да где там... Новая жизнь ждет его...

И снова Чехов и Бондарчук заставляют нас представить себе одно неохватное жизненное пространство «Степи». Пространство будущего.

■

Герои кинофильма «Степь».

НЬЮ-ЙОРК. ПО МАРШРУТУ Н. РЕРИХА

Валентин СИДОРОВ

По приглашению музея имени Н. К. Рериха поэт Валентин Сидоров жил и работал в Нью-Йорке. Результатом этой поездки являются предлагаемые заметки.

1.

Символ Нью-Йорка — большое яблоко: big apple. Летом, когда кажется, что градусник вот-вот расплавится на солнце (прибавьте к этому бензинный чад, скученность, уличную тесноту, задыхаешься, не хватает глотка свежего воздуха), горожане зовут Нью-Йорк baked apple — печеное яблоко.

Лето 1977 года достигало порою тропического накала. Газеты сообщали, что июльская волна жары побила все прежние рекорды. Мне, правда, повезло. Я приехал в конце июля, когда прорвались дожди, загромыхали грозы и жара несколько спала, сделалась умеренной.

Вот и нынешний день грозит дождем. Горизонт заволокло дымкой. Туманно. С застекленной высоты сто седьмого этажа — смотровой площадки Международного торгового центра открывается панорама Нью-Йорка, несколько суженная ненастной погодой. Возникает ощущение, будто ты на борту самолета, который почему-то стал неподвижным. Сходство усугубляется тем, что под тобой облака, клочья тумана, а город где-то там, внизу. Из тумана вырастают небоскребы, дома поменьше. На крышах домов видны крутящиеся пропеллеры. Это генераторы холодного воздуха — кондиционеры. Машины отсюда выглядят крошечными, они напоминают разноцветных жуков.

Солнечные лучи иногда пробиваются сквозь мглу, и тогда блики играют на волнах Ист-Ривер и Гудзона. Эти две реки, впадая в залив, и обтекают Манхэттен, остров, на котором расположена центральная часть Нью-Йорка. В пределах видимости и остров Либерти со статуей Свободы посредине.

Облака на мгновение заволакивают дома, людей, снующие машины, но отступают, и вновь в разрыве облаков — город. В такой день, в такую погоду он кажется нереальным, призрачным: вынырнул из тумана и сам, как туман, растворится, исчезнет.

Мне часто приходилось слышать, что по Нью-Йорку нельзя судить обо всей стране. Мне то и дело напоминали: «Нью-Йорк — не Америка», «Америка чище» (реакция на мое замечание о том, что Нью-Йорк — неухоженный город. И действительно, его улицы зачастую имеют неприглядный вид: кучи мусора, лужи, ветер швыряет под ноги грязную бумагу; тротуар загромождает выброшенная за ненадобностью старая мебель). «Америка патриархальней». Последнее сказано, чтобы сгладить впечатление от прогулки по знаменитой 42-й улице (недалеко от 8-й авеню). Это порнографический центр Нью-Йорка да, пожалуй, и всей страны. Порнография серийного производства — журналы, слайды, ролики фильмов и т. п. — заполняет витрины специализированных магазинов. «Наша Помпея», — говорят сами американцы о 42-й улице.

Я попал в эту «Помпею» в вечернее время, когда многоцветный свет рекламы, движущейся и неподвижной, мерцающей и слепящей, бегущей, крутящейся, вертящейся, буквально затопил Бродвей и прилегающую к нему 42-ю улицу. В сравнении с этим районом другие кварталы кажутся затемненными. Мы с трудом продираемся сквозь густую толпу. Визжат электрогитары. Уличный музыкальный квартет — четыре высоченных негра — начинает концерт. Шляпа для добровольных пожертвований прислонена к обочине тротуара. Наше внимание останавливает резкий, пронзительный голос. Люди окружили человека в белой чалме. Он держит высоко в руке колоду карт и что-то яростно выкрикивает. Прорицатель. За известную мзду предскажет будущее. Но его время от времени перекрывает другой звуч-

ный, уверенный голос. Зазывала. Приглашает посмотреть фильм о сексуальной египтянке, в порыве страсти совершающей убийство (дешево, всего три доллара билет). Заворачиваем за угол. На асфальте под афишей, рекламирующей шоу с голыми герлс (обнаженные фигуры во всю длину афиши), лежит смуглый мужчина со шкиперской седой бородкой, в полотняных трусах. Спит, накурившись марихуаны. Рядом с ним женщина с безумно горящими глазами. Ей весело, она в бессмысленной улыбке скалит рот с редкими зубами...

Нью-Йорк — это не Америка. Но столица Америки (не политическая, а экономическая, культурная, духовная и, значит, подлинная). А столица, как известно, задает тон всей стране. А за столицей, смертельно боясь отстать, тянется провинция.

Мое воображение, очевидно, как и ваше, связывало Нью-Йорк с очертаниями небоскребов. Я был уверен: мое знакомство с городом начнется с того, что передо мною предстанут во всем своем величии железобетонные монбланы. Но вышло по-другому. Первые две недели я безвылазно жил и работал на 107-й улице близ Риверсайд-Драйв. Никаких небоскребов там не было. Были пятиэтажные особняки. Были дома повыше — двадцать—тридцать этажей,— но, согласитесь, это все же не те каменные исполины, которые являются эмблемой и визитной карточкой Нью-Йорка...

Конечно, небоскребы, прямые и отвесные (старая постройка), искривленные и изогнутые у основания (современная постройка), существенным образом определяют архитектуру города, хотя, разумеется, и не исчерпывают ее. Они величественны. В этом им не откажешь. Но ведь величие мало-помалу начинает утомлять, начинает давить. Когда это случилось со мной, я и мои спутники отправились в Гринич Виллидж, самый уютный район Нью-Йорка. Самый уютный и самый романтичный, ибо Гринич Виллидж — это нью-йоркский Монмартр. Как и в Париже, здесь живут молодые художники, писатели, артисты, музыканты, учащиеся бесчисленных студий города. Здесь прямо на улице выставлены на продажу небольшие полотна. Их авторы смотрят на прохожих независимо, равнодушно и даже несколько высокомерно: дескать, пусть мы неизвестны сегодня, но кто знает, может быть, завтра весь мир заговорит о нас. Пока же они просят недорого: четыре доллара за картину.

Гринич Виллидж отличается от центральных кварталов Нью-Йорка не только внешне (узкие переулки, невысокие здания в четыре-пять этажей), но и той особой атмосферой, которая царит на улицах. Деловому стилю офисов и банков здесь как бы противостоит дух беззаботности, радости, карнавального веселья. Вечером много ряженых; молодые люди в костюмах Пьеро и Коломбины дурачатся, играют на гитарах, поют студенческие песенки, подчас понятные лишь им одним. Гринич Виллидж — город в городе, ревниво оберегающий свои традиции, свою автономию. Чужаку он не замедлит напомнить о былой славе, о незабываемом прошлом.

Мы ужинали в ресторане, напоминающем аквариум. Лишь стеклянные стены отделяли нас от улицы, и потому мы были включены в жизнь улицы, в ее ритм. Может быть, поэтому не сразу, а лишь когда ужин подходил к концу, я обратил внимание на то, что ресторан носит имя О'Генри.

— Почему?

Мне с гордостью отвечали: писатель жил неподалеку отсюда и любил гулять именно по этой улице.

Даже поверхностное знакомство с Нью-Йорком позволяет обнаружить, что это город мемориалов и монументов. Зеленая бронза памятников поблескивает сквозь листву. Впечатляюща фигура Христофора Колумба (из белого камня). Постамент, обрамленный носами парусных кораблей, напоминает ростральную колонну в Ленинграде.

Конечно, я считал своим долгом прежде всего попасть в музей Метрополитен. Здесь я долго любовался фантастическим свечением неба и сгустившихся туч на картине Эль Греко «Вид Толедо». Посмотрел только что открывшуюся экспозицию картин Дега. А потом, используя до конца выпавший мне свободный промежуток времени, отправился в Музей современного искусства. Как забавно и весело было по контрасту с классикой вглядываться в полотна авангардистов и гадать, что значит вот это: железный холст с воткнутыми гвоздями, или это: серое полотно, взрезанное дважды ножом, или это: картон, продырявленный во многих местах и как бы исчеркнутый детским карандашом.

Но сии творения — уже вчерашний день модернизма. Художники семидесятых годов (они щедро представлены в музее), отрицая своих предшественников, не взрезают холстов ножами и не втыкают в них гвозди. Их однотонные по цвету работы напоминают стенды: белый стенд, серый стенд. Остальное — дело вашего воображения.

На других картинах человеческое тело или утрачивает объемность, или становится пугающе асимметричным. Женские ноги, как бы пораженные слоновой болезнью, превращаются в безобразные столбы, лицо искривляется наподобие груши. Кажется, все уродство мира хлынуло на эти холсты! А когда я глядел на произведение Пикассо, провозглашенное шедевром,— «Гитара» (разъятый на части музыкальный инструмент: остов и рядом натянутые металлические струны; все это должно храниться в вакууме, иначе проржавеет), меня не покидало ощущение, что художник просто-напросто подшутил над зрителем. А тот не понял игры и воспринял шутку всерьез. Вот и стоят перед конструкцией, благоговейным взором созерцая ее и тщетно пытаясь разгадать загадку, которой нет.

Пожалуй, лишь одна-единственная картина примирила меня с современной американской живописью. Это работа Андре Виза «Мир Кристианы». Картина написана четкой и уверенной рукой. Чувствуется, что мысль, владеющая художником, была ему предельно близка и ясна. Летнее, уже пожелтевшее поле. На земле лежит женщина, как бы сливаясь с землей. Несколько поодаль — двухэтажный деревянный дом с раскрытыми дверями. Над домом — синева неба. Мир Кристианы. Он невелик, если мерить его внешней мерой, но как он велик по внутренней сущности своей, по духовной значимости. Земля и человек, неразрывные друг с другом,— основа нашего счастья, залог нашего совершенствования. Удивительная и неожиданная картина! На фоне абстрактных полотен она выглядит чужеродной. Кажется, что она попала сюда по недоразумению. Потом я узнал, критики в свое время дружно ополчились против художника, обвиняя его в реализме (больший грех, очевидно, трудно себе и представить). Но рядовой зритель, по счастью, не внял их заклинаниям. Он полюбил картину, и репродукции ее — мне говорили — расходятся с молниеносной быстротой.

* * *

Нью-йоркская статистика весьма поучительна. Порою она угрожающа (когда речь идет о преступлениях, совершаемых ежедневно), порою забавна (к примеру, по данным полиции, в Нью-Йорке ежегодно 17 тысяч женщин заявляют о пропаже мужей и лишь 15—17 мужей заявляют о пропаже жен).

Мне, пришельцу из иного мира, было интересно читать обычные газетные объявления: иногда они, как вспышки молнии, высвечивают самые потаенные уголки чужой жизни, непривычного быта. В скупых строках газетной публикации (она стоит дорого, поэтому надо экономить) трагическое переплетается с комическим, «высокий штиль» еще резче подчеркивает трезвость делового расчета. Иные заявления трудно воспринимать без улыбки.

«Жизнерадостный образованный господин 60 лет, непьющий, завсегдатай концертов и балов, желает познакомиться с одинокой дамой 50—55 лет, ищущей преданного друга, а не богатства. Цель — брак».

Другое объявление — другая судьба.

«Если тебе за 70, ты одинок, нужна опора, верный друг, хорошая хозяйка, обратись ко мне. Я прилечу из далекого Израиля и привезу тебе счастливую старость. Мне 66. Рост — 160. Неплохо выгляжу. Хорошо сложена, с высшим образованием».

Подписано Лидией Фроловой. Целую неделю подряд газета из номера в номер оповещала всю Америку о ее пламенном намерении обязательно «осчастливить» одного из граждан страны.

А вот объявление о сдаче квартир и комнат.

«Просторно.
Солнечно.
Безопасно.
Рядом с пляжем и набережной.
Круглосуточная
профессиональная
охрана»

Последние слова бросаются в глаза прежде всего: они выделены крупным курсивом. И это не случайно. Это, если хотите, знамение времени, ибо в современных американских условиях забота о безопасности не прихоть, а жесткая необходимость. За охрану жизни надо платить, и платить дорого. Вот почему цены на квартиры (в рекламном объявлении они набраны петитом) такие аховые: квартира с одной спальней (то есть однокомнатная) стоит от 226 долларов в месяц и выше.

Нервное напряжение в Нью-Йорке ощущаешь сразу: оно, как электрический ток, передается от одного человека к другому. Тут сам воздух как будто пронизан бациллами страха и подозрительности. Мое первое знакомство с нью-йоркским бытом мне запомнится надолго.

Я летел в Нью-Йорк через Монреаль. Делая пересадку, я перепутал рейсы и попал на самолет, который совершил посадку не в аэропорту Кеннеди (где меня встречали), а в другом — Ла Гуардия (где меня, естественно, никто не встречал). Несколько часов я провел в томительном ожидании. Наконец, догадался, что случилось какое-то недоразумение и надо рассчитывать на себя. Я вышел на улицу в жаркую духоту ночи. Подозвал машину. Негр-таксист услужливо распахнул дверцы. По московской привычке я попытался усесться рядом с водителем. Испуганно-предостерегающий жест шофера. Оказывается, нельзя. Мое место на заднем сиденье, где шофера от пассажира отделяет пуленепробиваемое стекло. Слишком часты случаи нападения в такси. Вот и пришлось прибегнуть к такой мере.

...Помню прогулку по Риверсайд-Драйв. Эта длиннейшая зеленая улица идет над Гудзоном, занимая сотни кварталов. Неделю я пробыл взаперти — работал над архивом, не выходя из дома, и теперь с наслаждением вдыхал уличный воздух, разглядывал людей, деревья, машины. День был солнечный, но дыхание реки несколько смягчало жару. Парк каскадами спускался вниз к широкому, как озеро, Гудзону. По ту сторону реки — штат Нью-Джерси. Над Гудзоном, криво клонясь к воде, плыл сверкающий на солнце дирижабль. Он совершает регулярные полеты, перевозя пассажиров из одного штата в другой.

Я говорю своей спутнице:

— Отныне можете за меня не беспокоиться. Здесь я могу гулять и один.

— Но только до пяти или шести. Потом могут ограбить.

— Почему? Ведь в это время еще светло.

— Но это уже опасное время.

— Не понимаю. Есть, что ли, негласный уговор с грабителями?

— Уговора нет. Но мы знаем, что именно в это время они начинают действовать.

— Но я в относительной безопасности: у меня денег нет.

— Могут пырнуть ножом именно за то, что нет денег.

А через несколько дней — своеобразная иллюстрация к этому разговору. Читаю в газете: на станции сабвея «Вест-66 улица» убита 34-летняя Клаудиа Кастельяна. У нее потребовали деньги. Она не дала, а, возможно, денег у нее, как и у меня, не было. Тогда грабитель (судя по свидетельству очевидцев, высокий, представительный мужчина в очках с золотой оправой) нанес ей десять ударов ножом. Это произошло в полдень. Но вот что знаменательно. На платформе были люди. И никто не только не поспешил на помощь женщине, но даже не закричал, призывая на помощь. Как будто ничего и не случилось.

«I do not want to be involved». «Я не желаю быть замешанным в это дело» — это, как мне рассказывали, ходовая поговорка современного американца. Не желаю — и дело с концом. Вот и происходит то, что происходит.

Выстрелы, взрывы бомб — в известной степени уже будничный фон американской жизни. Нередко газетные сообщения напоминают сводку с театра военных действий.

Бомбами террористов убит один человек и девять ранены (в помещении Сити-Бэнк).

Полиция получила два предупреждения о готовящемся взрыве в аэропорту Ла Гуардия.

Тысяча пассажиров спешно эвакуирована. (Тревога оказалась ложной, но в памяти жив семьдесят пятый год, когда после такого же предупреждения взрывом бомбы в Ла Гуардия было убито 13 человек и 70 ранено.)

25 000 человек эвакуировано из здания Международного торгового центра: в помещении обнаружена бомба. Со смотровой площадки этого здания я любовался перспективой города. Правда, день выдался спокойный. Никаких сообщений о бомбах и террористах в тот день не было.

* * *

Дело «сына Сэма» заслуживает того, чтобы снова вспомнить о нем.

Я приехал в Нью-Йорк в разгар его кровавой эпопеи. «Сын Сэма» убивал не ради выгоды, а ради удовольствия. В письме в редакцию он заявлял, что не может удержаться от убийства, ибо «жаждет крови». Письмо было подписано «сын Сэма», но газетчики называли его еще и по-другому: убийца-44, потому что он стрелял без промаха из 44-калиберного револьвера. Как правило, его жертвами становились девушки с длинными темно-русыми волосами и их спутники. На счету «сына Сэма» было одиннадцать человек: пять убитых и шесть раненых. О своем намерении и районе предполагаемого убийства он аккуратно извещал полицейских. Те сбились с ног, но найти его не могли.

Приближалась годовщина первого убийства, совершенного «сыном Сэма». Газеты, словно подстрекая убийцу, гадали, отметит ли он эту дату новым злодеянием. И «сын Сэма» не замедлил откликнуться на призыв. На третий день после годовщины в Бруклине он разрядил обойму в Стэси Московиц (убита наповал) и Роберта Вайолена (тяжело ранен, лишился зрения).

Город был терроризован. Опустели дискотеки (ночные увеселительные клубы). Мэр Нью-Йорка Бим восстановил на службе 136 полицейских, уволенных ранее в целях экономии. Был сформирован отряд в 300 человек (полицейские и детективы), дабы напасть на след неуловимого убийцы.

И вот в дело вмешалась мафия. 6 августа газета «Нью-Йорк пост» сообщила, что глава нью-йоркской мафии Кармине Галанте выразил глубокое возмущение убийством бруклинской девушки. Слова были подкреплены внушительными действиями. Галанте отдал распоряжение пяти семейным кланам (верхушка гангстерского синдиката) организовать поиски «сына Сэма». «5 тысяч членов мафии примут участие в операции»,— с восторгом писала газета, не замечая парадоксальности самого факта: преступники ловят преступника!

Что же заставило мафию пойти на чрезвычайные меры? Если верить газете, то главную роль тут сыграли отцовские чувства Галанте: он обнаружил черты сходства у своей дочери Нины, выполняющей обязанности его шофера, и убитой в Бруклине девушки. Остальное понятно. Механизм подвластной ему организации сразу пришел в движение. Это одно объяснение. Но есть другое, по всей вероятности, более правдоподобное. Дискотеки, которые перестала посещать молодежь, опасаясь убийцы-44, принадлежат мафии. Значит, «сын Сэма» нанес ей прямой финансовый ущерб. Сам того не подозревая, он бросил вызов могущественной организации. Этого стерпеть было никак нельзя.

В конце концов «сына Сэма» изловили. Им оказался 24-летний Дэвид Берковиц, скромный служащий почтового отделения. Арестовали его своевременно, он направлялся к машине, где его ждал запрятанный в мешок автомат. С этим автоматом он хотел ворваться в дискотеку и перестрелять как можно больше народа. Сопротивления Берковиц не оказал. С улыбкой лишь сказал полицейским: «Ну вот, вы меня и поймали». Эту улыбку человека, уверенного в своей правоте, зафиксировали потом телекамеры.

Поведение Берковица изобличало в нем типичного маньяка, помешавшегося на идее убийства. Служа в армии (Берковиц отбывал воинскую повинность в Южной Корее), он пристрастился к ЛСД. Наркотик разрушил его психику.

«Сын Сэма» охотно давал показания. Почему убивал? Выполнял волю человека, жившего 6 тысяч лет назад, а теперь воплотившегося в соседа Берковица, некоего Сэма Карра (отсюда и псевдоним «сын Сэма»). Приказы Сэм отдавал не непосредственно, а через свою собаку, но он, Берковиц, отлично понимает собачий язык...

Итак, убийца-маньяк пойман. Для проформы адвокат просил освободить Дэвида Берковица под залог, но ему было отказано. Казалось бы, все. Казалось бы, можно поставить точку на этом деле.

Но тут добавилось еще одно обстоятельство, чрезвычайно характерное для современного стиля американской жизни. Есть в Нью-Йорке специальное агентство, занимающееся оказанием помощи арестованным. Там работают знатоки юриспруденции, дающие рекомендации судьям по поводу тех или иных задержанных лиц до разбирательства их дела. На другой день после ареста «сына Сэма» его посетил представитель агентства Гарольд Рейнс. Переговорив с убийцей-44, он рекомендовал судье освободить Берковица без залога.

Эта рекомендация подкреплялась тремя несокрушимыми с точки зрения формальной логики аргументами: во-первых, Берковиц подвергается аресту впервые, во-вторых, у него есть постоянная работа в почтовом отделении, в-третьих, он имеет постоянное место жительства, так как живет в своей квартире полтора года.

Документ был передан мэру. Тот пришел в негодование. Еще бы! Столько усилий затрачено и вдруг — такое! Разумеется, Дэвид Берковиц остался за решеткой (агентство явно перестаралось). Но в других случаях — и это широко известно — убийц освобождают. Тех же членов мафии. Под залог или без залога — это уже дело второстепенное.

Мистер Д., с которым мне посчастливилось познакомиться (он оказался человеком широкого миропонимания, и беседы с ним были столь интересны, что могли бы составить целую книгу), говорил:

«Мы, американцы, удивительный народ. Поговорите с нами о нас. Мы обязательно похвалимся своей свободой, своей демократией, а потом сами же вам и сообщим: мафия правит страной. Сообщим спокойно, как о чем-то давно утвердившемся, само собой разумеющемся. И это действительно так. Времена, когда мафия занималась террором да мелким шантажом, давно прошли. Сейчас она вкладывает деньги в производство, она — в конгрессе. Мафия — сила. Она действует в открытую!

Страна больна. Это не только мое убеждение. Если угодно, о том же говорит наш новый президент. Вы слышали о его последней проповеди?

(Раз в месяц Картер выступает перед прихожанами вашингтонской баптистской церкви. Я читал в газете изложение его последней речи. Он призывал американцев восстановить свои традиционные ценности, опираясь на слово божие и следуя примеру Христа.)

Поэтому, когда мы кого-то поучаем, кого-то собираемся спасать,— мне и горько и смешно. Нам ли спасать кого-то—дай бог самим спасенными быть. У меня такое ощущение, что Америка перед последним испытанием. Она как бы висит над пропастью, судорожно вцепившись в веревку. Или — вверх, или — гибель. Но какие же надобны усилия, чтобы не только удержаться, но и вскарабкаться вверх! А усилия эти надо делать и начать с главного — осознать трагичность своего положения».

В глазах мистера Д. загорелись лукавые огоньки:

«Мы, американцы, может быть, как никто другой в мире, любим ссылаться на авторитет Ветхого и Нового завета. Сейчас в моде Апокалипсис. Знаете, как назвали наши ученые нейтронную бомбу: «оружие судного дня». Каково? Именно в это время у вас в Москве проходил всемирный религиозный конгресс. Я следил за его работой. Там были все: буддисты, мусульмане, иудаисты и, конечно, представители христианской церкви. Наши претензии насчет судного дня были замечены и осуждены как кощунственные и сатанинские. «Судный день принадлежит богу. Никто из людей не имеет права на оружие судного дня, ибо это прерогатива бога, а не человека» — так примерно говорилось по этому поводу на конгрессе. Но вот что замечательно и даже символично. Откуда пришел к нам этот предостерегающий голос? Из вашей атеистической страны, из Москвы. Вот и получается: атеисты ближе к богу, чем мы, верующие в него».

* * *

С русскими эмигрантами — а Нью-Йорк их давнишняя Мекка — мне сталкиваться не пришлось. Но слышать о них слышал. И то, что они сами говорят о себе, читал.

Особенно громко шумят те, кого принято называть «диссидентами», инакомыслящими. Еще бы! Они претендуют на роль духовных вождей современности, вступая при этом, как мы увидим позже, в конфликт с представителями старой эмиграции.

Я слышал, как проходило турне Давида Маркиша по Америке. Афиши о его выступлениях в обществе друзей Израиля заполнили город. Рекламировался роман Маркиша о якобы начавшемся великом исходе евреев из России (по аналогии с исходом «сынов Израиля» из Египта в библейские времена). Но так как «великий исход» из России существует лишь в воображении романиста, то он с тем же самым призывом покинуть страну обратился к американским евреям. Речи его, судя по всему, успеха не имели. Похоже, что никто так и не последовал за новоявленным пророком в «страну обетованную».

То и дело мелькало имя Гладилина, активнейшего сотрудника антисоветской радиостанции «Свобода». Редактор «Нового русского слова» Андрей Седых в патетически-сочувственных тонах обрисовал положение его дел: «Живется ему нелегко — гораздо труднее, чем в Москве... Гладилин пишет, пишет запойно, не поняв, что писательство в эмиграции не самое доходное дело». Но жить надо, вот он и пишет и публикует статьи прямолинейно-фельетонного толка, отличающиеся редкой безвкусицей, полностью оправдывая неотделимую от него славу «мовиста» (производное от французского слова «мове» — «плохо»).

Напрасно редактор «Нового русского слова» плачется о бедственном положении Гладилина. За свое предательство и подличанье он получает ровно столько, во сколько оценивают его стряпню его «хозяева».

О разногласиях среди эмигрантов можно судить по их собственным признаниям. Отношения между старожилами и новоприбывшими приобретают порою остроту холодной войны. Газеты пишут сдержанно, но пишут: «Есть глухая внутренняя вражда».

«Диссиденты» заявляют, что им надоело выслушивать от старых эмигрантов замечания и нотации такого рода: «Вот, когда мы приехали, нам никто не помогал... Работали на фабриках и заводах, позабыв о своих старых дипломах. Никто не оплачивал наш переезд в Америку, нам не удалось вывезти свои библиотеки и письменные столы, коллекции старинных икон и картин, и никто из нас не получал с места в карьер профессорские кафедры в Сорбонне и американских университетах».

Старую эмиграцию раздражают непомерно честолюбивые притязания «диссидентов», да еще в сочетании с беспринципностью и нигилизмом самого дурного толка. Открыто или тайно, но она молится на святыни прошлого и приучает молиться на них детей. А для новоприбывших, как правило, нет ничего святого. В погоне за геростратовой славой они готовы сжечь все то, чему до сих пор поклоняются русские люди за рубежом. Эмигрантская интеллигенция реагирует на это чутко, гораздо чутче, чем мы можем себе представить.

Претензии «диссидентов» на какое-то исключительное положение вызывают естественное чувство возмущения у эмигрантов и столь же естественное чувство недоумения у американцев. Ритм современной американской жизни чрезвычайно стремителен, сентиментов здесь не терпят: работай, коль добудешь работу, не добудешь — прозябай. Надо приспосабливаться, а вместо этого «диссиденты» ноют, требуют особых условий, обвиняют всех и вся, исключая почему-то самих себя. «Люди, которым везде плохо»,— говорят о них американцы.

Уже известный читателю мистер Д. говорил мне: «Духовное честолюбие, на мой взгляд, самый опасный вид честолюбия. Больше всего в мире несчастий от людей, вообразивших себя спасителями человечества. Я бывал в вашей стране и могу сопоставить свои впечатления с тем, что читал в некоторых изданиях о Советском Союзе. Выхватываются действительно существующие (или существовавшие) теневые стороны вашей действительности. Но как? Они заслоняют все, абсолютизируются и — подлинной картины нет.

Когда я сравниваю ваш и наш мир, я всегда представляю комнату: она, может быть, даже уютна, в ней много красивых вещей, но в ней застоявшийся воздух, запах непроветренного помещения (это мы), и коридор, ведущий во дворец, в залу дворца, великолепие которого сейчас невозможно вообразить. Этот коридор — вы. Конечно, идти трудно. Сидеть легче и безопасней. Что бы мы ни говорили о себе, все равно мы — это вчерашний день. И апеллирующие к нам апеллируют к прошлому. Россия в ином измерении, чем мы. Мы живем в трехмерном мире, вы же перешагнули границу четвертого измерения. Вот это и есть истина.

Индийский мыслитель Вивекананда, которого я очень люблю, говорил в начале века: «Европа на краю вулкана. Если огонь не будет потушен потоком духовности, она взлетит на воздух». Его слова, увы, приложимы и к нашему времени. Но откуда мы ждем этот поток духовности? От вас, из России».

Окончание следует.

60 ГЕРОИЧЕСКИХ ЛЕТ

В Центральном выставочном зале в Москве открылась Всесоюзная художественная выставка «60 героических лет», посвященная славному юбилею Вооруженных Сил СССР. Ее устроители — Министерство культуры СССР, Союз художников СССР, Главное Политическое управление Советской Армии и Военно-Морского Флота. На выставке представлены произведения всех видов изобразительного искусства, которые прославляют ратные подвиги советских воинов, мощь нашего оружия, стоящего на страже мирных завоеваний Страны Советов.

Открытие выставки.
Фото А. Награльяна

«ОГОНЕК» ВЫСТУПИЛ. ЧТО СДЕЛАНО!

ИЩУ «316»

Заметка под рубрикой «Коэффициент вредного действия» («Огонек» № 48 1977 года) называлась: «Ищу «316». Напомним, что речь в публикации шла о том, что дефицит гальванических элементов и батареек становится хроническим, что их отсутствие уже заставило замолчать тысячи транзисторных приемников и магнитофонов, сделало беспомощными игрушки, машины и механизмы, которые без батареек работать просто-напросто не могут.

В ответ нам сообщили:

«Автор статьи правильно указывает на серьезные недостатки в обеспечении населения гальваническими элементами и батареями и критикует нетерпимое положение, сложившееся в этом деле. В 1977 году предприятия «Союзэлектроисточника» увеличили объем выпуска гальванических элементов и батарей на 32 миллиона штук, то есть на 6,5 процента по сравнению с 1976 годом.

Объем выпуска гальванических элементов и батарей, как это отмечается и в статье, в основном определяется количеством материальных ресурсов, имеющихся для их производства. Планом 1978 года предусматривается увеличение выпуска гальванических элементов и батарей на 37 процентов, в том числе по элементу «316» на 79 процентов, по сравнению с 1977 годом. Из 80 миллионов элементов «316», предусмотренных к выпуску в 1978 году, 40 миллионов штук намечено выпускать с повышенными электрическими характеристиками («уран»), а 20 миллионов элементов — новой конструкции со щелочным электролитом («квант»). Для дальнейшего увеличения выпуска гальванических элементов ведутся реконструкция и строительство новых предприятий, что позволит удовлетворить потребность народного хозяйства в этих изделиях в 1980—1981 годах.

В целях оперативного руководства и контроля за выполнением плановых заданий по всем предприятиям, выпускающим гальванические элементы и батареи, введена ежедневная отчетность за выполнение суточных заданий.

А. ГЕРАСИМОВ,
начальник «Союзэлектроисточника».

К этому письму все же требуется комментарий. И не только потому, что ответ тов. Герасимова затрагивает не все вопросы, поставленные публикацией «Ищу «316». Дело в том, что весьма острое положение, создавшееся с батарейками, заставляет искать выход сейчас, не ожидая 1980 года. Тут есть по меньшей мере два вопроса. Первый: следует более четко координировать производство бытовой техники и игрушек с количеством элементов и батарей. Следует определить разумные пропорции, согласовав их между собой. Ведь если радиоприемников будет сделано, скажем, миллион штук, а батареек к ним вдвое меньше, что делать со второй половиной приемников?

Второй вопрос: о роли смежников в выпуске батареек. Требовать элементы с «Союзэлектроисточника», зная, что химики и металлурги недопоставили им сырье, по меньшей мере несерьезно. Сейчас выпуск батареек во многом зависит от поставок заводами — изготовителями сырья.

И в связи с этим надо привести несколько строк еще из одного письма, полученного редакцией,— от члена коллегии Министерства электротехнической промышленности Н. Пронина. Сообщая, что наращивание выпуска гальванических элементов и батареек пока отстает от потребности в этих изделиях, он продолжает: «Успешное завершение всех мероприятий, проводимых Минэлектротехпромом, в значительной степени зависит от министерств-смежников, и в первую очередь от основных поставщиков исходных материалов — Минцветмета и Минхимпрома».

В сложном положении оказалась торговля. Заместитель начальника Главторга Мосгорисполкома М. Карзанова пишет в редакцию, что хронический недостаток элементов и батареек усложняет работу магазинов, влияет на продажу техники, работающей на этих батарейках. Москвичи вынуждены были пойти на крайнюю меру: сосредоточить торговлю батарейками в нескольких магазинах, чтобы не распылять эти изделия по многим предприятиям торговли.

Хотелось бы надеяться, что создавшееся положение может быть выправлено ранее 1980 года.

Коэффициент Вредного Действия

ПРОПАВШИЙ КРОТ

Крот пропал. Зарылся в землю? В ОТК его задержали? Или машины не оказалось, чтобы довезти от предприятия до магазина? Не знаю, не знаю... Но одно подтверждаю с полной достоверностью: крот пропал.

Тот самый «крот», что недавно щедро и обстоятельно рекомендовался как незаменимое средство, если у вас дома водосток в ванной или на кухне засорился. Реклама не обманывала: «крот» быстро и аккуратно делал свою работу.

А ныне? Звоню и захожу в магазины хозяйственных товаров.

— «Крот» в продаже есть?

— И не ищите,— сжалился сотрудник «Бытовой химии» на московской улице Богдана Хмельницкого.

— Год уже не было «крота» на прилавках,— сообщили в хозторге Ленинграда.

В Туле, Орле, Харькове о «кроте» вообще не знали. Тут, похоже, «крот» и не объявлялся. Я навел справки в объединении «Союзбытхим». Там подтвердили: объемы выпуска меньше потребности. В чем дело? «Отсутствует сырье». Но как же реклама-то? Ведь она обещала.

...Не стал бы, может, об этом писать, если бы исчезновение товара не превратилось в систему. Те же химики нередко громко и не без гордости отмечают: освоили столько-то новинок. Вслед за этим «новый» товар появляется в нескольких магазинах. И затем словно испаряется. Примеры? Начали было продавать препарат «штрих» — и стали машинистки забывать, что такое ластик. Допустил опечатку — не беда: коснулся кисточкой со «штрихом» ненужной буквы — ее как не бывало. «Штрих» покупали охотно. Но тут прервалась связь торговля — промышленность. Стали магазины телеграфировать в Пермь, где начиналось его производство, стали обращаться в объединение «Союзбытхим».

И я позвонил химикам: где, дескать, можно увидеть «штрих»?

— На выставке «Достижения химической промышленности»,— без тени юмора ответили мне. (Съездил на ВДНХ. В павильоне «Химическая промышленность» есть «штрих», подтверждаю!) В последнее время вместо «штриха» в один из московских магазинов прислали несколько коробок «поправки», но этот препарат заметно хуже «штриха».

Так же тихо, незаметно, без особых объявлений пропали и другие новинки — «разноска», «растяжка», «шрифтоочиститель», салфетки для очков. Появился было, мелькнул, как светлое солнышко, фотоаппарат «ЛОМО-135с». И вот уже нет его: первая партия быстро раскуплена, а новых фотоаппаратов пока не видно.

Так вот и становятся дефицитными изделия, которым положено всегда находиться на магазинных прилавках. Любопытствую узнать: в отчетах о вновь освоенных изделиях они фигурируют или исключаются, как только прекращается их поставка в магазины?

Может, возьмет на себя труд промышленность гласно (как это делается, когда появляется новинка) оповещать: «Не ищите «штрих», не ищите «крота», не ходите по магазинам»...

К. КОСТИН

ХЛЕБ РЯДОМ С ЛЕСОМ

Мы спросили:

— Есть у вас какое-нибудь увлечение?

— Конечно. Увлекаюсь лесом,— ответил председатель колхоза «Путь к коммунизму» Михаил Владимирович Батухтин.

— Любите ходить по грибы да ягоды?

— А кто этого не любит? Лишь бы с пустым лукошком не возвращаться. А грибов да ягод у нас теперь хоть косой коси. Лесов-то, видели, сколько вокруг поднялось? И по-над Доном, и на верхних супесях, и по старым фронтовым блиндажам. Наши березки да сосенки до самого Воронежа добежали. Люблю леса сажать...

Если б так говорил лесничий, ничего в этом не было бы удивительного, ему, как говорится, и карты в руки. Но с председателя степного колхоза в первую очередь спрашивают хлеб, мясо, молоко да овощи.

За обильные урожаи, за рекордные привесы и надои, за крепкую хозяйскую хватку и размах Родина удостоила бывшего солдата Михаила Батухтина звания Героя Социалистического Труда. А звание обязывает. Обязывает, как и тогда, на фронте, быть всегда на передовой позиции, высоко нести звание коммуниста, бойца.

Ехал домой демобилизованный сапер Батухтин. Горестно качал головой, глядя на поредевшие, израненные войной леса.

И сказал себе тогда солдат: «Все, что порублено, взрастим. За каждое бревнышко на переправе — целую рощу».

Всего лишь месяц погостил Батухтин у родных, под Кировом, а потом заторопился в Воронеж, в лесотехнический институт, откуда ушел на фронт. Через четыре года дипломированный инженер лесного хозяйства становится главным лесничим пригородной зоны. А вскоре перешел в отстающий колхоз.

С того времени он провел двадцать три отчетных собрания и столько же прочитал отчетных докладов. И в каждом из них среди победных цифр о производстве мяса, молока, овощей Батухтин непременно называет, на сколько гектаров увеличилась площадь лесонасаждений.

В последний раз Михаил Владимирович, дойдя до этого раздела, сказал:

— Назову вам, товарищи, круглую цифру. На сегодняшний день на наших супесях и неудобях произрастает тысяча гектаров леса.

Недавно колхоз был признан победителем Всесоюзного социалистического соревнования за 1977 год и награжден переходящим Красным знаменем ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ с занесением на Всесоюзную Доску почета на ВДНХ СССР. Думается, не последнюю роль в этом достижении сыграла и любовь председателя к лесу. Ведь что там ни говори, а где лес, там и люди, а значит, хлеб.

В. ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ, А. ПЯТУНИН

Воронежская область, колхоз «Путь к коммунизму».

У ИСТОКА СУДЬБЫ

Время неумолимо. Все меньше остается на земле непосредственных участников битвы с фашизмом. Тем дороже каждое живое, искреннее слово тех, кто «ступал в тот след горячий», кто «там был», кто «жил тогда». Оно важно не только как рассказ о событиях, но и как свидетельство о самом человеке, его духовном потенциале.

Среди книг прошедшего года таким страстным свидетельством «о времени и о себе» стали для меня военные дневники Александра Яшина. Впервые они были опубликованы в канун тридцатилетия Победы, а теперь вышли отдельной книгой.

Военный журналист Александр Яшин воевал на Ленинградском фронте, служил в Волжской флотилии под Сталинградом, на Черноморском флоте. Вряд ли найдется человек, кого оставит равнодушным рассказ о войне — от первого до последнего дня,— не только вобравший в себя большие и малые вехи этой народной войны, но и сохранивший обаятельный, неприглаженный образ автора, его резкий, ломкий голос, его напряженные раздумья.

По богатству наблюдений, фактичности, лаконизму и художественной силе, наконец, как пример необыкновенной отзывчивости автора на чужую боль эти дневники станут в один ряд с лучшими произведениями документальной прозы о войне.

Особенно хотелось бы обратить внимание на то, как от записи к записи в дневниках раскрывается история души поэта, раскрывается с предельной искренностью и

правдой чувств, без позы и фальши. Здесь берет начало щемящая интонация яшинского лирического самоанализа, в ней — предощущение его лирических «исповедей» 50—60-х годов. Характерная запись: «Великий Толстой! Тебе молюсь. Дай мне силу. Мне не хочется покидать Ленинграда до прорыва блокады из-за тщеславия, хотя так же жаль и потерять материал».

В дневниках сохранено то напряжение творческого духа, без которого нельзя себе представить подлинного художника. В эти годы формируется ядро послевоенного творчества Яшина. В дневнике мы найдем наметки стихов, рассказов, заметки об интересе к Пришвину, полемику с ним. Эти страницы — великолепная психологическая проза, прорыв поэта в шестидесятые годы. Разной оказалась судьба яшинских замыслов. Но то, что именно в годы войны зарождались основы яшинской лирической прозы, светлых и тревожных стихотворений, которые позже вошли в сборники «Совесть» и «День творенья»,— это несомненно.

За четыре военных года Яшин становится требовательнее к себе и к людям, беспощадней к проявлениям слабости. Истоки нравственных критериев, характерных для писателя, хорошо показывает запись от 1 марта 1942 года: «Сильный человек не боится людей и своих пороков. Слабый — прикрашивает себя и постепенно перестает чувствовать себя, замечать свое... Для литератора это гибельно, ибо сила литературы в ее умении видеть душу человека в ее первозданности, сила — в прямоте, в честном отношении к себе, к другим, к явлениям жизни».

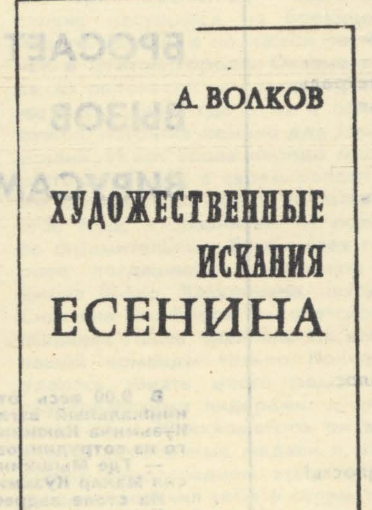
В книге, как пишет во вступительной статье З. К. Яшина, использована лишь половина дневникового наследия поэта. Но даже эта его часть дает нам возможность пройти с поэтом сложный путь становления таланта, ощутить эпоху в учащенном пульсе его духовной жизни, увидеть истоки послевоенной судьбы русского поэта и прозаика Александра Яшина.

В. АНДРЕЕВ

Александр Яшин. Дневники. 1941—1945. М., «Советская Россия», 1977, 192 стр.

ИСКАНИЯ ПОЭТА

■

Сергей Есенин — замечательный, истинно национальный наш поэт. Необыкновенная сила воздействия есенинской лирики включает в себя и ясную, доверительную простоту поэтической речи, и согревающее тепло человечности, и искренний гражданский патриотизм, и муки несостоявшейся любви, и увядание чувств, и, наконец, открытие красоты и мелодии.

Об этом удивительном художнике, о его драматической судьбе в жизни и литературе, о его месте в великом историческом времени, о секретах его творческой работы — книга литературоведа Анатолия Волкова.

Рождение стиха Есенина рассматривается здесь как постоянное, подчас мучительное стремление найти ответы на важнейшие для себя и для страны вопросы. Человек и его Родина — эти понятия для поэта неразделимы. Такой подход позволяет взглянуть на поэзию мастера в совокупности социально-духовных связей с литературными течениями эпохи, личной судьбой самого художника и литературоведческой оценкой есенинского стиха.

Много уделено в книге места взаимоотношениям Сергея Есенина и Александра Блока. Здесь намечены два поэтических пути к России, к революции. Эти пути не сливаются, но направлены они к одной цели.

К сожалению, встречаются в рассуждениях А. Волкова и литературоведческие неточности. Например, говоря о циклах Блока «Арфы и скрипки» и «Кармен», автор пишет, что в них «немало стихотворений, прекрасных по чувству и форме, но очень изысканных и во многом камерных, независимо от обстановки, воссоздаваемой поэтом». С такой невнятной оценкой согласиться трудно. Уже справедливо отмечалось в критике и одностороннее отношение А. Волкова к своеобразному и сложному поэту Н. Клюеву.

В целом же книга Волкова подробно и скрупулезно прослеживает путь Есенина, рассказывает о связях его со многими современниками, учитывая публикации по этому поводу последних лет.

Тонкий лирик, глубокий знаток народной поэтической мудрости, Есенин не мог не передать в своем творчестве существенных черт народной жизни и истории. Но для того, чтобы крестьянскому парню Сергею Есенину возможно было стать художником высоких идей и мастерства, недостаточно было острого поэтического зрения, любви и понимания родной природы. Для этого понадобились осмысление задач искусства, кропотливая литературная учеба и точное ощущение традиции.

Волков пишет: «...Есенин — наследник классического богатства русской поэзии, прибавивший к ней новые драгоценные пласты поэзии песенной».

Такая преемственность естественна для всякого великого искусства.

А. БАСМАНОВ

А. Волков. Художественные искания Есенина. М., «Советский писатель», 440 стр.

Мкртич КОРЮН

САТИРИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ

«ВЕЛИЧИНА»

Чтоб стать величиной,
из кожи лез.
Вот он — величина.
Имеет вроде вес.
Одно беда — молва неумолимая
Бежит за ним: величина-то
мнимая...

ДЕЛИКАТНЫЙ СКУЛЬПТОР

Спросишь: зачем
в мастерской деловито
Собственный бюст
он творит из гранита?!
Чтоб у потомков,
должны понимать,
Ценного времени не отнимать.

ДВА ОХОТНИКА

В горах по месяцам
охотился охотник:
Все обойдет — и лес и дол...
А дичь — начальнику на стол.
Тот до нее изрядный был охотник.

КРИТИКАН

Всюду недостатков видит реки,
Крепко знает все свои права.
Даже в городской библиотеке
Книгу жалоб требует сперва.

ПРОТИВОРЕЧИЕ

День —
К забегаловкам ищет дорожку,
Ночь:
«Вызывайте скорей неотложку!»

САМОЕ ВАЖНОЕ

Он очень важен.
И решил отважно,
Что, кроме важности его,
Ничто не важно.

ЗНАТОК МУЗЫКИ

— Ну, как оркестр? —
соседа я спросил.
— Похоже, что играет он
с грехами.
Сам дирижер
То разводил руками,
То музыкантам палочкой грозил.

БЛИЗОРУКИЙ АСТРОНОМ

На Марсе все искал
По разуму собрата,
Хоть видел и людей
Довольно плоховато.

НОВОЕ В ПРАВОПИСАНИИ

Точка зрения, право слово,
Многоточие у иного...

ТЕКСТ И ПОДТЕКСТ

Чтоб был подтекст
В рассказе обнаружен,
Читателю и текст немного нужен.

ВОКРУГ ОСИ

— Повернуться лень тебе, Авет...
Но, зевнув, сказал Авет в ответ:
— Хватит и того, что шар земной
Ежедневно крутится со мной.

Перевел с армянского
Борис ГАЙКОВИЧ.

Майя РУМЯНЦЕВА

Анонимщик

Он ходит, ест,
Сидит,
ложится спать...
Но это только
видимость движенья.
Он в память впишет,
будто бы в тетрадь,
Го неудачный факт, то выраженье.
Гому,
Кто избран жертвою его,
С желаньем
низложить или унизить
Не жаль ему на свете
ничего —
Готов потратить
весь остаток жизни.
Он чаще, чем другие
подле вас,
И доверительно
понизить может голос.
И вот наступит
тот желанный час.
О, не оставь его,
высотнейшая подлость!
Пусть сядет он
за этот тихий стол,
О, как ему нужно
уединенье!
Квартира тихая
и с тишиной балкон
Для напряженного его воображенья.
И он запишет
все, что накопил.
Хвала и памяти,
и риску,
и отваге!
Дай бог ему остаток сил
Свести
На бесфамильной той бумаге.

Вик. МАРЬЯНОВСКИЙ

ЮМОРЕСКА

МЫШКИН БРОСАЕТ ВЫЗОВ ВИРУСАМ

В 9.00 весь отдел был в сборе. Только кинжальный взгляд заведующего — Макара Кузьмича Клюкина отметил отсутствие одного из сотрудников.

— Где Мышкин? — суровым голосом спросил Макар Кузьмич.

На столе задребезжал телефон.

Клюкин снял трубку.

— Ах, это ты, Мышкин? Фыркаешь ты что-то, как морской лев. Ах, это ты чихаешь... Простудился? Тут у людей, понимаешь, годовой отчет, а ты простудился? Не вовремя... Ну, ладно, раз уж вирус на тебя насел, болей, как говорится, на здоровье. Перебьемся как-нибудь без тебя. Но учти...

Неодобрительно хмыкнув, Клюкин повесил трубку.

Без двух минут десять в отдел вошел неизвестный. Лицо его закрывал черный шерстяной чулок деревенской вязки с прорезями для глаз и рта. В руке он держал пистолет.

— Мама! — крикнула казначей месткома Лидочка и закрыла торсом сейф, где хранились профсоюзные взносы. Клюкин поднял руки вверх.

— Это я, — конфузливо сказал Мышкин, стягивая с лица чулок, направляя струю себе в нос из аэрозольного пистолета. — Пришел вот все же...

— Молодец Мышкин! — воскликнул Клюкин. — Работяга. При подведении итогов учтем твой энтузиазм. Бери-ка вон ту папочку — против нее никакой вирус не устоит.

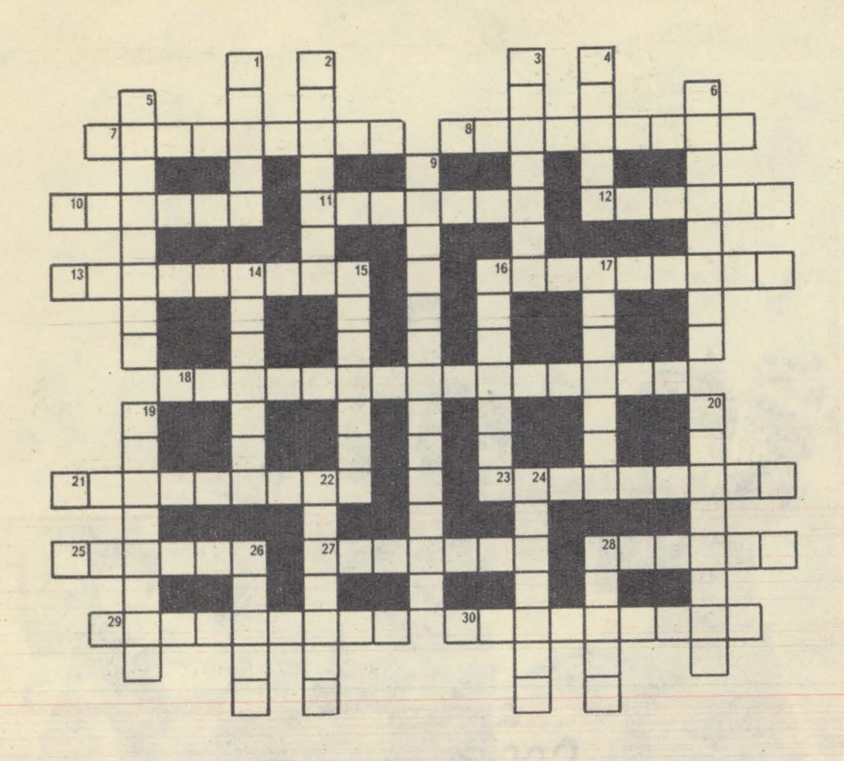
Мышкин в ответ благодарно чихнул. Бумаги со стола Клюкина разлетелись и закружились в воздухе.

Весь день Мышкин не отрывался от папки. Лишь каждые десять минут он, как знаменитый фокусник Арутюн Акопян, доставал откуда-то из недр пиджака свежий носовой платок, а использованный вешал сушить на батарею.

После обеда в отдел залетел редактор стенгазеты Блинников.

— Готовим экстренный номер! — закричал он, потрясая блокнотом.— Статейка уже есть: «Мышкин бросает вызов вирусам!» Звучит, а? Молоток ты, Мышкин! Всегда в строю! По тебе равняется весь коллектив!

...На другой день на работу никто не вышел: отдел бюллетенил в полном составе.

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Порт в Норвегии. 8. Систематизированное собрание однородных предметов. 10. Оперетта И. Кальмана. 11. Верхняя часть фасада здания. 12. Английский естествоиспытатель. 13. Тригонометрическая функция. 16. Порода собак. 18. Русская актриса. 21. Летательный аппарат. 23. Водное пространство порта с внутренней гаванью. 25. Часть ткацкого станка. 27. Вид декоративно-прикладного искусства. 28. Город в Литовской ССР. 29. Аппарат для отделения сливок от молока. 30. Телескоп для фотографирования небесных тел.

По вертикали: 1. Растение, которое цветет один раз в жизни. 2. Рупор для усиления голоса. 3. Арифметическое действие. 4. Щит для экспонатов. 5. Русский физик. 6. Повесть в стихах М. Ю. Лермонтова. 9. Толкование, объяснение смысла или содержания чего-либо. 14. Персонаж романа А. А. Фадеева «Молодая гвардия». 15. Специальность рабочего. 16. Река в Монголии и СССР. 17. Сорт хрусталя. 19. Вид скульптуры. 20. Дорожная повозка на дрогах. 22. Автор картины «Свежий ветер». 24. Четверть года. 26. Созвездие южного полушария неба. 28. Набросок, быстро сделанный рисунок.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 8

По горизонтали: 7. Медиана. 8. Арагуая. 9. Моцарт. 10. Препарат. 12. «Крушение». 13. Узор. 14. Табло. 16. Фураж. 18. Стратостат. 21. Толокнянка. 23. Ковер. 25. Летка. 27. Трек. 28. «Журавель». 30. Альманах. 32. Тантал. 33. Филатов. 34. Илимпея.

По вертикали: 1. Цесарка. 2. Барбадос. 3. Рампа. 4. Катер. 5. Ландшафт. 6. Гардина. 11. Туманность. 12. «Крестьянка». 15. Бубнов. 17. Рапорт. 19. Того. 20. Арык. 21. «Травиата». 22. Алюминий. 24. Окучник. 26. Кларнет. 29. Литва. 31. Лилия.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Центральный музей Вооруженных Сил СССР. Группа учеников школы № 330 города Москвы у Знамени Победы.

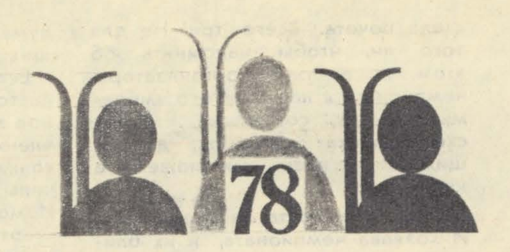
Фото И. Тункеля.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: М. В. Батухтин с внуком Сережей. (См. в номере материал «Хлеб рядом с лесом».)

Фото Е. Кузьмина.

Сдано в набор 6/II—1978 г. А 01120. Подп. к печ. 22/II — 1978 г. Формат 70×108 1/8. Усл. печ л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 537. Тираж 2 050 000 экз. Заказ № 1778.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

НА БРЕЮЩЕМ ПОЛЕТЕ

В. ВИКТОРОВ, фото А. БОЧИНИНА, специальные корреспонденты «Огонька»

Когда после долгого перерыва возвращаешься в памятные места, среди всего нового, что возникло здесь с тех давних пор, невольно ищешь что-нибудь запомнившееся тебе, чтобы легче было соединить прошлое с настоящим. После первого посещения Лахти двадцать лет назад мне запомнилась скульптура Яухайнена, установленная на центральной площади,— три гранитные ласточки, словно несущиеся на бреющем полете. Теперь я не нашел ласточек в центре города. Оказывается, их перенесли на озеро, поближе к стадиону, где я их и обнаружил, потратив немало для этого усилий. И вот снова передо мной ласточки. Тогда, в своем репортаже с первенства мира по лыжам 1958 года, я сравнивал их полет со стремительным бегом трех героев тогдашнего чемпионата — финна Вейко Хакулинена, шведа Сикстена Ернберга и советского лыжника Павла Колчина. Из всей нашей команды только Колчину удалось занять место рядом со скандинавскими лидерами: в гонке на 15 и 30 километров он завоевал серебряные медали и, выступая на последнем этапе эстафеты, обеспечил себе и своим товарищам по команде комплект серебра.

Колчин был первым среди советских гонщиков, кому удалось победить на финском снегу,— в 1957 году на традиционных Лахтинских играх «Сальпаусселкя» он выиграл гонку на 15 километров и вслед за Владимиром Кузиным, чемпионом мира 1954 года, показал, на что способны советские лыжники. Но тогда мы не могли и представить себе, что ждет нас после многих взлетов и падений на чемпионатах мира в Закопане, Холменколлене, Высоких Татрах и Фалуне, на Белых Олимпиадах в Кортина-д'Ампеццо, Скво-Вэлли, Инсбруке, Гренобле, Саппоро и снова Инсбруке.

Покидая лыжню, Павел Колчин оставил нам своего ученика — Вячеслава Веденина, впоследствии прославленного гонщика, чемпиона мира в Высоких Татрах и чемпиона Белой Олимпиады в Саппоро. Но Веденин, так же как в свое время Кузин и Колчин, выделялся в команде, и когда он после Саппоро сошел с лыжни, наши спортсмены на чемпионате мира в Фалуне не смогли завоевать ни одной золотой медали. Но уже тогда стали вырисовываться контуры сборной, которую с полным правом можно назвать сборной равных. Ведь теперь такие мастера лыжни, как Савельев, Бажуков и Рочев, могут рассчитывать на все ступеньки пьедестала почета, да и дебютанты нынешнего мирового чемпионата Н. Зимятов, А. Иванов и Р. Бакиев вполне созрели для самых дерзких свершений. А Евгений Беляев? Один из самых рослых, самых мощных гонщиков среди современной лыжной элиты, серебряный призер Олимпийских игр-76 давно готов к тому, чтобы подняться наконец на самую высокую ступеньку пьедестала.

Да, такой ровной по силе команды мы не имели еще никогда. Уже с Олимпийских игр 1976 года Савельев и Бажуков увезли золотые медали, а на Лахтинских играх в следующем году, генеральной репетиции мирового первенства, советские гонщики не оставили своим именитым соперникам ни одного первого места.

Можно представить, как трудно было тренерам сборной отобрать среди многих равноценных претендентов ту семерку, которой предстояло выступать в Лахти. Вот о чем я думал, любуясь знакомой скульптурой гранитных ласточек. Их на постаменте только три, и столько же лыжников будет после каждой гонки на пьеде-

стале почета. Всего три! Не для того ли, чтобы напомнить об этом, и выбрали организаторы чемпионата в качестве его эмблемы рисунок, состоящий из трех схематических фигурок, держащих лыжи у плеча, как сложенные крылья?

Всего три места на пьедестале. И хозяева чемпионата, и их ближайшие соседи — лыжники Норвегии и Швеции, и снова набирающие силы гонщики ГДР без боя этих мест не уступят. Мы видели на последних тренировках стремительный полет по лыжне и могучего финна Юхи Мието, и чемпиона мира в Фалуне шведа Томаса Магнуссона, и прославленных норвежцев Ивара Форму и Магне Мюрму, и молодого американца Вильяма Коха, сенсацию последней Белой Олимпиады. Все они, безусловно, прекрасно подготовились к борьбе. Но теперь уже не время для размышлений и тренировок. Журналисты получили стартовые протоколы первой мужской гонки на 30 километров. Однако в нарушение неписаных законов, по которым гонка на 30 километров считается заглавной для всех чемпионатов, хозяева первенства с согласия руководителей Международной лыжной федерации решили предоставить честь открытия чемпионата женщинам. Говорят, что причина ломки привычного расписания в том, что с нынешнего чемпионата начинает разыгрываться еще одна женская дистанция — 20 километров. И вот теперь чемпионат-78 открылся женской гонкой на 10 километров.

Как преобразился за эти годы лахтинский лыжный стадион! Если раньше трибунами для многочисленных зрителей служили склоны снежных холмов, то теперь с одной стороны стадиона поднялась огромная бетонная трибуна. Из ложи прессы, расположенной на самой ее вершине, хорошо была видна лыжня, огибающая овал стадиона и поднимающаяся на крутой склон к подножию трех трамплинов. Борьба еще не началась, но по радиорепродукторам то и дело звучат четыре русские фамилии: Амосова... Рочева... Сметанина... Кулакова... А где-то среди зрителей находятся Алевтина Колчина, и ее муж Павел, и ученик Колчина — Вячеслав Веденин. Теперь они зрители, но зрители особые: ведь они стали тренерами, воспитателями новых лыжных поколений (забегая вперед, скажу, что Веденин принимает участие в тренировке молодой гонщицы Раисы Хворовой, которая готовится к выступлению в пятикилометровой гонке). На первую гонку были выставлены самые обстрелянные наши гонщики. И мы, что греха таить, не говоря об этом вслух, надеялись, что все три места на пьедестале почета будут наши.

Гонка складывалась так, что эти надежды вполне могли осуществиться. Лидировала с самого старта Амосова. Сметанина проигрывала ей 10 секунд, а третьей шла Кулакова, уступавшая Сметаниной всего 0,15 секунды.

Кулакова пропустила вперед финскую гонщицу Х. Риихивуори и заняла четвертое место, а первый и второй призы завоевали З. Амосова и Р. Сметанина. Разве это не успех? Если бы мужская гонка на 30 километров закончилась с таким результатом, это был бы не успех, а триумф,— вот о чем я подумал, поздравляя с победой наших девушек.

Есть такое выражение: «первая ласточка». Оно обозначает успешное начало задуманного, осуществление мечты. У нас не одна ласточка, а сразу две! Смогут ли мужчины продолжить успех женщин? И моя рука невольно тянется к стартовому протоколу гонки на 30 километров. Всего три листка, 71 строка. Фамилия, страна, время старта — вот и все. Но иногда даже этого достаточно, чтобы угадать коэффициент напряженности еще не развернувшейся борьбы. Все зависит от того, как распорядится сейчас слепая воля жребия. И вот я обвожу кружочком цифру и время старта. Под этим номером возьмет старт Розалин Бакиев. Десятью строчками ниже мы находим нашего лидера Сергея Савельева, пятью строчками ниже — фамилию Е. Беляева, а в непосредственной близости расположился лидер финской команды, знаменитый Юха Мието. И, наконец, великолепная концовка: Николаю Зимятову, самому молодому лыжнику сборной, предоставлена почетная возможность стартовать в группе сильнейших... Это ли не знак уважения к молодому гонщику, так хорошо заявившему себя еще в прошлом сезоне?

По всему чувствовалось, что гонка должна быть интересной, что борьба будет, как всегда, трудной. И я прихватил с собой на счастье итоговый протокол 30-километровой гонки чемпионата мира-58, который нашел перед отъездом в Лахти в своем архиве.

Нынешняя гонка была поистине триумфальной. Ее результат широко известен нашим читателям. Они имели возможность видеть ход борьбы по телевидению. Ей посвятили свои репортажи спортивные журналисты. Но, когда эта яркая гонка закончилась, я имел возможность в отличие от более молодых соратников вытащить из портфеля и положить рядом итоговые протоколы нынешнего чемпионата и чемпионата-58. Тогда, двадцать лет назад, больших успехов добились финны, и среди них победитель гонки Калеви Хямяляйнен. Он был самым знаменитым гонщиком чемпионата мира.

Павел Колчин, как мы уже писали, закончил ту гонку вторым. А Савельев и Зимятов не оставили теперь своим соперникам никаких шансов на первые два призовых места. В шестерке лучших оказался и еще один наш спортсмен — Е. Беляев, занявший пятое место. И это еще раз подтверждает наше убеждение, высказанное в начале репортажа: сейчас мы имеем команду, в которой все равны, команду лидеров.

Как в женской, так и в мужской гонке мы были близки к тому, чтобы увидеть наших лыжников на всех трех ступенях пьедестала почета. Сенсацией чемпионата стало третье место поляка Юзефа Лущека.

Мы рады отметить успех Николая Зимятова, о котором «Огонек» писал еще прошлой зимой, прекрасные его возможности мы отметили зимой нынешней. Наши лыжники Савельев, Зимятов и Беляев провели эту гонку поистине на бреющем полете. И теперь нам остается верить, что они порадуют нас на трех оставшихся дистанциях — 15 километров, в эстафете и в гонке на 50 километров. А начало чемпионата действительно триумфально.

Латхи. По телефону. 20 февраля.

Первые два приза в гонке на 10 километров завоевали З. Амосова и Р. Сметанина.

Трамплины.

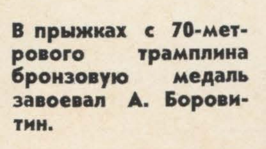
Лыжный стадион в Лахти.

Финиширует победитель в гонке на 30 километров Сергей Савельев (№ 25).

Николай Зимятов на дистанции.

В прыжках с 70-метрового трамплина бронзовую медаль завоевал А. Боровитин.

Цена номера 35 коп.
Индекс 70663